

Б-105585/3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ

(Историко-филологические исследования)

Уфа-1982

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Б-105585/3

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ

(Историко-филологические исследования)

К
Уфа-1982

902.93 (Башк) + 902.93

Печатается по решению
РИСО БАН СССР

Сборник посвящен изучению письменных памятников Башкирии. Кроме общей характеристики письменных памятников региона в статьях сборника анализируются источники в археографическом, этнографическом и историко-филологическом аспектах. Впервые публикуются вновь найденные источники.

Книга рассчитана на специалистов-тюркологов, филологов-башкироведов и студентов вузов гуманитарного профиля.

Редколлегия:

И.Г.Галаутдинов, Т.М.Гарипов, Р.Г.Кузеев,
З.Г.Ураксин (отв. редактор)

БИБЛИОТЕКА
Башкирского филиала
Академии наук СССР

Б-105587

БАН СССР, 1982 г.

Усиление внимания историков и филологов Башкирии к документальным источникам, полевым археографическим материалам, наметившееся за последние 10-15 лет, позволило исследователям пересмотреть и уточнить утвердившиеся в науке взгляды на ряд кардинальных проблем истории народа и его культуры. Укрепление источниковой основы исследований расширило возможности для более доказательной аргументации вопросов, сформулированных ранее в самой общей или предположительной форме.

Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР совместно с Южноуральским отделением Археографической комиссии АН СССР в 1970-х годах осуществлена программа по расширению и повышению уровня источниковедческих исследований. В рамках этой программы проведены всесоюзные и межрегиональные конференции в Уфе (1972 г.), Оренбурге (1975 г.), организован ряд предварительных совещаний методического характера; на заседаниях теоретических семинаров и ученого совета Института чаще стали заслушиваться научные доклады, отчеты по полевой археографии и методическим проблемам изучения письменных памятников.

Непосредственным результатом проделанной работы явились выпуски археографических сборников¹. В них нашли отражение разные стороны деятельности археографов Южного Урала - выявление новых источников, организация и расширение полевой археографии, источниковедческие и текстологические исследования по письменным памятникам, публикация наиболее ценных документов, манускриптов и т.п.

Настоящий сборник в известной мере продолжает сложившуюся традицию. Он посвящен комплексу историко-филологических проблем, связанных в основном с письменными памятниками Башкирии. В него вошли исследования, посвященные различным аспектам анализа древ-

---

¹ См.: Южноуральский археографический сборник, вып. 1. Уфа: БФАН СССР, 1973. 406 с.; вып. 2. Уфа: БФАН СССР, 1976. 392 с.; Археография Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976. 173 с.; Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977. 158 с.; Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. Уфа: БФАН СССР, 1979. 139 с.

них текстов как памятников истории культуры народов Башкирии и смежных регионов.

Большое место в сборнике занимают источниковедческие, археографические и текстологические исследования. С разных точек зрения историко-филологической науки рассматриваются образцы кодологии, эпиграфики и дипломатики. Предлагается более или менее оптимальная система воспроизведения арабграфичных тюркоязычных текстов средствами современной графики башкирского и татарского языков.

Исследования по письменным памятникам других регионов включались в сборник, если они имели хотя бы косвенное отношение к истории башкирского языка, литературы и краеведению. Кроме статей исследовательского характера и обзоров источников, публикуются отдельные важные письменные данные с территории Башкирии, имеющие определенное значение для истории культуры Урало-Поволжского ареала в целом.

В печатаемых документах и исследованиях по аналогии с публикациями в журнале "Советская тюркология" применена двойная транскрипция: одни тексты переданы через латиницу, другие - на базе современного башкирского алфавита.

Редколлегия и авторы посвящают свой окромяный труд 60-летию со дня рождения одного из ведущих специалистов в области изучения памятников тюркских письменностей Эдгема Рахимовича ТЕНИШЕВА и выражают надежду, что сборник будет содействовать развитию интереса тюркологов страны к письменным памятникам Башкирии, сравнительно еще мало вовлеченным в научный оборот.

ЯЗЫК

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СТАРОПИСЬМЕННЫХ
ПАМЯТНИКОВ НА ЯЗЫКЕ ТЮРКИ

(системы воспроизведения арабографичеких текстов средствами
современной графики)

I

Работа над старописьменными арабографичными памятниками на тюркских языках всегда связана с большими трудностями. Они заключаются не только в том, что собиpание и изучение таких памятников требует много времени и труда, но и в том, что очень часто публикация выполненной работы связана с не меньшими сложностями технического характера. Правда, древний памятник там, где имеется полиграфическая база, может быть издан на старом алфавите, а там, где нет такой базы, может быть издано его факсимиле. Но в таком случае, он не будет доступным для широкого круга исследователей и читателей. С другой стороны, памятник может быть изучен специалистами и переведен на современный язык и, таким образом, по своему фактическому содержанию может быть введен в научный обиход, стать доступным для широкого круга исследователей. Однако в таком случае он потеряет свою ценность как памятник истории языка и письменности народа. Поэтому наиболее подходящим является третий путь исследования и публикации древних памятников письменности (исторических и географических сочинений, литературных и фольклорных произведений, документальных материалов и т.п.), чтобы сделать их доступными и для тех, кто не знаком с древними письменами. Для этого необходимо опубликовать его факсимиле и одновременно перевести на какую-либо современную графическую систему. Однако такая работа, совершенно необходимая по сути, связана также с немалыми трудностями, когда речь идет о арабографичных памятниках. Если научная сторона дела состоит в том, чтобы правильно прочесть старые письмена, восстановить реальное звучание языка прошлых эпох, на котором написан памятник письменности, — поскольку арабский алфавит, бедный знаками для обозначения гласных звуков тюркских языков, затемняет былое звучание и истинное произношение слов, — то другая сторона заключается в том, как опубликовать, подать материал "технически" просто, не нанося ущерба точности

его воспроизведения, чтобы он не терял своей языковой и иной специфики как определенный феномен в истории культуры народа и в то же время был доступен современному читателю. Недопустимы вольные пересказы таких памятников на современных языках, их чтение и воспроизведение на основе современных норм правописания и орфоэпии языка. Необходимо обеспечить наиболее приближенное к действительному чтению и наиболее точное воспроизведение текста оригинала. Только после этого памятник может быть переведен на современный тюркоский язык или на русский и использован в исследовательской работе, а его текст при этом должен явиться историко-филологически обработанным памятником языка и древней письменности народа. К сожалению, эти неперемные условия при работе над старыми письменами не всегда соблюдаются.

Рассматриваемая проблема актуальна в целом в деле исследования и издания многочисленных письменных памятников тюркских народов СССР и заслуживает более подробного изложения. Однако в настоящей работе мы касаемся лишь одного аспекта этого сложного вопроса, а именно — способов воспроизведения древних арабско-графических писем с помощью современной графики. Нам представляется, что в настоящее время некоторое отставание в изучении и публикации арабско-графических памятников на литературном языке турки в его урало-поволжской разновидности, представляющей письменные памятники башкир и тагар, объясняется в значительной степени трудностями воспроизведения их современными средствами, особенно в центрах с недостаточно развитой полиграфической базой. В таких центрах применение существующих систем воспроизведения старых писем средствами русской или латинской графики с множеством дополнительных литер и значков затруднено. Работы последних лет, в которых делаются попытки их применения, не отвечают современным научным требованиям, они неточны, и их оформление оставляет желать лучшего.

К специально разработанным системам передачи арабских букв средствами русского и латинского алфавитов, как наиболее удобных и понятных для современного читателя и менее трудоемких для типографского исполнения, ученые прибегают с давних пор¹. Системы эти возникли у нас еще в XIX в.², в дальнейшем они были усовершенствованы и уточнены³. Особо важное значение имеет применение подобных систем транслитерации при составлении каталогов восточных рукописей, так как при этом необходимо точное воспроизведение

названий сочинений, имен авторов, переводчиков, переписчиков, географических названий, отдельных терминов, вводимых впервые в научный обиход⁴.

Выработанные в различное время системы применялись при описании арабских, персидских, а также турецких рукописей как на Западе, так и у нас⁵. В 60-х годах система транслитерации, примененная при описании арабских и персидских рукописей, с изменениями и дополнениями, была использована при описании турецких рукописей Института востоковедения АН СССР, хранящихся в Ленинграде⁶. Эта система была применена также при описании рукописей, хранящихся в ряде других городов⁷.

После Октября, в 20-е годы, особое внимание обращалось на выработку научной транскрипции по библиотечному делу и ставилась задача, чтобы кадры библиотечных работников получали "теоретическое и практическое образование по новой библиотечной графике и истории научных транскрипций"⁸. При содействии И.Ю.Крачковского и А.Н.Самойловича на базе латинского алфавита были выработаны "компромиссно согласованные транскрипции для арабского, персидского и турецкого (т.е. турецких. - С.М.) алфавитов"⁹. Для турецких языков, алфавиты которых насчитывали 31 букву, применялся 21 одинарный знак и один - удвоенный. Для обозначения турецких гласных рекомендовалось восемь букв: а, е, о, ё, ы, і, и, ѳ¹⁰. Кроме того, для передачи арабского и персидского текстов указывался ряд других правил, которые могут быть применены и для текстов турецких¹¹. Системы транскрипции арабско-турецких текстов, включающие почти все гласные турецких языков, были разработаны также многими другими авторами. Некоторые из этих систем мы рассматриваем ниже в сравнительной таблице.

Основной разницей в таких системах заключался в отсутствии единства в изображении гласных звуков. Общеизвестно, что арабская графика была очень неудобной для передачи фонетических особенностей турецких языков. В турецких языках имеется от шести до одиннадцати гласных звуков, а в арабском алфавите, насчитывающем 28 букв, обозначающих согласные, только три буквы ("алиф", "вāv" и "йā") употребляются также и для обозначения долгих гласных (ā, ī, ū)¹². Краткие гласные (ā, ī, ū) соответственно обозначаются подстрочными и надстрочными знаками ("фатхой", "кесрой", "даммой"). Этих средств, конечно, далеко недостаточно для передачи звукового состава турецких языков. При создании турецкой письменности эти

особенности арабской графики как-то учитывались, и в особо ответственных случаях применялась огласовка текстов, а в позднейшее время неоднократно изменялась орфография тюркского письма путем введения отдельных графем для обозначения в основном гласных звуков.

Таким образом, для настоящего времени нет такой системы транслитерации, которая бы полностью соответствовала возросшим потребностям исследования и публикации памятников письменности на языке турки. Это относится и к урало-поволжской, башкирской и татарской, его разновидности. Однако следует отметить, что недавно эту проблему рассмотрел Т.М.Гарипов, исходя из потребностей текетологии и научного исследования фонетики кыпчакских языков Урало-Поволжья, и им же была разработана и применена специальная система "трансографики"¹³, о которой подробнее речь пойдет ниже.

Прежде чем приступить к сравнительному рассмотрению существующих систем воспроизведения арабографических текстов о системой, предлагаемой нами, остановимся на некоторых вопросах, касающихся терминов "транслитерация" и "транскрипция".

2

Передача звуков какого-либо языка на письме может быть более подробной, достаточно точной и при этом отличаться от принятой в данном языке орфографии. В таком случае обычно говорят о фонетической транскрипции¹⁴. Передачу букв и знаков одной письменности с помощью букв и знаков другой, независимо от звуковых значений этих букв и знаков, называют транслитерацией¹⁵. От фонетической транскрипции и транслитерации отличается так называемая практическая транскрипция, как "способ передачи слов одного языка средствами обычной орфографии другого языка для нужд практики — прессы, научной и художественной литературы, картографии..."¹⁶. Однако при воспроизведении старописьменных памятников ни одна из указанных выше систем не способна помочь делу, так как соответственно фонетическая транскрипция неприемлема ввиду недостаточного знания нами произносительных норм арабографических тюркских писмен, а транслитерация в чистом виде также неприемлема, поскольку она, если даже применяется, не является самоцелью, а лишь средством и первой ступенью на путях исследования не только чисто графических, но и фонетических и фонологических особенностей изучаемого текста. В то же время, как нам представляется, нет

достаточных оснований называть процесс воспроизведения старых арабграфичных писем трансографикой, а восстановленные таким путем слова — трансграммами, как это предложили авторы "Древнетюркского словаря"¹⁷. По внутреннему содержанию термин "трансографика" — это не что иное, как та же "транслитерация". При воспроизведении же арабграфичных тюркских текстов средствами современной графики мы не только заменяем одни графически выраженные знаки другими, но и пытаемся установить звучание также графически не выраженных, однако подозреваемых, элементов старого письма. По такому же принципу переданы и слова в "Древнетюркском словаре". Стремясь воссоздать звучание слова, мы опираемся на такие факты, как орфография письма, принадлежность письма определенному тюркскому народу, определенному географическому ареалу их распространения, времени написания и т.п. В результате все то, что мы делаем при воспроизведении древнего текста, является транслитерацией с элементами транскрипции или даже, в конечном счете, приближенной фонематической транскрипцией.

Ниже мы на базе современного башкирского алфавита предлагаем систему знаков для такой транслитерации, сопровождаемой элементами транскрипции. Эта система может быть применена как для башкирской, так и для татарской письменности. Кроме того, она, путем небольших изменений, может быть переведена на базу современного татарского алфавита. Однако особенности и преимущества предлагаемой нами системы можно понять лишь при сравнении ее с некоторыми существующими системами.

Ниже следует таблица таких систем в сопоставлении с предлагаемой.

Исходя из существующей практики, следует отметить, что система транслитерации должна отвечать следующим требованиям: во-первых, она должна базироваться на каком-либо современном алфавите и содержать минимальное число дополнительных знаков, чем обеспечивается экономичность и удобочитаемость; во-вторых, каждый знак в системе транслитерации должен соответствовать только одному знаку в графической системе оригинала; этим достигается точность и взаимная обратимость двух систем, что является третьим неременным условием научной достоверности системы. Что же касается системы транслитерации для тюркских арабграфичных текстов, то она должна содержать достаточное количество знаков для обозначения гласных и предоставлять исследо-

Г. Согласные

№	Тюрк-ский алфа-вит	Существующие системы 18								Предлаг-мая сис-	
		Крач-ков-ский	Самой-ло-вич	ОТР	ДТС	Эк-манн	Над-жип	Ха-ри-сов	Гари-пов	вариант	
										пол-ный	об-ще
I	19	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
2	б	б	б	б	б, р	б	б, п	б	б	б	б
3	п	-	р	п	р	р	п	-	п	п	п
4	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
5	с	с	с	с	с, т	с, т	с	с	с	с	с
6	ж	дж	г	дж	с, т	с	ж, ч	ж	ж	дж, ж	дж
7	ч	-	с	ч	с	с	-	ч	ч	ч	ч
8	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х
9	к	к	к	к	к	к	к	к	к	к	к
10	д	д	д	д	д	д	д	д	д	д	д
11	з	з	з	з	з	з, д	з	з	з	з	з
12	р	р	р	р	р	р	р	р	р	р	р
13	в	в	в	в	в	в	в	в	в	в	в
14	ж	-	ж	ж	ж	ж	-	-	ж	ж	ж
15	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с
16	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
17	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с
18	з	з	з	з	з	з, д	з	з	д	д	з
19	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
20	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с
21	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с	с

	I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
22	ق	ق	ق	ق	ق	ق	ق, Г	ق	ق	ق
23	ف	ف	ف	w, v, f	ف	ف	ف	ف	ف	ف
24	ك	ك	ك	q	q	к, г	к	к	к, к	к, к ^{ЖЖ}
25	و (ف)	-	-	w, v	w	у	-	-	у	у
26	ك, گ	к	к	к, g	к, г, (г)	к, г	к, г, н	к	к	к, (г)
27	گ	-	g	г	g	г	г	г	г	г
28	ك, گ	-	h	h	-	нг, h	h	h	нг, h	h
29	ج	-	ng	h, g	-	-	h	h	h	h
30	ل	л	л	л	л	л	л	л	л	л
31	م	м	м	м	м	м	м	м	м	м
32	ن	н	н	н	н	н	н	н	н	н
33	ه	х	х	х	х	х	х	х	х	х
34	ت	-	-	t	-	-	т	т	т	т
35	ب	в, y	в	w, v	-	-	б	в	в	в
36	ي	-	-	-	-	-	-	в	в	в
37	ي	й	у	й	у	й	й, е [-йе]	й	й	й

* Первая литера применяется при воспроизведении арабских слов, вторая - при собственно башкирских.

** При отсутствии литеры "к" (башкирский алфавит) применяется "дж", при наличии ее (татарский алфавит) можно избежать использования сочетания двух литер.

**# Можно применять одну из литер в зависимости от технических возможностей (к - специфическая для башкирского алфавита литера, к₂ - литера, принятая в ряде других тюркских языков, в том числе и в татарской диалектологии (см.: Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969).

I!		I	2	3	4	5	6	7	8	9	10-(II)
26	-o-			ä							э:, (э, а)
27	д			а, (ä)		а		а, э, (и)	а	э, а	э, (э, а)
28	ö, ä			ä, -ät-							э, -эт- (э, -эт-/а, -ат-)
29	‘ фатха	а		а	а, ä, е а, ä			а, э	а	а, э, е	а, э, э-(-е-)
30	7 кесра	и		и	е, i, i̇ i, i̇, е			и, е, и	и	i, и, э	и, и, э- (-е-)
31	9 дамма	у		у	о, ö, и, ü о, ö, и, ü			о, э, у, ү	у	о, ö, у, ü	о, э, у, у
32	теньин фатха	ан		ан						ан	ан, ан.
33	теньин кесра	ин		ин						ин	ин
34	теньин дамма	ун		ун						ун, он	ун
35	° сукун								ø		ø

нателью достаточный простор для интерпретации звуковой оболочки слова, что не наносит ущерба научной стороне дела при указанном выше условии взаимной обратимости двух систем графики. Причем обязательным условием точности является отдельное обозначение графически выраженных и графически не выраженных гласных, поскольку графически выраженные гласные являются подчас определяющим звеном звуковой оболочки арабиграфических текстов. Кроме того, для тюркских языков следует иметь полную и облегченную системы транслитерации, первая — с фиксацией арабских фрикативных (р, з), эмфатических (сь, зь, ть, дь), глубокозаднеязычных (хь, гь, к) согласных, учет которых необходим при исследовании орфографии текстов; вторая, облегченная (когда: т, ть = т; з, зь, дь = з; с, с, сь = с; р, гь = р; х, хь = х, а: = а, и: = и, у: = у и т.д.), на которую можно переложить текст для публикации (особенно при наличии факсимильных изображений) после того, как он обработан исследователем с применением полной системы; или же ее, соответствующим образом оговорив, можно использовать во всех случаях, когда изучаются и публикуются менее сложные, поздние, орфографически ровные тексты.

Если рассмотреть данные сравнительной таблицы, то лишь система, применяемая для арабского языка, отвечает всем основным требованиям (см. графу 1), за исключением того, что она включает большое число дополнительных знаков. Другие же системы, применявшиеся для воспроизведения тюркских текстов, в различной степени не соответствуют этим требованиям. Система, предложенная А.Н. Самойловичем (см. графу 2), копирует вариант для арабского языка с некоторыми облегчениями, но не детализирована в отношении гласных, не отвечает признаку взаимной обратимости.

В системе, примененной при описании тюркских рукописей (см. графу 3) на различных языках (азероайджанском, ошкырском, татарском, турецком, уйгурском, узбекском и др.), для обозначения гласных звуков используются лишь три буквы (а, и, у), как и для арабских текстов. Система эта, таким образом, представляла собой транслитерацию и почти не касалась звуковой стороны текста. Это было оправдано при описании рукописей на различных языках. Оставаясь в силе при работе над описанием тюркских рукописей на различных языках, эта система без существенных дополнений не может быть рекомендована для воспроизведения больших текстовых материалов на языке турки, имевшем в истории письменности на нем целый

ряд вариантов (национальных, территориальных, орфографических). В системе, которой руководствовались авторы "Древнетюркского словаря" или их предшественники, исследовавшие различные тюркские тексты, не полностью соблюдается принцип обратимости, так как по утверждению самих авторов, знаки этого словаря позволяют отразить лишь "многие существенные особенности написания слов"²⁴, и исследователь может восстановить "частично или полностью оригинальное начертание"²⁵. Однако в данном случае авторы выражаются весьма деликатно, ибо бесчисленное число соответствий в словах с $У \sim IU$, непоследовательность в изображении графически выраженных гласных, передача сочетаний анлаутного "алифа" вместе со следующими за ним гласными посредством простых гласных, т.е. теми же гласными, которыми передаются гласные, не выраженные графически, несмотря на неоправданно сложную систему обозначения гласных (см. графу 4), свидетельствуют о том, что принцип обратимости соблюден не полностью, и орфографию большинства слов невозможно восстановить.

Та же непоследовательность имеет место в "Среднетюркских глоссах подстрочного комментария перевода Корана" Я.Экманна (см. графу 5). В указанном словаре Э.Н.Наджиба (см. графу 6) этот недостаток компенсируется параллельной подачей слов в арабографическом начертании, благодаря чему имеется возможность контроля, и транслитерация, сочетающаяся с транскрипцией, ведется на прочной научной основе.

А.И.Харисов в воспроизведении слов на урало-поволжском варианте тюрки средствами современного башкирского и татарского алфавитов (см. графу 6) применял своего рода практическую транскрипцию, которая хотя и имеет существенные недостатки, но в целом лучше, чем попытки, предпринимаемые в этой области башкироведами более молодого поколения. А.И.Харисов, идя по сути интуитивно, достигает в основном добротного изображения слов, не впадая в крайность.

Предложенная Т.М.Гариповым система является строго научной и комплексно содержит в себе возможность применения ее как для фонематической транскрипции, так и для транслитерации. На ее основе можно вести сравнительные исследования фонетического строя кыпчакских языков Урало-Поволжья, включая звуковые системы литературных языков, их диалектов и говоров. Жизненность принципов этой системы в части, касающейся фонетической транскрипции, доказана успешным применением ее самим автором в его упомянутом выше исследовании о кыпчакских языках Урало-Поволжья. Однако для применения этой сис-

темы в части "трансграфов", предложенных для транслитерации при текстологическом воспроизведении арабографичных текстов, возникают те же трудности, которые встречались и раньше, ибо Т.М.Гарипов для обозначения гласных в своей системе предлагает лишь три знака (а, и, у), соответствующие арабским "фатхе", "кесре" и "дамме", а арабские "алиф", "вав", "йай", широко применяемые в турецкой арабографичной письменности для обозначения также и гласных, приняты лишь в их консонантных значениях²⁶.

Что касается системы транскрипции, примененной Л.З.Будаговым, то она представляет немалый интерес, поскольку эта система применена им на материале почти всех турецких языков, пользовавшихся арабской графикой. Хотя Л.З.Будагов свою систему транскрипции применяет для изображения не всех слов, но зато там, где он ее не применяет, слова им огласованы (снабжены "харакатами"). Весьма интересным, и в то же время показательным и поучительным, в системе Л.З.Будагова является обозначение гласных. Для этого он применяет 12 знаков, которые в целом в известной степени отражают произношение турецких слов в 60-х годах прошлого столетия. Данные словаря Л.З.Будагова, затем "Опыта турецких наречий" В.В.Радлова, а также свидетельства других словарей по татарскому и башкирскому языкам, изданных в XIX в. или на рубеже XIX-XX вв., в какой-то мере должны быть приняты во внимание в отношении фонетической оболочки слов в арабографичной письменности турки Урало-Поволжья, если понимать этот язык более широко, с элементами разговорного языка, языка деловых бумаг и т.п., учитывая также более ранние периоды времени.

4

В предлагаемой системе транслитерации мы старались избежать недостатков рассмотренных выше систем. Преимуществом ее является то, что применяя ее, можно отражать все графические (орфографические) особенности оригинального текста, и, таким образом, она обладает полной обратимостью и не требует публикации арабографичного текста (разумеется, при этом не исключается факсимильное воспроизведение оригинала для контроля); во-вторых, легко выполнима технически, так как состоит только из букв современного башкирского алфавита; в-третьих, в результате детализации обозначения гласных, исключаящей любые непоследовательности, дает исследователю возможность полнее и объективно отражать фонемный состав оригинала, внося в звучание слов лишь такие субъективные моменты, которые легко

контролируются самой же системой транслитерации.

Система обозначения согласных достаточно проста и понятна. В ней использованы все возможности башкирского алфавита и, кроме того, применен практикующийся принцип обозначения знаков арабской графики сочетаниями двух литер, как это принято в арабской системе транскрипции для буквы "джим" ("дж"). Это касается всех арабских эмфатических звуков и некоторых других. Применение в данном случае твердого знака (ъ) позволило избежать привлечения дополнительных знаков. Эти сочетания литер будут в основном применены при транслитерации слов арабского происхождения и тогда, когда требуется полное отражение орфографии текста. Может быть несколько необычным является применение "гъ" и "р" для обозначения соответственно арабских "гъайн"а и "райн"а. Однако здесь вопрос вовсе не в том, как мы их назовем "гъайн"ом или "райн"ом, как мы предлагаем для турки Урало-Поволжья, а в том, что эти звуки в обоих указанных языках во всех арабских заимствованиях произносятся как увулярный "р". Поэтому транслитерация этих букв с учетом произношения вполне возможна. Этот звук существовал в этих языках давно, по крайней мере, раньше того времени, когда арабские слова стали проникать в татарский и башкирский языки.

Кроме того, в арабских словах "гъайн" можно обозначать знаком (ˆ), как это принято для транскрипции арабских слов, подобно тому, как принят знак запятой (ˆ) для "алифа" и "хамзы" в середине и конце слова (в начале в арабских словах "алиф" может и не обозначаться, а в турецких он выражается различными гласными).

Система обозначения гласных, несмотря на кажущуюся сложность, является достаточно простой и легко выполнимой, ибо все здесь сводится к двум основным положениям:

во-первых, а) начальные "алиф" и "хамза на подставке", введенная в алфавиты турецких языков позднее, б) гласные, графически не выраженные, т.е. выраженные не литерами, а "харакатами", или подсказываемые самой орфографией текста, передаются соответствующими обычными гласными в их возможных в данном конкретном случае сингармонических вариациях;

во-вторых, снабжаются знаком двоеточия после них²⁷: а) "алиф" с "маддой", "хамза на подставке" с последующим за ним "алифом" в позднейшей орфографии, б) сочетание "алифа" или "хамзы на подставке" со следующими за ними графически выраженными гласными, а также в) все другие графически выраженные гласные ("алиф", "нав" и

"йай") в середине слова.

Ауслатные же гласные обозначаются обычными гласными (чтобы не вызвать ощущение наличия двоеточия в конце слова), т.е. "алиф" (с помощью литеры -а), "ваз" соответственно (-у, -у , -о, -е²⁸), "йай" (-и, -и, -е), "ке" (в значении гласного - е), поскольку в данной позиции эти гласные не могут быть смешаны с другими гласными (графически не выраженные гласные в конце тюркских слов не употребляются).

В тех случаях, когда текст транслитерации публикуется вместе с его факсимильным воспроизведением, знак "воеточия может вообще не употребляться в тюркских словах ввиду возможности контроля по орфографии оригинала.

Теперь нам остается лишь привести примеры транслитерации в предлагаемой системе. Для этого мы берем начальные строки уже опубликованного в печати в факсимиле и транскрипции одного документа из Госархива Оренбургской области на языке тюрки под № 2 (от 14 июня 1832 года)²⁹.

В начале мы приводим факсимиле транслитерируемой части документа, затем транскрипцию этой части в выполнении исследователя и далее нашу транскрипцию в полном и облегченном вариантах. При этом мы подчеркиваем, что придерживаемся строгой системы, не употребляя литеры э (-е-) в их современных значениях (для современного башкирского и татарского письма), применяя пока лишь литеру "и". Применение э - (-е-) порою неоправданно "башкиризует" или "татаризует" тексты, придавая им современное звучание. Переложить текст на современные языки нетрудно, лишь бы они были правильно прочтены с переводом их с трехгласного хотя бы на восьмигласный (то есть собственно тюркский) вариант.

Выше было сказано о том, что Т.М.Гарипов в своей системе предлагает вообще применять строгий, мы бы сказали, "классический" вариант транслитерации с использованием лишь трех гласных (а, и, у). Конечно, исследователь не может пройти мимо этой "классической" ступени работы; он, вчитываясь в текст, начинает именно с применения этой ступени, но изложение текста на бумаге должно осуществляться, по нашему мнению, с применением хотя бы восьми общетюркских гласных, чем завершается эта "классическая" ступень. А далее следуют историческая фонетика и фонология, использование данных которых должно исключать произвольные толкования отдельного исследователя. Таким образом, мы пока предлагаем осу-

шестьдесят первый, "классический" этап воспроизведения текстов на тюрки, и лишь затем переходить ко второму этапу интерпретации этих текстов на основе фонематических или фонетических транскрипций.

I. Текст оригинальный (факсимильное воспроизведение).

II. Выполненная ранее транскрипция^{*.}

- 1) [„] Везнең^{**} зимискуй гусбудин исбрауник Дириягин;
- 2) хэзрэтләрәнә;
- 3) Бервай иртада 12-нче^{***} контуннай бамушнә;
- 4) Эй юртавой ыстаршына Телеккабул Яркубуфдан;
- 5) Рабурут;
- 6) Ушбу июннең первуй числасунда башкарғучи ка [-];
- 7) нтуннай начальник сутник Ражабуф бине язадур: узе [-];
- 8) нең башкурт учаскаларун карарга һәм ике тарафта [-];
- 9) г [н] олор бучтавой кларны. Ушбу июннең пирвуй числа [-];
- 10) да ул ...^{***} чығуб карадум. өммө һич бер кешеләр ик ирде;
- 11) Икенче көррә карадукумда юртавой ыстаршына Фируз Касбулатуф-ның көндесе;
- 12) Клукунды. Июннең 9 көнөндә. Өммө кл [н] бозок ... ["]³⁰.

Приведенное выше воспроизведение, как видно, представляет собой недопустимую в таких случаях смесь транслитерации, фонетической транскрипции, современной башкирской орфографии и т.п.

III. Транслитерация в предлагаемой системе (полный вариант, отражающий все графические особенности оригинала)

- 1) Үзи:ниң зи:м'и:скувъя:й гу:сьбу:ли:н испра:вни:к
[далее начертание фамилии нам не ясно, отчетливо читается
лишь:] д [„.]рғи:н;
- 2) хадъратла:ри:нә;
- 3) пирвуй:й йу:ру:тъяда 14-нчи кыла:сь ка:нту:нна:й ба:му:шни:к эй;

* Строки текста мы обозначаем цифрами по порядку их следования.

** Слова, прочитанные исследователем неточно, подчеркнуты.

*** Пропущено слово "кла:сь".

**** Примечание исследователя: "Одно слово неравборчиво".

Наше чтение этого слова см. ниже (раздел III).

- 4) йу:ру:т̄у:в̄у:й̄ ыст̄яршине тилек ка:бу:л̄ йа:рку:б̄'у:ф̄да:н̄';
- 5) рабу:ру:т̄ь;
- 6) у:шбу ий̄ӯ ннин̄, пирв̄у:й̄ числа:су:нда³¹ ба:шка:р̄гу:чӣ ка:[-];
- 7) нт̄у:нна:й̄ на:чалик̄ с̄у:т̄ни:к̄ ра:джаб̄'у:ф̄ б̄нга йа:заду:р̄³²
 ө:з̄үмүз̄[-];
- 8) ниң ба:ш̄ку:рт̄ь у:часка:ла:ру:ны̄ ка:ра:р̄га һәр и:кӣ т̄я:ғ̄аф̄-
 да:[-];
- 9) ғ̄[н̄] у:лу:ғ̄ бу:ч̄т̄я:в̄то:й̄ йо:лла:рны̄³³ у:шбу ий̄ӯ :ннин̄;
 пирв̄у:й̄ числа:[-];
- 10) дә у:л̄ т̄у:ра:т̄ырла:рны̄ чығу:б̄ ка:ра:ду:м̄ а[м]ма һич
 бир кишла:р̄ йо:к̄ ө:в̄дә;
- II) и:кинчӣ кәррә ка:раду:ку:м̄да йу:ра:т̄я: - ;
 в̄у:й̄ ыст̄ярши:нө̄ фи:ру:з̄ ка:с̄бу:ла: -
 т̄'у:ф̄ның, кама:ндасы³⁴;
- I2) йо:лу:ку:нды̄ ий̄ӯ н̄ 9 кү:н̄үндә а:м[м]а
 йо:лы̄ бу:зук̄[...];

IV. Транслитерация в предлагаемой системе (облегченный вариант в сочетании с фонематической интерпретацией)³⁵

- I) Биз(и)нин̄, зимисковой гуосудин̄ исправник̄, Д...р̄гин;
- 2) хазретләрине;
- 3) пирвой йурутда 14-нчӣ кылас кантуннай̄ бамушник̄ Эй;
- 4) йурутовой ыстаршына Тиләк-Кабул Йаркубофдан!
- 5) Рабурут;
- 6) Ушбу ий̄ӯ ннин̄, пирвой числасында башкар̄гучӣ ка[-];
- 7) нтуннай̄ начал[н̄]ик̄ сутник̄ Рәдҗәбөф̄ б̄нгә йазадыр: "Өз̄үмүз̄[-];
- 8) ниң башкурт̄ учаскаларыны̄ карарга һәр икӣ тараф̄да [-];
- 9) ғ̄[н̄] улуг̄ бучтавой йолларны̄". Ушбу ий̄ӯ ннин̄, пирвой числа [-];
- 10) [сын]да ул тыратты(р)ларны̄ чыгып̄ карадым, әммә һич бир кишләр̄
 йок̄ әвдә;
- II) Икин̄ и кәрә карадыкында йурутовой ыстаршына Фируз̄ Касбулатофның,
 командаасы;
- I2) йолукунды. Ий̄ӯ н̄[нин̄] 9 кү̄ ниндә, әммә йолы̄ бузук̄ [...];

Современные орфографии окончательно "облегчат" этот старый язык, понятный людям того времени, татарам и башкирам, понятный и нашему поколению, — одним больше, другим меньше, — но он потеряет все свое былое звучание и перестанет быть предметом истории. Можно ограничиться тем, что дает добротная транслитерация, сочетающаяся

с фонематической интерпретацией. Тексты в таком виде могут войти в учебники истории языка, в хрестоматии, быть цитированы в научных трудах. Если же есть необходимость в популярных изданиях древних сочинений, то их нужно перевести на современные татарский и башкирский языки или на русский язык и довести до читателей в обработанном и понятном виде как памятник истории литературы и культуры наших народов.

---

1 О системах, применявшихся на Западе на базе латинской графики, см.: Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка/Под редакцией и с предисловием И.Ю.Крачковского, 1928, с.9, II.

2 Систему передачи арабских букв средотвами русской графики из 28-ми знаков содержала "Русская общелингвистическая азбука" 1888 г. (см.: Юшманов Н.В. Указ.соч., с. 9).

3 Более точная система была выработана и применена акад. И.Ю.Крачковским (см.: Юшманов Н.В. Указ.соч., с. 9; Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык. М., 1961, с. 26, 27).

4 Выработка и освоение системы транслитерации букв арабского алфавита является составной частью подготовительной работы при описании и каталогизации турецких арабографичных рукописей. См. об этом: Муратов С.Н. Из опыта описания турецких рукописей. (К вопросам о схеме и типах описаний, систематизации и каталогизации). - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977, с. 12.

5 См., например, известные каталоги Г.Флогеля (Вена, 1865-1867), Ч.Рье (Лондон, 1888), В.Перча (Берлин, 1889), а также каталоги, изданные у нас: Миклухо-Маклай Н.Д. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. I. Географические сочинения. М.; Л., 1955; Халидов А.Б. Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. I. Художественная проза. М., 1960, и др.

6 См.: Мугинов А.М., Дмитриева Л.В., Муратов С.Н. Описание турецких рукописей Института народов Азии. I. История/Под редакцией Кононова А.Н. М., 1965, а также другие тома этого каталога.

7 Қазақ қолжазбаларының фильм сипаттамасы. I. Батырлар жыры. Алматы, 1975.

⁸ См.: Восточный сборник, I. Л., 1926, с. XIV (Гос.публичн. Библиотека в Ленинграде. Серия У: *Orientalia*).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 194.

¹¹ Там же, с. 193-194. Эти правила сводились к тому, что персидский изафет = - $\dot{\zeta}$ -; "хэмза" (согласное значение "алифа") в начале слов не обозначается: *Ahmāḥ, aḥwāw* и т.д., но *shāḥ, aḡniya* персидское конечное $\dot{\zeta}$ =а: *šāhnāma*; определенный член отделяется от относящегося к нему слова: *al-ḡur'ān*; тире указывает на присутствии в начертании "алифа" с баслой: *niwa-ḡ-hudā wa-ḡ-fuzkān*; ассимиляция определенного члена с "лам" указывается в транскрипции: *Nāzin az-Rašid* слова передаются в паузальной форме (без сокращения окончаний с краткими гласными): *al-fard, Ibn-Atir*; "та" женского рода не передается, за исключением формы *status constructus*: *Faṭima, 'Aṣa*, но *Nizhat al-Mustāḡ*.

¹² См.: Юшманов Н.В. Указ.соч., с. 6.

¹³ См.: Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979, с.5-7, 44-47; Гарипов Т.М. Транскрипция или транслитерация? (О принципах текстологического воспроизведения арабографичных источников на урало-поволжском "тюрки"). - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала, Уфа, 1977, с. 21-28.

¹⁴ См.: Басраков Н.А. О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков. М., 1959; Ямилев С.Х. Возможный подход к унификации транскрипции (для сборников типа "Семитские языки"). - В кн.: Семитские языки, вып. 3. М., 1976, с.260-273; Эдельман Д.И. О единой научной транскрипции для иранских языков. М.; Л., 1963, 48[12] АН СССР, Институт языкознания, комиссия по унификации фонетической транскрипции "УФТ" для языков народов СССР.

¹⁵ Zdzislaw, Kempf. Orientalna transkrypcija czy transliteracja? - *Przegląd orientalistyczny*, N 3 (31). Warszawa, 1959, p. 311-320; Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. М., 1978, с. 16 и сл.

¹⁶ См.: Суперанская А.В. Указ.соч., с. 3.

17 Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. XIV.

18 Системы транскрипции извлечены из следующих работ:

- 1) выработан И.Ю.Крачковским для арабского языка - см.: Кшманов А.В. Указ.соч., с. 9, II-13; 2) А.Н.Самофловичем - см.: Восточный сборник, I. Л., 1926, с. XIV, 194. (Гос.публичн.библиотека в Ленинграде. Серия У; Orientalia 3) ОТР - Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История/Под ред. А.Н.Кононова. Л., 1965, с. 5; 4) ДТС - Древнетюркский словарь. Л., 1969, XV-XVI; 5) Экмэнн - Eckmann, Fános. Middle turkic glosses of the rulanide interlinear Koran Translation. Budapest, 1976, с. 21-22; 6) Наджиш Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале "Хосрау и Ширин" Кутба. Кн. I. М., 1979, с.8-9; 7) Харисов Ф.Х. Башкорт халкының ғезаби мирафы. XVII-XIX ыуыуаттар. Өфө, 1965, с. 221-222, 248, 308, 348, 367-368 - система установления путем сличения факсимиле иллюстраций рукописей с авторской интерпретацией на основе башкирского алфавита; 8) Гарипов Т.М. Указ.соч., с. 5-7, 44-47; 21-28.

19 В ходе разбора орфографических особенностей текста приходится оперировать названиями букв, и поэтому мы в предлагаемой системе транслитерации приводим эти названия, принятые в арабографичных алфавитах тюркских языков и в практике обучения старой арабографичной письменности среди башкир и татар. Образованные люди пользовались этими названиями также в их арабском и персидском вариантах. Русская транскрипция арабских названий имеет различные начертания - см.: Кшманов Н.В. Указ.соч., с. 7; Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1957, с. 22; Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык. М., 1961, с. 27. В приводимых названиях в их арабской основе все гласные, кроме названия "алиф", являются долгими. В тюркских языках эти гласные также произносятся отчетливо, под ударением, но из практических соображений эти долготы мы не обозначаем.

Ниже следуют названия букв в порядке их номеров в приведенной выше таблице.

- 1) "елиф" (араб.; в русском начертании: "элиф, алиф, алифун"), 2) "би", 3) "пе" ("бә фәрсийә"), 4) "ти", 5) "си", 6) "джим", 7) "чим" ("джим фәрсәй"), 8) "ха" ("ха-йи мухмалә - ха без точки"), 9) "хә" ("хә-йи му джамә - хә с точкой"), 10) "даль" (араб.

"дәль, дәлун"), 11) "зәл" (араб. "зәль, зәлун"), 12) "ре", 13) "зе" (араб. "зейн, зә, зә'ун"), 14) "же" ("зә-йи фәрсй"), 15) "син" [в башкирской текстологии есть попытки в старых письменных документах принимать "син" с тремя точками внизу за башкирский интердентальный "ç", что едва ли возможно, ибо такой "син", употребляемый в арабской и тюркской письменности лишь для подчеркивания, что это не "шин", а "син", не мог быть принят в значении "ç" при наличии в алфавите специальной буквы "си" (см. выше № 5)]; 16) "шин", 17) "сяд", 18) "дъад" (в персидском и тюркских языках произносится как "з"); 19) "ты(й)" ("тә-йи хотти"), 20) "зы(й)", 21) "гъайн" (араб. "гайн", в башкирском и татарском языках наравне с арабским "гайн" произносится как увулярный звонкий "р"), 22) "гайн" (араб. "гайн"), 23) "фе", 24) "каф", 25) "ўе" (~ "ве, We, фе с тремя точками"), 26) "кәф" (~ "кяф", ср. араб. "кяф, кәф, кәфун"), 27) "гәф" ("гяф-и фәрсй, фарси гәфе"), 28) "нун-кәф" ("сагыр нун", в чагатайском "нг", в турецком "н", в других тюркских языках - "ң"; Будагов Л.З. Указ. соч., т. II, с. 107); 29) "ңе" ("сагыр кәф - глухой кәф, кяф с тремя точками"; встречается в позднейших текстах для обозначения заднеязычного носового "ң"); 30) "ләм" араб. "ләм, ләмун"), 31) "мим", 32) "пун", 33) "һе" ("һә-йи һавваз, ха-йи хавваз"), 34) "та" ("та марбута", встречается только в арабских словах), 35) "вав, ўаў" (в араб. "вәв, ўаў"); 36) "взавз" ("вав с тремя точками, употреблявшийся в позднейшей орфографии в качестве губно-зубного щелевого "в"); 37) "йай" ~ "йе" (араб. "йә", йә' ун").

20 Цифра "1".

21 Рекомендуется употреблять восемь гласных, без детализации их применения (а, е, о, ö, ы, ı, и, й).

22 Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, с. X.

23 Заключенные в квадратные скобки гласные в таблице автора не значатся, а извлечены нами из текста словаря, где вместо указанного в таблице "ә" (для "әлифа" и "һә-йи һавваз") везде употреблен "а".

24 Ч. Древнетюркский словарь, с. XIV.

25 Там же.

26 Ср. в системе, предложенной Т.М.Гариповым: I кр, йнт, кйнIмк, нvч' й, с возможным чтением: әкәр ~ әгәр, йекет ~ йегет, кыйнамак ~ кайнамак, нэвай ~ навай (Гарипов Т.М. Транскрипция или транслитерация?, с. 23).

27 Для этой цели можно применять и другие знаки, например, черточку над литерой, удвоенное написание буквы, как часто изображают в транскрипциях или орфографиях долгие гласные. Но в арабиграфичных текстах на тюрки имеется в виду особо выделить с помощью этого знака лишь графически выраженные гласные, которые по природе не являются долгими. В настоящее время знак долготы над ними ставят, считая их как бы долгими, используя систему транслитерации, применяемой для арабского и персидского языков.

28 Литеры "о" и "е" в конечной позиции можно, по-видимому, применять только для поздних текстов башкирского языка.

29 См.: "Археография и лингвистическая текстология Южного Урала". Уфа, 1977, с. 151-152. В этом сборнике несколько авторов публикуют транслитерации - транскрипции различных текстов. Но у каждого автора своя система, нет единства. Причем для изображения текстов на тюрки почти все авторы применяют также литеры в их современных башкирских и татарских значениях.

30 Данное воспроизведение текста содержит много неточностей в чтении (укажем их примерно в транслитерации исследователя): строка 1: безнең, вместо безинең, зимискуй вм. зим'искувой, иобрауник вм. испрауник; строка 3: бервай вм. ширвай (ср. строка 6: первый), күрда вм. күрүдә; далее пропущено слово клас; строка 4: күрүгәй вм. йүрүтүвуй; строка 5: рабурт вм. рабурут; строка 7: начальник, вм. началик; строка 8: һәм вм. һар; строка 10: не прочтено слово тураттырлар (оно, по всей вероятности < рус. "тракт" - ыр - лар с ассимиляцией "к" - см. В.И.Даль, т. IV, с. 425: трактъ "большая дорога, торный, ежальий путь, дорога почтовая"). В других строках документа также допущены неточные чтения. Вот некоторые из них. Строка 22: добавлено слово "Уфа", отсутствующее в тексте; (в данном случае аффикс - 'у:ф фамилии Ра:йру:л'у:ф прочитан как "Уфа", ибо след пера в скорописи, сделанный без отрыва от бумаги для того, чтобы поставить точку у буквы "фе", принят за "алиф" со значением "а"); строка 27: Мусабауф вместо Му:са:й'у:ф (Мусайуф); строка 28-29:

Йасаѳ вместо Ъа:Йису:ѳ (Вайисуѳ); строка 34: слово "кыла:съ" прочитано как "кантун" и др.

31 Одна из возможных графических особенностей письма: в слове числа:су:нда под буквой "син" поставлена косая черточка, означающая в скорописи три точки, чтобы подчеркнуть написание "син", а не "шин"; ср. там же подобную черточку под "чим".

32 В данном случае (Йазадур, карадум, чыгъуб - см. строку 10) литеры "у" употреблены не потому, что эти слова произносились так, а лишь потому, что других гласных для этого в алфавите нет, так "алиф" и "йай" в своих гласных значениях не подходят. Следовательно, указанные слова произносились Йазадур, карадум, чыгып. Так же обстоит дело со всеми другими случаями, которые можно решить путем детального исследования орфографии письма.

33 Слова и выражения: ка:раду:ку:мда 'когда я осматривал' (см. строку II факсимиле), йа:д э:дилмиш 'упомнутый' (строки 20, 32), о:лды 'стало, произошло' (строка 27), башка:рфу:чи 'исполняющий' (строки 6, 27), ве:рмеди:лер 'не дали' (строка 33), не свойственные современному башкирскому и татарскому языкам, свидетельствуют о том, что рапорт писался на тогдашнем литературном языке турки Урало-Поволжья, т.е. на том языке, который писец изучал в школе, а не на том, на каком он говорил. Поэтому слова йу:л'дорога', йу:к 'нет', йу:лу:ку:нды 'встретился', ку :н 'день', бу:зук 'разбитый, неисправный (о дороге)' (см. строки 9, 10, 12 и др.) писец произносил не по правилам башкирского или татарского разговорного языка того времени, а по канонам турки, и указанные слова звучали в его устах как йол, йок, йолукунды, кун, бузук (см. Древнетюркский словарь. Л., 1969), а не как йул, йук, кен, бозок, как это дано у исследователя текста по правилам современного литературного произношения. Сказанное подтверждается также некоторыми графическими особенностями письма. Так, в частности, слово бу:зук пишется так же, как бу:зук, т.е. без графически выраженного гласного во втором слоге (см. строки 14, 18, 20 и 28, 29). Однако во втором случае писец, чтобы подчеркнуть огубленный характер этого второго гласного, над литерой "зейн" ставит знак "даммы". И это исключает возможность произношения данного слова в виде современных татарского бозык или башкирского бозык с редуцированными "о". В основе воспроизведения

звучной стороны данных писем в предложенной нами системе, кроме всего прочего, лежат также эти соображения, подкрепляемые графическими и лексико-грамматическими особенностями рассматриваемого документа.

34 Читается не как "көндесе", а как "кама:-ндасы".

35 Облегчение системы заключается в опущении всех знаков, предназначенных для отражения графики текста: "ты(й)" заменяется обычным "т", "дъад" заменяется "ъ" и т.д., слова освобождаются от знака (двоеточие) для графически выраженных гласных. Фонематическая интерпретация заключается в приведении слов в соответствие с общетюркскими правилами губной и палатальной гармонии гласных, принимая также во внимание факты тюрки Урало-Поволжья.

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ
(ПИСЬМЕННЫЕ ПОЛЕВОЙ, КАМЕРАЛЬНОЙ И ЭДИЦИОННОЙ АРХЕОГРАФИИ)

Башкирия в археографическом плане является довольно богатой и сравнительно мало изученной областью. Письменные памятники здесь сохранились в форме эпитафий (надгробные надписи), дипломатических документов (шежере, ядыки, договоры, указы, акты, указы, купчие и т.п.), рукописных и старопечатных книг, нумизматических (клады древних монет) и оградистических (удостоверительные знаки — тамги и печати) материалов, которые относятся к XIII—XIV вв. С точки зрения территориального происхождения среди них есть памятники местные и привнесенные извне. Большинство памятников Башкирии написано или переписано арабским письмом на языках турки, арабском и персидском. Встречаются документы и на русском языке, в особенности это касается исторических материалов¹.

До появления книгопечатания на территории Башкирии широко была распространена рукописная традиция. Рукописные произведения литературы и исторические документы писались и размножались профессиональными переписчиками — каллиграфистами (хаттатами) и учащимися медресе (шакирдами). Однако это наследие дошло до нас в сравнительно малом количестве. Причиной были различные факторы и обстоятельства: отсутствие до революции у башкир национальной государственности, монголо-татарское завоевание (XIII—XIV вв.), длительная борьба башкир против гнета ногайских мурз, Сибирского и Казанского ханств (XV—XVI вв.), колониальная политика русского царизма (XVI — нач. XX вв.), последствия стихийных бедствий².

После Великой Октябрьской социалистической революции, в годы культурного строительства в СССР, быстрыми темпами развивался атеизм. В этот период на территории Башкирии наряду с религиозными сочинениями уничтожались и произведения светского характера. Долгое время отсутствовало серьезное внимание к полевой археографии и со стороны самих башкироведов, хотя еще в 20—30-е годы такая работа уже начата². В результате этого определенная часть из широко распространенных некогда в народе рукописных книг оказалась в хранилищах Уфы (рукописные фонды Республиканской библиотеки им. Н.К.Крупской, Башкирского филиала АН СССР, Республиканского краеведческого музея, библиотеки Духовного управления мусульман

европейской части СССР и Сибири), Казани (Восточный отдел Научной библиотеки Казанского государственного университета), Ленинграда (Отделение института востоковедения АН СССР) и, возможно, других городов³. Рукописный фонд Башкирского филиала АН СССР в основном пополнялся за счет единичных находок во время фольклорных, диалектологических, этнографических и археологических экспедиций⁴.

Немало рукописных и старопечатных книг находится в личном пользовании граждан сегодня. Выявление и комплексно-системное источниковедческое изучение всего письменного наследия Башкирии — это самая нестолжная задача башкироведов, ибо без достаточной источниковой базы не может быть сколько-нибудь серьезных исследований. Отсюда возникает необходимость тщательного археографического изучения региона.

Сам термин "археография" имеет широкое значение. С.О.Шмидт, например, считает, что в рамках общего наименования "археография" можно выделить несколько производных наименований, характеризующих отдельные сферы археографической деятельности: "полевая археография" — поиск и изучение документальных памятников в среде их бытования; "камеральная (описательная) археография" — описание документальных памятников в стационарных (по сравнению с полевыми) условиях; "эдиционная археография" — комплекс работ, связанных с подготовкой документальных публикаций⁵.

Полевая археография

Сбором и изучением ранних письменных памятников, распространенных среди башкир, занимались в прошлом такие русские ученые, как П.И.Рычков, В.С.Юматов, Р.Г.Игнатьев, Т.Беляев, В.В.Вельяминов-Зернов, В.И.Даль, В.В.Бартольд, а также представители местной национальной интеллигенции⁶. Однако усилия их в этой области не носили систематического характера. Планомерные археографические поиски и изучение региона началось лишь в последнее десятилетие после образования в феврале 1973 г. Южно-Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР с центром в г.Уфе.

Летом 1973 г. при инициативе и поддержке названного отделения была организована первая археографическая экспедиция Института истории, языка и литературы ВИАН СССР под руководством Г.Б.Хусаинова в северо-западные районы Башкирской АССР. Было обследовано 72 деревни и собрано 12 текстов шежере, 115 рукописей, свыше 150 старопечатных книг на языках турки, арабском и персид-

Материалы отдельных командировочных выездов⁸ и первой археографической экспедиции явились началом систематического и целенаправленного собирания рукописей и старопечатных книг силами ИИЯЛ ВБАН СССР. С 1973 г. проведено всего пятнадцать археографических экспедиций и несколько десятков командировочных выездов во многие районы республики и за ее пределы. Обследовано 58 районов, в том числе Азнакаевский, Альметьевский, Бавлинский и Лениногорский районы Татарской АССР, Аргаяшский и Кунашакский районы Челябинской области и охвачено свыше 700 населенных пунктов. В результате более тщательному археографическому изучению подвергнуты центральные, северо-западные, западные и юго-западные районы, менее же изучены северо-восточные, южные и юго-восточные районы республики.

Организаторами и активными участниками полевых археографических работ были филологи, особенно литературоведы под руководством профессора Г.Б.Хусаинова.

Коллекция рукописных и старопечатных книг, сосредоточенная в рукописном фонде ИИЯЛ ВБАН СССР, насчитывает ныне более 3000 единиц хранения. Материалы разнообразны по тематике и жанрам. Их можно классифицировать как памятники литературные (художественные произведения и труды по теории литературы: стихосложение, риторика, поэтика), лингвистические (грамматика, лексикография, стилистика), фольклорные, исторические, философские, юридические, географические, астрономические, медицинские, религиозно-богословские (корановедение, агиография, хадисы, фикх, шариат, калам, ритуал, суфизм и т.п.) и др. Среди них особый интерес представляют списки и оригиналы литературных памятников. К ним относятся прежде всего списки поэмы "Кисса-и Йусуф" ("Сказание о Юсуфе", написана в 1212/13 гг.⁹, дастанов "Кисекбаш" ("Отсеченная голова", XIII-XIV вв.), Дастан-у солтан-и Джумджума" ("Повествование о солтане Джумджуме", XIV в.) Хусамата Катиба (был жив в 1369/70 гг.), "Кысасу-л-Энбийа" Насиратдина Рабгузи (XIV в.), "Кисса-и Сейфу-л-Мулюк" ("Сказание о Сейфу-ул-Мулюке", 1552/53 гг. Маджлиси (был жив в 1688 г.), "Хикметы" Мавля Кулюя (XVII в.), рукописные произведения дореволюционных поэтов У.Имьяни (1754-1834), Т.Ялыгулова (1767-1838), А.Каргалы (1784-1824), Х.Салихова (1794-1867), Ш.Заки (1825-1865), Г.Сокрыя (1826-1889), М.Акмуллы (1831-1895) и др.

Отдельную группу составляют рукописи суфийской литературы.

В фонде хранятся списки "Диван-и хикмет" среднеазиатского суфийского поэта Ахмада Ясави (II05-II66), "Бақырган китабы" ("Книга Бақыргана"), "Ахыр заман китабы" ("Книга о конце мира") западно-туркестанского поэта-мистика Сулеймана Бақыргани (ум. в II66/67 или II86 г.), "Мухаммадийа" (" [Посвящение] Мухаммаду") Йазиджи-углы или Мухаммада Чалаби (ум. в I45I г.) из Турции, "Сабат эл- 'аджизин" ("Твердость слабых") среднеазиатского поэта-мистика Суффи Аллаярова (ум. в I720/2I или I723 г.) и комментарии к этой поэме "Шерх-и Сабат эл- 'аджизин" Утыз Имани (I754-I834), "Рисале-и 'Азиза" ("Трактат, [посвященный] Азизе") Таджетдина Ялсыгулова (I767-I838) и другие суфийские произведения местных поэтов.

... Из классической поэзии Востока встречаются списки произведений Саади (II84-I29I) "Тулистан" и "Бостан" на персидском языке, "Маснави" Джалалетдина Руми (I207-I273) на языке турки, а также поэтические интерпретации из произведений Навои (I44I-I50I), Фуззули (I498-I556); Лутфи (ум. в I70I г.) и др.

Исторические труды представлены сочинениями по истории народов Поволжья и Приуралья. К ним относятся списки "Тәуарих-и Булгарийа" (XVI в.) Хисам-ад-дина ал-Булгари, анонимный сборник конца XVII в. "Дефтер-и Чингиз-наме", "Тарих наме-и булгар" (нач. XIX в.) Таджетдина Ялсыгулова, башкирские шежере, договоры, деловые акты и др.

Большую ценность представляют шежере-генеалогии башкирских племен и родов. Их несколько десятков. Особо выделяются шежере башкир племен бурзян (найдено в Бурзянском районе БАССР), кыпсак (Альшеевский район), ялан-бурзян (Федоровский район), родов Мамат (Хайбуллинский район), Кото-баба (Чекмагушевский район), Шагали Шакман (Миякинский район), Кунакас (Давлекановский район).

В рукописном фонде института имеются также записи по истории сел и деревень республики: Иманлекулево Чекмагушевского района (составитель Н. Муратов, I90I г.р.), Старо-Кийшки Кармаскалинского района (У. Маннанов, I9I2 г.р.), Юмашево Баймакского района (С. Исянов, I903 г.р.), Ахуново Учалинского района (В. Султанов, I897 г.р.) и др.

Среди рукописей фонда значительное место занимают списки сочинений по арабской грамматике, написанные на арабском языке, "эл-Кәфиййе" Ибну-л- Хаджиба (ум. в I248 г.) - комментарии к данному сочинению; "эл-Фәуа'иду-д-дһийа'ийе" 'Абдурахмана ал-Джами (I4I4, I4I5-I492), "Ридау'-д- дин гәлә-л-Кәфиййе" "Хасану-л-Астра-

бадия; "эш-Шафийя" Абу Бакр бине ал-Хаджиба (ум. в 1248 г.); "эл-Элфийа фи-н-нехуи" Ибн Малика ал-Андалуси (1203, 1204-1274); "эл-Унмуведж" Махмуда бине С. ар аз-Земахшари (ум. в 1143-1144 г.); "эл-Мохтабар" Губайдуллы Садр-ш-Шаригата (ум. в 1437 г.) и др.

Кроме вышеуказанных трудов в фонде института хранятся рукописные книги по восточной поэзии, фольклору, лексикографии, логике, этике, астрономии, географии, народной медицине. Отдельную группу составляют трактаты по вопросам исламского права и судопроизводства и вообще сочинения религиозно-богословского содержания.

В целом количественные и качественные результаты археографических экспедиций института довольно значительны. Имеются основания утверждать о дальнейшей целесообразности и перспективности организации работ по полевой археографии, которая ставит перед археографами широкие задачи. В советской археографии под полевой археографией понимается "поиск и изучение памятников в среде их бытования"¹⁰. Отсюда и определяется цель археографических экспедиций: не только сбор и составление территориальной рукописной и книжной коллекции, но и комплексное и системное изучение местной рукописной и книжной традиции, отражающей историю культурного развития данного региона.

Под "комплексной археографической экспедицией" обычно понимается организация комплексных исследований с привлечением археографов, этнографов, фольклористов, диалектологов, историков искусства, социологов и др.¹¹ Это, безусловно, положительно. Однако такой опыт не всегда является реальным и оправданным. В большинстве случаев такие экспедиции носят стихийный характер, без единства целей и задач. Здесь, как нам кажется, экспедиция должна быть комплексной не по составу участников, а по существу. Для этого необходимо разработать инструкцию и системную рабочую программу по комплексному археографическому изучению региона, где имеется достаточный для исследования уровень сохранности памятников. В программу должны быть включены все виды исследований (историко-этнографический, диалектологический, фольклорный, социально-культурный, социально-психологический, социально-экономический, искусствоведческий и т.п.) с применением конкретных методик, связанных с историей местной рукописной и книжной традиции. Организующим фактором в данном случае является, несомненно, само археографическое исследование.

Безусловно, письменные памятники Башкирии созданы не только башкирами и татарами, но и представителями многих народов. Поэтому они, с одной стороны, являются их общим достоянием и показателем древней культуры башкир и татар — с другой. Прав А.Г.Каримуллин, когда он пишет, что "отнесение рукописей к наследию определенного народа по одному тому, что они написаны на языке данного народа, приводит к умалению культуры отдельных народов, обеднению их письменного наследия, оставляет место г оизвольным толкованиям ее истории"¹².

Письменные памятники Башкирии, находящиеся ныне на территории республики и вне ее предела, под углом зрения археографа — это единая цельная система. Если это так, то башкирским археографам необходимо будет выявлять и изучать не только турецкие, но и иноязычные памятники, использованные и написанные или переписанные когда-то выходцами из своего народа. Не следует еще забывать, что мы, собирая и сохраняя для настоящего и будущего древние рукописи и старые книги, безвозвратно разрушаем их многообразные исторические связи с культурой прошлого¹³. Поэтому именно сейчас необходимо приступить к созданию условно называемой нами "Археографической карты Башкирии", где должны отразиться все элементы местной письменной традиции. С этой целью в будущем следует также провести планомерные эпиграфические экспедиции для регистрации эпитафий Башкирии до XIX в. на арабском, персидском и турецком языках. На этой же карте нужно зафиксировать место выявления древних монет, удостоверительных знаков — различных тамг и печатей. Они как важный источник могут быть использованы для изучения целого ряда вопросов социально-экономической и политической истории края.

Камеральная археография

Организация научно-справочного аппарата к рукописям фондов — одна из нерешенных проблем башкирской археографии. Такая работа нужна прежде всего для строгого учета хранящихся единиц, обеспечения сохранности, эффективности поиска и организации их использования, а также комплектования, фондирования, микрофильмирования материалов и т.п.

Описи, каталоги, описания рукописных книг должны составлять единую взаимосвязанную систему. Она может строиться на основе единства методов учета и описания письменных памятников и на едином нормативно-методическом обеспечении¹⁴. Система научно-справоч-

ного аппарата должна выполнять две главные функции: учет памятников и информация об их содержании. Опись является основным справочником по учету памятников письменности, о их составе и содержании.

Среди рукописных коллекций, хранящихся в фонде, часто встречаются сборники, где содержится несколько сочинений, относящихся к разным областям науки. В таких сборниках нередко бывают произведения и светского, и религиозного содержания. Существуют сборники и другого типа, в которых статьи написаны на разных языках, чаще всего арабском, персидском и турки. В таких случаях методически будет правильно, если обрабатывается сборник целиком.

Описи в местных условиях составляются на материале одного года поступления в фонд. Их цель — отразить организационное устройство фондообразователя в целом, его компетенции и функции. Тогда на основании описи легче будет составлять другие виды информационно-поисковых справочников (каталоги, путеводители, описания).

В системе научно-справочного аппарата каталоги занимают одно из ведущих мест. Они дают возможность быстро получить детальные сведения о наличии, составе и содержании письменных памятников, хранящихся в фонде. Каталогизация рукописного фонда должна базироваться на заранее уже известной классификации информации о собранной коллекции.

Очень большая работа предстоит в связи с научным описанием рукописных сочинений. Неописанность этого наследия сказывается на изучении истории края, башкирской литературы и литературного языка, а также на изданиях памятников современными текстологическими методами, требующими привлечения всех списков сочинения. В институте пока делаются пробные описания. Основой для полного научного описания и составления списков турецких рукописей явилась схема, выработанная в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР¹⁵. Однако, несмотря на наличие готовой схемы, перед археографической группой уже возникает ряд трудностей. Из-за неизученности истории арабского письма, отсутствия справочников мы не имеем возможности ссылаться на них для определения почерка и филигрانی. В таком случае возникает необходимость создания собственных альбомов по почеркам и филиграммам.

Далее, очень спорным является прямое отнесение рукописи к тому или иному современному языку. Это, конечно, не решение проблемы. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо выработать отдельную

инструкцию по описанию языка рукописи, исходя из текста самого сочинения.

Эдиционная археография

Перед башкирской археографией стоит также задача планирования издания наиболее ценных памятников тюркской письменности Башкирии¹⁶. В этой области первые шаги уже сделаны: опубликованы башкирские шежере¹⁷, отдельные юридические и исторические документы¹⁸, литературные тексты¹⁹ и рукописные фольклорные памятники²⁰. Однако все это лишь начало. Пока многие тюркоязычные письменные памятники остаются неопубликованными. Да и сами публикации не свободны от недостатков. В них, например, часто обнаруживается разноречивость в чтении арабографических текстов; нередко переплетаются транскрипция и транслитерация текста²¹. Вообще работа по подготовке к изданию ценных манускриптов требует к себе комплексного подхода. Не зная таких научных специальных дисциплин, как археография, дипломатика, кодикология, текстология и палеография, не получивших между прочим, до сих пор должного развития в тюркологии, невозможно плодотворно работать над рукописями.

К первоочередным публикациям можно отнести следующие виды тюркоязычных источников: новонайденные тексты шежере, исторические документы и сочинения, дореволюционные литературные произведения. В будущем предстоит также серьезная работа над созданием свода арабских и персидских источников о древних башкирах и старой Башкирии.

Обеспечение сохранности источников

Рукописные книги в фонд поступают в крайне неудовлетворительном физическом состоянии. Большинство из них механически повреждены, поражены грибами, подвергнуты рче от сырости, плесени, насекомых, грызунов и потеряли прочность вследствие внутренних физико-химических процессов. Все это, естественно, наносит большой вред всему рукописному фонду. Для того чтобы не допустить этого, необходимо тщательно продезинфицировать каждый поступающий в фонд материал. Вообще проблемы консервации и реставрации ценных рукописей остаются актуальной задачей башкирской археографии. Эта область работы является многоотраслевой. Тут речь должна идти о двух организационно-практических сторонах работ - консервации и реставрации фондов, хотя оба эти действия взаимосвязаны друг

о другом как единое целое, которое обеспечивает сохранность материальной основы информации. Такая работа, естественно, должна быть рассчитана на последовательное проведение комплексных мероприятий, планируемых на длительные сроки и призванных обеспечить сохранность фондов для будущих поколений.

Письменные памятники как источник научных исследований

Научно-исследовательская работа по письменным памятникам Башкирии велась и раньше, ведется и сейчас. Эпиграфическим памятником региона, например, посвящен целый ряд исследований²². Однако они охватывают только лишь надгробные надписи XIII-XVI вв. Остальные эпиграфы остаются все еще вне поля зрения специалистов.

Изучение и использование башкирских шежере в исторических исследованиях началось еще до революции²³. В советское время они, как памятники истории, применены в трудах по этногенезу башкир²⁴ и в исследованиях по истории присоединения Башкирии к Русскому государству²⁵. В последние годы башкирские лингвисты используют их как памятник языка²⁶, а литературоведы изучают отдельные летописные повести²⁷. Сейчас есть реальная база для подготовки капитального сборника в комплексном научно-исследовательском плане по башкирским шежере.

Башкирские тамги исследованы и использованы в трудах Д.Н. Соколова²⁸ и Р.Г. Кузеева²⁹.

Исследования литературного наследия дореволюционной Башкирии посвящена монография А.И. Харисова³⁰. Им впервые была проанализирована башкирская рукописная поэзия XVIII-XIX вв. В настоящее время дореволюционная башкирская литература успешно исследуется группой литературоведов, возглавляемой Г.Б. Хусаиновым³¹.

Значительная работа проделана башкирскими лингвистами в изучении языка письменных памятников Башкирии³². Исследован ряд рукописных памятников из Башкирии известным узбекским ученым Э.И. Фахилловым, а именно: дидактическая поэма Махмуда Мухамедьяра "Нур-и садур" из Республиканской библиотеки им. Н.К. Крупской³³, уникальный словарь "Таржиман ас-сихах" на языке турки (переписан в 1555-1556 гг.) из научной библиотеки БАН СССР³⁴ и неизвестный турецкий памятник конца XV - начала XVI в. из библиотеки Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири в Уфе³⁵.

В настоящее время разрабатывается коллективная тема "Счерки по истории башкирского литературного языка". В связи с этим боль-

шее внимание уделяется изучению языка отдельных памятников дореволюционных башкир. Р.Х.Халиковой, например, подготовлена монография на тему "Язык шежере и актовых документов башкир XIII-XIX вв."

Тюркоязычные памятники Башкирии в функциональном аспекте не всегда однозначны. Одни памятники представляют собой эпитафийные надписи XIII-XIV вв. Язык их относится к литературному варианту, получившему название "булгарского"³⁶.

Такие списки памятников, как "Диван-и хикмет" Ахмада Ясави "Кысасу-л-Әнбийа" Насиратдина Рабгузи, "Нахджу-л-Фарадис" Махмуда ибн Али, представляют хорезмско-тюркский литературный язык XIII-XIV вв.³⁷ Здесь же встречаются сочинения на чагатайском и анатолийско(малоазиатско)-тюркском литературных языках.

Большинство письменных памятников Башкирии XVI - первой половины XIX в. относятся к письменному-литературному языку турки Поволжья и Урала. В тюркологической литературе существуют противоречивые мнения об этом языке. Иногда этот термин заменяется термином совсем иного содержания - "старотатарский литературный язык"³⁸. На наш взгляд, последний термин относится к такому понятию, которое возможно определить лишь в чисто научно-исследовательском процессе с помощью особых методов³⁹. Источниковой базой изучения старотатарского литературного языка и являются памятники, написанные на языке турки Поволжья и Урала. Однако эти памятники с таким же успехом могут быть использованы и в изучении истории башкирского литературного языка⁴⁰.

В выявлении и изучении тюркоязычных источников Башкирии, безусловно, достигнуты определенные успехи. Однако источниковая база по самым различным аспектам башкироведения представлена еще слабо. Многие ранние исторические документы на языке турки не введены специалистами в научный оборот. Необходимо еще усилить работу по созданию материальной текстологической базы для истории башкирской литературы и литературного языка.

Современное научное исследование, будь оно историческое или филологическое, зависит не только от применения системно организованных методов, но также от источников, на которых оно построено, а также от степени освоенности. Поэтому именно источниковедческие исследования по истории, литературе и языку дали бы специалистам целый комплекс достоверных материалов-фактов для объективного и более полного освещения стоящих перед ними проблем.

Письменное источниковедение основывается на достижениях та-

ких смежных историко-культурных научных дисциплин, как археография, кодикология, дипломатика, эпиграфика, нумизматика, сфрагистика. Среди них, как нам кажется, ведущее положение занимает археография, ибо предметом ее является "памятник письменности как таковой во всех его текстовых и нетекстовых аспектах, задачей - идентификация памятника, определение его места в историко-культурном окружении, введение в научный оборот"⁴¹. Вышеуказанные дисциплины имеют свой предмет и методику исследования и дополняют содержание археографии, а последняя дает точную рекомендацию для комплексного источниковедческого анализа письменных памятников. В этом большая роль отводится палеографии и текстологии, так как они тесно взаимосвязаны с каждой из этих дисциплин.

Таким образом, в научных исследованиях не только методика, но и источниковая база должна быть комплексно-системной. Только тогда появится возможность для определения реальной сущности этапов развития культуры башкир на протяжении нескольких столетий.

---

¹ См.: Материалы по истории Башкирской АССР, т. 3. М.; Л.: Наука, 1949; т. 4, ч. I и 2. М., 1956; т. 5. М., 1960.

² Иске язмадан бер хат. - Башкортостан шуралар җәмһүриәте мәғариф комиссарияты янындағы фильм, фәнни ве тарихи ойошманың хезмәте. I-нсе китеп. Стерлитамак, 1922, с. 34-35 (на арабском шрифте); Башкорт халқының байлығын беләү, тарих, йәғрафияларына каракте өзәктәрен йыйнау комартыкларың сүбәтә табыу һәм тубтау әсен кулданма. Стерлитамак: Типография Полиграфуправления БСНХ, 1922, с. 29 (на арабском шрифте).

³ "В Матенадаранском хранилище древних рукописей в Ереване, например, встречаются отдельные памятники, пришедшие с Приуралья". См.: Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII-XIX века). Уфа: Башкиргоиздат, 1973, с. 193.

⁴ Шакиров З. 1929-нсы йылдың йәйендә "Башкортостанды әйрәнеү йәмғиәте" тарафынан Арғаяш кантоньнда тел һәм фәлклүра байкаузаны яһау әсен йәбәрелгән өтрәттең күҙкаса хисабы. - Белем, 1930, № 2, с. 57 (на латинском шрифте); Ищериков П. О поисках и сборе древних актов и рукописей в Башкирии. - Вопросы истории, 1951, № 10, с. 115-116.

⁵ Шмидт С.О. Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории. - В кн.: Археография и источниковедение (Северный археографический сборник, вып. IV). Сыктывкар: БФАН СССР, 1977, с. 19.

⁶ См.: Фахретдинов Р. Иске эсарларне сәклау хакында. - О необходимости сохранения древних произведений. - "Шура", 1916, № 17 (на арабском шрифте); Р.Г.Кузеев. Башкирские шежере. Уфа: Башкирское издательство, 1960, с. 5-23; Харисов А.И. Указ, соч., с. 157-163; Галляутдинов И.Г. Некоторые проблемы выявления и изучения письменных памятников Башкирии. - В кн.: Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). М.: Институт языкознания АН СССР, 1974, с. 522-524.

⁷ См.: Хусаинов Г.Б. Археографическая экспедиция Башкирского филиала АН СССР в 1973 г. - В кн.: Южноуральский археографический сборник. Уфа: БФАН СССР, 1976, вып. 2, с. 46-57.

⁸ До первой археографической экспедиции были организованы командировочные выезды сотрудников института И.Г.Галляутдинова (Учалинский и Салаватский районы БАССР, им выявлено 33 рукописи и 77 старопечатных книг), В.И.Ахмадиева и Б.Х.Ганиева (с. Стерлибашево, коллекция из 41 рукописи и 83 печатных книг). См. акты о приеме рукописных и старопечатных книг на постоянное хранение (№ 5, 6). - Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР.

См.: Кудашев А.Г., Ганиев Б.Х. Коллекция восточных печатных и рукописных книг из села Стерлибашево. - В кн.: Южноуральский археографический сборник. Уфа: БФАН СССР, 1973, вып. I, с. 393-394.

⁹ Нельзя согласиться с Н.Ш.Хисамовым о том, что "списки поэмы Кисса-и Йусуф обнаружены исключительно среди татар Поволжья и Приуралья". - Хисамов Н.Ш. Поэма "Кисса-и Йусуф" Кул "Али (Анализ источников сюжета и авторского творчества). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т мировой лит-ры им. А.М.Горького, 1979, с. 8.

Археографические экспедиционные материалы ИИЯЛ БФАН СССР показывают, что среди башкир эта поэма бытует донныне не только в письменной, но и устной форме. См., например: Полевые записи 1977 г., с. 19, 37. - Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР.

¹⁰ Шмидт С.О. Указ. соч., с. 19.

II См., например: Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации. - История СССР, 1978, № 2, с. 103-115.

I2 Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). Казань: Таткнигоиздат, 1971, с. 29.

I3 Поздеева И.В. Указ.соч., с. 104.

I4 Теория и практика архивного дела в СССР. М.: Высшая школа, 1980, с. 134.

I5 Муратов С.Н. Из опыта описания тюркских рукописей (к вопросам о схеме и типах описаний, систематизации и каталогизации). - Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1977, с. 7-20.

См. также: Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии [АН СССР], I. История / Под ред. А.Н.Кононова. М.: Наука, 1965; Дмитриева Л.В., Муратов С.Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения [АН СССР], II. История, акты, библиография, энциклопедия, география, календари / Под ред. А.С.Тверитиновой. М., 1975; Дмитриева Л.В. Описание тюркских рукописей Института востоковедения [АН СССР], III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика / Под ред. А.С.Тверитиновой. М., 1980.

I6 В этом плане в археографии Южного Урала проделана огромная работа по публикации исторических документов на русском языке. См. об этом подробнее: Гвоздикова И.М. Из истории археографической деятельности на Южном Урале (1917-1970 гг.). - В кн.: Южноуральский археографический сборник. Уфа: БФАН СССР, 1973, вып. I, с. 25-39.

I7 Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г.Кузеева. Уфа: Башкнигоиздат, 1960.

Готовится к изданию еще один сборник башкирских шежере, включающий 25 текстов. См.: Сурина М.В. О подготовке к публикации сборника башкирских шежере. - В кн.: Южноуральский археографический сборник. Уфа: БФАН СССР, 1973, вып. I, с. 395-396.

I8 Фазылов Э.И., Галаяутдинов И.Г. Об одном юридическом документе башкир XIX века. - Советская тюркология, 1975, № 3, с. 82-94;

Халикова Р.Х. Документы Госархива Оренбургской области на "тюрки". - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа: БЭАН СССР, 1977, с. 149-155; Галляутдинов И.Г. "Таварих" - вариант рукописи "Тарих наме-и булгар" Т.Ялсыгулова. - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977, с. 123-138.

19 Хөсәйенов Ғ.Б. Батырша хатының аҗка кҮөрмә нөсхәһе. - В кн.: Башкорт әҙбиәтенең текстологияһы мәсьәләләре. - Вопросы текстологии башкирской литературы. Уфа: БЭАН СССР, 1979, с. 131-158; Вильданов Ә.Х. Акмулла мирасынан кулъязма үрнәктәр. - В кн.: Вопросы текстологии башкирской литературы. Уфа, 1979, с. 70-88; XX быуат башындағы башкорт әҙбиәте. - В кн.: Башкирская литература в начале XX века. Антология в двух томах / Составители В.И.Ахмадиев, И.К.Буляков, Т.Б.Хусаинов / Под редакцией Г.Б.Хусаинова (в печати) и др.

20 Зарипов Н.Т. "Буҙйегет" кыссаһының өфө варианты. Өл-кисса Буҙйегет. - Ариҫел, 1979, № 12, с. 96-118; Миржанова С.Ф. Рукопись баита "Буранбай". - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977, с. 145-148; Псянчин В.Ш. "Батыр батшаның әкиәте". - "Рассказ о смелом царе" Мир-Салиха Бикчурин а. - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977, с. 139-144.

21 Гарипов Т.М. Транскрипция или транслитерация? (О принципах текстологического воспроизведения арабографичных источников на урало-поволжском "тюрки"). - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977, с. 21.

22 Юсупов Г.В. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища. - В кн.: Вопросы башкирской филологии. М.: Наука, 1959, с. 120-122; Он же. Введение в болгаро-татарскую спиграфику. М.; Л.: Наука, 1960, с. III-138. Там же имеется полная библиография, с. III-112.

См. также: Гарипов Т.М. Старотюркские письменные памятники Башкирии. - Советская тюркология, 1972, № 4, с. 39-41.

23 См. библиографию: Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960, с. 5-23.

24 Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир (родоплеменные организации башкир в XVII-XVIII вв.). Уфа: Башкнигоиздат,

1957; Он же. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974;
Он же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башкир-
издат, 1978, и др.

25 Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству.
Уфа: Башкиргоиздат, 1960; Кузеев Р.Г., Юлдашбаев Б.Х. 400 лет вместе
с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государ-
ству и его историческое значение. Уфа: Башкиргоиздат, 1957.

26 Халикова Р.Х. Башкирские шежере и их лексика. - В кн.:
Вопросы тюркологии. Казань: КФАН СССР, 1970, с. 151-157; Она же.
К истории башкирского вокализма (На материале башкирских шежере). -
В кн.: Вопросы башкирского языкознания. Уфа: БФАН СССР, 1973,
с. 107-114; Псянчин В.Ш. Шежере как источник по исторической грам-
матике башкирского языка. - Вторая Южноуральская археографическая
конференция. Тез. докл. и сообщ. Уфа: БФАН СССР, 1975, с. 80-81,
и др.

27 Хесәйенов Ф.Б. Шәжәрә һәм китап. - В кн.: Әзәбиәт. Фольк-
лор. Әзәби мираф. - Литература. Фольклор. Литературное наследие.
Уфа: БГУ, 1975, с. 177-192; Он же. Шәжәрә - тарихи-әзәби комарткы.
- В кн.: Заман. Әзәбиәт. Әзип. - Время. Литература. Писатель. Уфа:
Башкиргоиздат, 1978, с. 80-90, и др.

28 Соколов Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением таблицы
башкирских тамг). - Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.
Оренбург, 1904, т. 13, с. 24-34.

29 Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический
состав, история расселения. М., 1974.

30 Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа
(XVIII-XIX вв.). Уфа: Башкиргоиздат, 1973.

31 История башкирской литературы в 5-ти т.: План-перспектив/
Под общей редакцией проф. Г.Б.Хусаинова. Уфа: БФАН СССР, 1979;
Хусаинов Г.Б. Тюркоязычные литературы Урало-Поволжья в XI-XVIII вв.
как единая система. - В кн.: Литературное наследие народов Урало-
Поволжья и современность. Уфа: БФАН СССР, 1980, с. 5-12; Он же.
Кульязма комарткылар - халыктың рухи байлыгы. - В кн.: Заман.
Әзәбиәт. Әзип. - Время. Литература. Писатель. Уфа, 1978, с. 62-79;
Он же. Источниковедческая база истории башкирской литературы. -
В кн.: Археология и источниковедение истории литературы на Южном
Урале. Уфа: БФАН СССР, 1979, с. 3-14; Он же. Проблемы изучения ис-

тории башкирской литературы. - В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980, с. 272-279. См. еще сборники: Башкорт өзәбиәте тарихенән. - Из истории башкирской литературы. Уфа: БФАН СССР, 1975; Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. Уфа: БФАН СССР, 1979; Башкорт өзәбиәтенән текстологияны мәсьәләләре. - Вопросы текстологии башкирской литературы. Уфа: БФАН СССР, 1979; Литературное наследие народов Урало-Поволжья и современность. Уфа: БФАН СССР, 1980; Башкорт өзәбиәтендә жанрлар системаны. - Система жанров в башкирской литературе. Уфа: БФАН СССР, 1980, и др.

32 Ахмеров К.З. К вопросу о характере и лексическом составе ранних письменных памятников Башкирии. - В кн.: Башкирская лексика. Уфа: БФАН СССР, 1966, с. 9-16; Он же. Башкорт язмыш тарихенән. (Башкорт өзәби теленән алфавите һәм орфографияһы тарихе). - Из истории башкирской письменности. Уфа: Башкирское издательство, 1972; Гарипов Т.М. Старотюркские письменные памятники Башкирии. - Советская тюркология, 1972, № 4, с. 39-45; Хесәйнов Р.Б. Урал-Волга буйы төрки өзәби теле тарихенән карата. (Башкорт өзәби теленән сыранактар, тағте ооро һәм традициялары мәсьәләһе). - Башкортостан уҡытыусыһы, 1976, № 6; Он же. Батырша хатының лексик һәм грамматик үҙенсәлектәре. - Башкортостан уҡытыусыһы, 1977, № 2, 3; Халикова Р.Х. Язык башкирских исторических, юридических и деловых документов XVIII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965; Она же. К исследованию и публикации письменных памятников башкир ХУП-ХІХ вв. на старотюркском языке. - В кн.: Южноуральский археологический сборник. Уфа, 1973, вып. I, с. 128-132; Галаятдинов И.Г. "Тарих һәм-и булгар" Т.Ялыгулова (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Фонологическая интерпретация графики. Морфология). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977, и др.

33 Fazylov E.I. Un texte inédit en protoçagatay. - Turcica. Revue D'études turques t.IV. Editions Klincksieck. Paris, 1972, с. 43-77.

34 Фазылов Э.И. О тюркских письменных памятниках XI-XV вв. - В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980, с. 148-154.

35 Фазылов Э.И. Новый источник по старотюркскому языку. - Rocznik orientalistyczny. t.XI, z.2. Warszawa, 1979, с. 29-38.

36 Тенишев Э.Р. Языки древне-и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. - Вопросы языкознания, 1979, № 2, с. 88.

37 Тенишев Э.Р. Указ.соч., с. 84-85.

38 Ср., например: "... говорить о каком-то абстрактном "тюрки" нет основания. Есть конкретный пестрый старотатарский литературный язык, который мог возникнуть и развиваться лишь в условиях Поволжья в ХУП-ХУШ вв." - Усманов М.А. Татарские исторические источники ХУП-ХУШ вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972, с. 68.

39 Ср., Гарипов Т.М. Указ.соч., с. 40-41.

40 Такая же проблема возникает, например, с терминами "чагатайский" и "староузбекский". Подробнее об этом см.: Благова Г.Ф. Тюркск. *çagataj* - русск. чагатай/джагатай (Опыт сравнительного изучения старого заимствования). - В кн.: Тюркологический сборник. 1971. М.: Наука, 1972, с. 187-190.

41 Черных В.А. Археография и текстология. - В кн.: Археография Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976, с. 62.

См. также: Современные проблемы советской археографии (к итогам дискуссии в журнале "Советские архивы") - Советские архивы, 1979, № 6, с. 3-10.

О СООТНОШЕНИИ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ
 В РАЗВИТИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
 (по письменным памятникам и диалектным данным)

Одной из действенных причин преобразования языка является взаимодействие внешних и внутренних факторов, сформулированное лингвистами в виде правила, что только исследование внутренних факторов может решить вопрос, почему одни внешние воздействия оказывают влияние на язык, а другие - нет¹.

Таким образом, языковые изменения совершаются в условиях контактирования: контакты могут быть как между неродственными, так и родственными языками. В том и другом случаях эффективность внешнего воздействия мотивируется внутренними причинами - опорой внешних факторов на структуру языка. Каковы же последствия контактного развития на морфологическом уровне? Одни ученые признают наличие грамматической интерференции, другие - отрицают. Приводившиеся ранее факты скорее говорят в пользу первых, чем вторых². Обратимся к тюркским языкам. По общему правилу тюркские наклонения и времена образуются по формуле: основа глагола - формант наклонения времени - показатель лица и числа. Например, уйг. *aldım* 'я взял' состоит из основы *al-* 'брать', форманта прошедшего-категорического времени - *di* и форманта I л.ед.ч. - *-ı*; башк., тат. *aldıŋ* 'ты взял' - из основы *al-* форманта *-dı* и личного форманта 2 л.ед.ч. - *-ŋ*; тув. *aldıvuv* 'мы взяли' - соответственно из *al-*, *-du* и личного форманта I л.мн.ч. - *-vuv*; тур. *vermişsin* 'ты дал' - из основы *ver-* 'давать', форманта прошедшего субъективного времени - *miş* и личного форманта 2 л.ед.ч. - *-sin*; башк. *kürgermen* 'я увижу' - из основы *kür-* 'видеть', форманта будущего времени - *-er* и форманта I л.ед.ч. - *-men*; кум. *jazavıjuz* 'если напишете' - из основы *jaz-* 'писать', форманта условного наклонения - *va* и личного форманта 2 л.мн.ч. - *-juz*. Все эти примеры отражают синтетический вид выражения лица и числа в глагольной словоформе.

Возможен и иной способ выражения лица и числа. В башкирском и татарском языках существует форма прошедшего результативного времени, лицо и число которого определяется именем в позиции перед глаголом: *min äjtän* 'я сказал'. Таков же состав формы будущего-категорического времени в литературном и в большей части

диалектов и говоров туркменского языка: *mən, sən, ol səlʃek* 'я приду, ты придешь, он придет'. В агдашских говорах азербайджанского языка прошедшее результативное время на *-atdy/ätdi* также не имеет личных формантов: *män, yän, ol alady* 'я, ты, он ваял'³.

Личные окончания отсутствуют в условной форме *-sar/-sär* языка рунических памятников (XIII-XII вв.), а также в форме прошедшего времени на *-duq/-dür* в "Диване" Махмуда Кашгарского (XIV в.).

Эта серия примеров символизирует аналитический вид обозначения лица и числа.

Итак, в тюркских языках существуют два способа или две тенденции выражения лица и числа: синтетический и аналитический. Попадая в иноязычную среду, такую, как китайско-тибетская с аналитическим типом выражения лица и числа, тюркские языки неизбежно испытывают трансформацию своей системы.

При воздействии аналитической системы языка-модели (термин У. Зайнрайха) аналитическая подсистема копирующих языков активизируется и под ее давлением аффиксальная подсистема превращается в аналитическую.

Так, например, в саларском языке, уже шестьсот лет находящемся в китайско-тибетском языковом окружении, установилась единая система безличного спряжения для всех наклонений и времен: *mən, sən, vü alur* 'я беру, ты берешь, он берет', *mən, sən, vü vaxqır* 'я посмотрю, ты согласишься, он посмотрит', *mən, sən, vü kelji* 'я, ты, он пришел'; *sən, vü var* 'ты иди, пусть он пойдет', *mən, sən, vü jürge* 'если я хожу, ты ходишь, он ходит'.

Личные окончания в названных формах прежде существовали: об этом свидетельствуют рудименты формантов лица и числа императива и кондиционалиса, сохранившиеся в старинных женских песнях (*сатгш*) и написанных арабскими буквами старинных книгах.

В сходных условиях развилось безличное спряжение у сарыт-югуров (желтых уйгуров):

mən, sən, göl alorantur 'я беру, ты берешь, он берет', *mən, sən, göl qarar* 'я пойду, ты пойдешь, он пойдет', *mən, sən, göl qara'te* 'я, ты, он смотрел', *mən, sən, göl tyzsa* 'если я пишу, ты пишешь, он пишет'.

С утратой личного оформления глагола в саларском и сарыт-югурском языках подверглась разрушению и именная категория принадлежности, образующая вместе с категорией лица единую микросис-

тому. Саларский язык удержал только формы трех лиц единственного числа.

Наличие в прошлом форм множественного числа подтверждается материалом фольклора. В сарыг-югурском языке, который испытывает более длительное иноязычное воздействие, чем саларский, разрушение парадигмы принадлежности пошло дальше: для основ с конечной гласной сохранились 2 и 3 л. ед. ч., а для основ с конечной согласной — только 3 л. ед. ч. Однако старье песни и предания сарыг-югуров хранят формы принадлежност и и для I л. ед. ч., но они уже не осознаются в своем прямом значении, а представляют собою вторичную основу имени.

Аналогичное явление известно и в монгольских языках. В большей части монгольских языков в силу иноязычного влияния личное спряжение глагола отсутствует⁴. Оно представлено только в калмыцком, бурятском языках и баргу-бурятском и ойратском диалектах монгольского языка КНР⁵.

В рассмотренных случаях имело место использование грамматического отношения одного языка другим языком. Но есть случаи, когда происходит перенесение не отношений, а морфем. Происходит это при контактировании родственных языков. Как пример можно указать на саларский язык. В основе своей он относится к южной, огузской группе тюркских языков. В XIII-XIV вв., будучи на западе, в районе Самарканда, салары находились в тесном контакте с кипчакскими племенами. Следствием этого была модификация некоторых звеньев морфологической системы. Из языка кипчаков в саларский язык проникли и утвердились формы дательного падежа на -*ja* (наряду с исконной на - *a*) и винительного на -*ni* причастие и перфект на - *gan*, оттеснившие исконную форму -*niŋ* в область претерита, причастие настоящего времени на - *ŋiŋi* форма желания на - *ju*, модальные формы возможности-невозможности действия. Налицо, таким образом, переплетение именных и глагольных форм двух языков. Конечным состоянием такого процесса, очевидно, будет полный переход на другой язык, т.е. смена одного языка другим. Пример такого состояния дает язык сарыг-югуров.

Можно предполагать, что в древности сарыг-югурский язык был такого же типа, как древнеуйгурский *d*-язык.

К реликтовым явлениям этого периода относятся начальный *j* исходный падеж на -*tin*, древняя система счета (от II до 29), "двойное склонение" местоимений и некоторые глагольные формы.

Сильный контакт с древними кыргызами (в 840 г. уйгурский каганат был покорен кыргызами) с их народным *z*-языком привел к тому, что сарыг-югурский язык приобрел тот же признак *z*, по существу произошла смена *d*-языка *z*-языком.

Как можно было видеть на примере сарыг-югурского языка, смена языка допускает лингвистическое воздействие на побеждающий язык.

Было бы интересно исследовать этапы медленной смены языков и роль интерференции в этом процессе на материале башкирского и других тюркских языков.

---

¹ Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979; Jacobson R. Sur la théorie des affinités phonologique des langues. - Actes du IV-me Congrès international des linguistes. Copenhagen, 1938; Серебренников Б.А., Климов Г.А., Кубрякова Е.С. Язык как исторически развивающееся явление. - В кн.: Общее языкознание. Формы существования функции, история языка. М., 1970; Гаджиева Н.З. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков. - Советская тюркология, 1972, № 3.

² Вайнрайх У. Указ.соч., с. 60-83; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка, с. 221-234.

³ Велиев А.Г. Переходные говоры азербайджанского языка. Автореф.дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1975, с. 42.

⁴ Hamstedt G. J. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen, "MSPong", XIX, Heisingfors, 1903, с.22.

⁵ Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960, с. 100.

ОТНОСИТЕЛЬНО "БУЛГАРСКИХ" ЭПИТАФИЙ БАШКИРИИ

В неопубликованном отчете по разделу научной темы Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР "Эпиграфические памятники западной Башкирии" за 1955-1957 годы, составленном ныне покойным Г.В.Юсуповым, содержится карта эпиграфии Башкирской АССР (масштабом 1 см = 40 км), на которой отображено размещение до двадцати с лишним эпитафий XIV-XIX вв. с крайними точками во времени от 1331 до 1817 г.

... Все они локализованы по р.Уфа и левобережью р.Дема на территории шести районов республики - Аскинского, Буздякского, Караидельского, Кушнаренковского, Чекмагушевского и Чишинского, будучи рассредоточены вокруг населенных пунктов Чишмы (по трем кладбищам), Мавлютово (по двум), Кигазы, Старобаширово, Тюркино, Узен, Устье Юрюзани, а также Нижние Термы и Сабаево (по одному). При этом только одно надгробие внутри мавзолея Хусайн-бека с кладбища Акзират у с.Чишмы датируется 740 годом хиджры, остальные же надписи относятся к XVII в. (тюркинская к 1686/1687 г. кигазинская к 1689/1690, восемь чишинских и нижнетермская к 1695/1696), XVIII (еще три чишинские соответственно к 1703/1704, 1708/1709 и 1723/1724 годам, а одна старобашировская к 1796 гг. либо, наконец, к XIX в. (оставшиеся три старобашировские к 1804, 1812 и 1817 гг.)).

Некоторые из этих эпиграфических материалов были опубликованы в разделе "Булгарские надгробия Башкирии" известной монографии Г.В.Юсупова¹, а равно составили сюжет небольшой статьи того же автора "Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища"².

Указанные выше памятники безоговорочно признавались Г.В.Юсуповым - причем независимо от языка эпитафий (канонического арабского или окказионально тюркского) - булгарскими.

Какова же реальная лингвистическая атрибуция содержащихся в мемориальных текстах графических, лексических и грамматических элементов?

Всего вводимый нами в тиражируемый научный оборот языковой материал состоит примерно из ста пятидесяти глоссем арабского письма, что составляет более половины всех выявленных и частично опубликованных надписей из названного ареала³.

Графика текстов достаточно традиционна, включая и некоторые региональные аномалии от классического арабского алфавита.

Как известно, арабика содержит в себе 28 букв и 3 их лигатуры (кяф с алифом, кяф с ламом и лам с алифом), 7 диакритик (дамма, кяра, мадда, сукун, ташдид, фатха, хамза) и 10 их двоичных обозначений (танвин-дамма, -кяра, -фатха; ташдид-дамма, -кяра, -фатха; хамза с даммой, кярой, сукуном и фатхой) - всего 48 знаков⁴.

Персидская азбука добавила к ним еще 4 буквы: пе, чим, же, гяф⁵.

Старотюркские мусульманские тексты вобрали в себя все указанные знаки и присоединили к ним 3 новые буквы, используя для этой цели три точки над арабскими фа⁶ и вавом (что равняется в или w), а также кяфом (-нг или џ)⁷.

Западно-башкирские глоссы в своей тюркоязычной части (собственно арабские коранические формулы-цитаты здесь специально не анализируются ввиду их стандартности и принципиальной неадаптируемости к локальным условиям - из-за вполне понятной недопустимости каких бы то ни было искажений в канонически освященных ритуалах и их записях⁸) реализуют из общего числа теоретически возможных 55 знаков (35 букв и 20 внестрочных написаний) чуть менее половины, а именно 22 буквы и всего 4 диакритики. Конкретно не зафиксированы 7 арабских букв: са, ха - если только над словом خط хТ - хАТ письмо, запись* (Старобаширово, 1817) не выкрошилась от времени точка, заль, дад, за, айн и гайн, а также все диакритические образования (кроме даммы, мадды, сукуна и фатхи).

Из "чисто" персидских букв встречен лишь чим в послелого ^{اوچون} I v ч v и - учун для, ради* (Туркино, 1686-1687 и Кизам, 1689-1690) и в показателе порядковых числительных ^{نجی} ..нчй - чй '..ый' (Старобаширово, 1804). Заметим попутно, что гяф вообще был крайне непопулярен среди тюрков, почти всегда заменялся кяфом и потому, очевидно, отсутствует в трансграфике "Древнетюркского словаря".

Не наличествуют и все три общетюркские инновации, на смену которым частично пришло местное обозначение заднеязычного носового сонанта џ через кяф с точкой как в гапаксе ^{صوک} Cvk - Cуџ 'после, спустя' (Старобаширово, 1817) или просто через кяф, как в падежном окончании ^{نیک} ..нйк - ..нйи '..а' (Чишмы,

1695/1696); а также избыточное двучлчие под фамальными йа в мужском антропониме ياماش باي Йимаш бай - Ямаш бай 'Ямашбай' (там же) и в женском - ?! - طولني Түлнбй 'Тулунбий' (там же).

Полный начертательный состав эпитафий отражен в прилагаемом к статье ("Индексное графем, лексем и их сочетаний", причем все оригинальные написания сопровождаются авторской транскрипцией⁹, одним из оптимальных вариантов чтения, значением или наименованием, указаниями на место нахождения и время исполнения, а равно и возможной лингвистической квалификацией, т.е. отношением к определенной речевой стихии: кипчакской (в ее урало-поволжской разновидности) либо письменной традиции "тюрки" (в случае совпадения ее с местной формой предпочтение отдавалось последней); учитывались и заимствованные элементы внутри осваивавших их языковых образований.

По лексическому составу, как и следовало ожидать, чаще всего отмечаются имена собственные преимущественно мусульманского происхождения (Айуб 'Преследуемый', Йунус 'Голубь', Муса 'Дитя', Мухаммад 'Прославляемый', НаDIR 'Редкостный' и др., но также и языческого толка (Акчура 'Белый друг', Аманкилди 'Безопасность пришла', Йахшчберди 'Хорошо дал' и пр.

Имена нарицательные складываются приблизительно пополам из исконно тюркских лексем (йай 'лето' йыл 'год', кул 'раб', таш 'камень' и под.) и заимствованных апеллативов (бин 'сын', знарат 'кладбище', кенэз 'князь', карер 'решение', сэнэ 'год' и т.д.). См. также термины родства ата 'отец', кыз 'дочь'.

"Угадываются" и немногие прилагательные: кулл 'всякий', куш 'парный'.

Всегда заметным пластом в эпитафийном лексиконе были числительные: алтмыш 'шестьдесят', биш 'пять', илли 'пятьдесят', йикйирмэ 'двадцать', сикйиз 'восемь'.

Репертуар глаголов ограничен почти исключительно семантически однородными единицами типа барды 'отправился он', бйкылды из бина кылды 'воздвиг он', килди 'прибыл он' кылуб 'сделав'.

Незнаменательные слова и дейктические местоимения представлены формами йук 'нет', суң 'после, спустя', бу 'этот'.

Г р а м м а т и ч е с к а я характеристика текста эпи-

тафий сводится к выявлению в нем морфологии падежей, иногда осложняемых изафетом, а равно редких формантов несубстантивных частей речи: Аркның 'Арнка', тамгасы 'тамга его', Тилакей 'Тилкай', Золотце', 1804нчи '1804-ый',

На синтаксис эпитафий до сих пор как-то не обращалось внимания, хотя уже одно попеременное включение в предложения то тюркских, то арабских конструкций заслуживает пристального изучения со стороны специалистов по двуязычию¹⁰. Оказиональная инверсия йуж чарары 'нет решения его' вызвана, вероятно, актуальным членением предложения (в стихах же возможно "давление" и размера).

Обычно фиксируемые "диалектизмы", которые корректнее квалифицировать как проявление недостаточной грамотности писцов и резчиков по камню¹¹, не выходят за пределы допускаемых арабской графикой тюркских вариантов вроде болат и булат 'сталь', йаш и йеш 'год жизни', йуз и йуз 'сто'.

Обобщая кратко изложенное, можно констатировать, что подавляющее большинство всех речений уверенно возводится к кыпчакским языкам, а оставшаяся часть неравномерно распределяется между элементами "тюрки" (бийца 'в пяти', йузда 'в ста') и арабизмами (лаух 'плита', накл. 'переселение'), в число которых вклинивается и крайне небольшое количество персизмов (Жан 'луша', мирза из амир-заде 'сын князя'), русизмов (кенез 'князь', окончание фамилии -ев) и монголизмов (батур 'богатырь'). В целом рассмотренные эпитафии тяготеют к старотюркским письменам, а более поздние из них - к старотатарским.

Таким образом, о каком-либо ощутимом болгарском присутствии в эпиграфии северо-западной Башкирии пока нет оснований дебатировать. Правда, болгаризмы с трудом реконструируются в составе лишь двух чимшинских памятников ("Красноключского" и Синташского), и то практически без характерных перебоев по линиям ротацизма-зетацизма и ламбдаизма-сигматизма, если не считать جال ЖІл - джал 'год жизни' и специфических форм طئوی Тئри - тырууы 'успокоение его', کون күн - күн 'день'¹².

Не меняет общей картины и привлечение опять-таки в качестве "болгарского"¹³ Кушулевского могильника из Дюртюлинского района БАССР, открытого А.П.Шокуровым и раскопанного летом 1958 г. венгерским исследователем Иштваном Эрдели. Последний

передал нам встампак с одного из надмогильных камней, текстуально воспроизведенный как I732 Шамси Жһһан алел ләриһ Ибраһим (без перевода). Нижняя строка не сохранилась, поэтому отдельные буквы приходится включать в коньектуры. На обороте каменнописной копии оделана приписка рукой И.Эрдели "Тат.кладбище, 1958. У1 - с. Кушулево"¹⁴. В нашем чтении весь текст приобретает вид: ۱۸۲۲ I832 شمس جهان шмс Жһһн - шемо Жһһан 'солнце-мир' جمادی الاول ЖмІдЙ Іл-Іул - Жумада-л-аww ал 'Джумада первый' ابراهيم IорІһЙм - ибраһим 'Ибраһим' مرحوم ادى мрХ м ІдЙ - марХум ЭдЙ 'покойный был' (то есть 'стал').

Итак, напрашивается первый предварительный вывод о том, что для отнесения исторической Башкирии (хотя бы и в северо-западной ее части) к болгароязычной эпитафической провинции нет достаточных аргументов. В крайнем случае можно допустить здесь ограниченное участие болгарской материальной культуры (в том числе погребальной), но уж никак не языковой.

Для сопоставительного же изучения всей башкирской эпитафики необходима фронтальная фиксация арабографичных меморий из всех регионов республики, что уже частично начато реализацией - см., например, публикацию Р.Г. и Н.Р.Кузеевых с Т.М.Гариповым "Тамги на надмогильных памятниках башкирских кладбищ"¹⁵, где говорится, в частности, о работах комплексной экспедиции 1976 г. по юго-востоку Башкирии. Особо выделяются обилием аналитического материала два старых кладбища из с. Темясово Баймаковского района. Кстати, установлен и центр распространения в прошлом эпитафической культуры на данную часть Башкирии - это оренбургские Каргалы, а не только более отдаленные территориально и хронологически Булгар и Сарай на Волге, как это могло показаться после изучения упомянутой монографии Г.В.Юсупова.

Следовательно, наш второй вывод касается предложения составить полный корпус старонписменных памятников Башкирии, а затем и всего Урало-Поволжья, что явилось бы существенным вкладом в общетюркскую эпитафику и текстологию.

¹ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпитафику. М.; Л., 1960, с. III-138.

² Вопросы башкирской филологии. М., 1959, с. 120-122.

³ См. прилагаемый к статье "Индекс аллографов, морфем, лексем и их конструкций".

⁴ Ковалев А.А., Шарбатов Г.Ш. Учебник арабского языка. М., 1960, с. 13 и далее.

⁵ Овчинникова И.К. Учебник персидского языка. Изд-во МГУ, 1956, с. 35-36.

⁶ Как и в курдском алфавите. Ср.: Оранский И.М. Введение к изучению иранской филологии. М., 1960, с. 246.

⁷ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. XI-XII.

⁸ Детальнее об этом: Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979, с. 25-26.

⁹ О ее принципах см. в публикациях: Гарипов Т.М. Транскрипция или транслитерация? - В кн.: Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977, с. 21-28; он же. Кыпчакские языки Урало-Поволжья, с. 5-7 и 44-47.

¹⁰ Одной из обнадёживающих работ в данном направлении являлась монография: Гаркавец А.Н. Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XII-XIII вв. Киев, 1979. 100 с.

¹¹ См. еще: Гарипов Т.М. Старотюркские письменные памятники Башкирии. - Советская тюркология, 1972, № 4, с. 39-45.

¹² Он же. Кыпчакские языки Урало-Поволжья, с. 23-26.

¹³ Мусупов Г.В. Указ. монография, с. 130.

¹⁴ Эстамп хранится в личном архиве Т.М.Гарипова.

¹⁵ Тезисы к четвертым "Бирюковским чтениям" (Челябинск, 1977, с. 79-82).

Индекс аллографов, морфем, лексем и их конструкций

№ п/п	Начертания	Трансграфика	Чтение	Номинация	Локализация	Дата-ровка	Языки	Примечания
I	2	3	4	5	6	7	8	9
I	آ	а..	а..	мадда	Чишмы, Ст.Баширово	1695/6, 1817	кыпчак.	См. № 2-4
2	آلتش	алтмыш	алтмыш	шестьдесят	"	"	"	№ 10
3	آمان	амӀн..	аман..	безопасность	Чишмы	1695/6	араб.	№ 4
4	آمان كىلدى	амӀн кӀлдӀ	амаң кылды	Аманкылды	"	"	араб. +кыпчак.	
5	ا	I	а/и/у	алиф	большинство памятников	1695/6- 1817	"	№ 3-4 и др.
6	.. انا	ӀтӀ..	ата..	отец	Туркино	1686/7	"	№ 7
7	انا سى	ӀтӀсӀ	атасӀ	отец его	"	"	"	
8	.. ارق	Ӏрк..	арк..	худощавый	Чишмы	1695/6	"	№ 9
9	ارق نيك	ӀркнӀк	аркнын	Арыка	"	"	"	
10	التش	Ӏлтмыш	алтмыш	шестьдесят	Ст.Баширово	1804	"	№ 2
11	اوتز	Ӏвтз	утыз	тридцать	"	1796	"	
12	اوچون	Ӏвчун	учун	для, ради	Туркино, Китази	1686/7, 1689/90	"	

1	2	3	4	5	6	7	8	89
13	ايلى	Ийлий	илли	пятьдесят	Ст.Баширово	1812	"	
14	ايوب	Ийуб	айуб	Айуб, Иов.	"	1817	араб.	
15	ب	б	б	ба	большинство ПАМЯТНИКОВ	1695/6- 1817	"	См. № 14 и др.
16	بار	бIр..	бар..	отправляться	ЧИШМЫ	1703/4, 1708/9	кыпчак.	№ 17
17	باردى	бIрдй	барды	отправился он	"	"	"	
18	باطور	баТур..	..батур..	богатырь	"	1695/6	тюрки	№ 19
19	باطورند	..баТурнк	..батур- ның	батыра	"	"	"	
20	باي	..бIй	..бай	бай	"	"	кыпчак.	№ 21-23, 63,64,138
21	باينك	..бIйник	байның	бая	"	"	"	№ 23,64,
22	باي	..бIя	бай	бай	"	"	"	№ 20,23,126
23	بايند	..бIинк	байның	бая	"	"	"	№ 21,126,127
24	بش	бш	бйш	пять	Ст.Баширово	1804, 1812	"	№ 25
25	بشدا	бшдI	бйшд	в пяти	ЧИШМЫ	1703/4	"	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
26	..بكا..	..بكI..	..بكθ..	бика	ЧИШМЫ	I695/6	кыпчак.	См. № 27, 57
27	..بكانينا..	..بكIвИнк	..بكθвИң	бики	"	"	"	№ 58
28	..بلات..	..блIт	..булат	булат	Ст.Баширово	I796	перс.	№ 36
29	..بو..	бу	бу	этот	ЧИШМЫ	I695/6	кыпчак.	
30	..بي..	..бИ	..бИ	бий	"	"	"	№ 70, 81
31	..بيقيلدي	бИкИлди	бИкИлди	воздвиг он	"	"	араб.+кыпчак.	№ 32
32	..بيننا قلدی	бИнI кИлди	бина кИлди	"	"	"	"	
33	..ت	т	т	та	большинство памятников	I695/6	араб.	№ 2 и др.
34	..تاش	тIш	таш	камень	ЧИШМЫ	I708/9	кыпчак.	
35	..تھر	тмр..	тИмИр..	железо	Ст.Баширово	I796	"	№ 36
36	..تھر بلات	тмр блIт	тИмИр булат	Тимирбулат	"	"	кыпчак+перс.	
37	..تھلا	тИлI..	тилθ..	золотистый	ЧИШМЫ	I723/4	перс.	№ 38
38	..تھلاکي	тИлIкИ	тилθкИ	Тилякяй	"	"	перс. + кыпчак.	

I	2	3	4	5	6	7	8	9
39	ع	И	де	джим	Ст.Баширова	1809	араб.	См. № 40-42
40	جن	Жн	джен	душа	"	"	перс.	№ 41, 42
41	جنك	ЖнкЙ	дженкэй	душечка	"	"	перс. + +кыпчак.	№ 42
42	جنك	ЖнкЙф	дженкэйф	Джанкяев	"	"	перс. + кыпчак.+ рус.	
43	ع	ч	ч	чим	Ст.Баширова,	1804, Туркино	1686/7	
44	ح	Х	Х	ха Хутти	Ст.Баширова,	1817, Чинмы	1695/6	№ 45, 46, 99, 100
45	حط	ХТ	Хат	письмо, запись	Ст.Баширова	1817	"	№ 46
46	حط قلوب	ХТ кйл б	Хат кылуб	начертав	"	"	араб. + +кыпчак.	
47	د	д	д	даль	большинство памятников		араб.	№ 17, 48-50 и др.
48	دا ..	..дІ	..да/..дѠ	в..	Чинмы	1703/4, 1708/9, 1723/4	кыпчак.	№ 25, 49, 119, 123, 130, 131, 133

1	2	3	4	5	6	7	8	9
49	د ..	..dh	..dә	"	Ст.Баширова; Мавлютово	1708/9; 1796, 1812; 1706/7	кыпчак.	См. № 25, 48, 119, 123, 130, 131, 133
50	دی ..	..дй	..ди/..ды	-л	Чипмы	1695/6, 1703/4, 1708/9		№ 17, 31, 32, 84, 91, 107
51	ر	р	р	ра	Чипмы, Ст.Баширова	1695/6-1817	араб.	№ 8, 9 и др.
52	ز	з	з	за	Большинство памятников	1695/6-1817	"	№ 11, 54 и др.
53	س	с	с	син	"	1686/7-1817	"	№ 7, 54 и др.
54	سكز	скз	сийкз	восемь	Ст.Баширова	1817	кыпчак.	
55	.	-	-	сукун			араб.	
56	سُن ..	сун..	сун..	радоваться	Чипмы	1695/6	кыпчак.	№ 57, 58
57	سُنْبِكَا ..	сунбкI..	сунбикә	Сунбикя	"	"	"	№ 58
58	سُنْ بَكَانِيكَا	сунбкIниик	сунбикәниц	Сунбики	"	"	"	
59	سَه	сн	сәнә	год	Ст.Баширова	1796,	араб.	

60	..سى	..سى	..سى	его	Туркино	1686/7	кыпчак.	Ом. №7
61	ش	ш	ш	шин	Ст.Баширово,	1796-	араб.	№ 2,10 и др.
					ЧШШМ	-1817,		
						1695/6		
62	شَلطِيق	шлТйк..	шалтык..	род шена	"	"	түркі	№63,64,
63	شَلطِيق باى	шлТйкбай	шалтык бай..	Шалтыкбай	"	"	"	№64
64	شَلطِيق باى نيك	шлТйкбайник						
			шалтыкбайның	Шалтыкбая	"	"	"	
65	ص	С	С	сад	Ст.Баширово	1817	араб.	№ 66
66	صود	Свд	Суд	после, спус- тя	"	"	кыпчак.	
67	و	У	У	дамма	ЧШШМ	1695/6	араб.	№ 18,19, 56-58, 82.
68	ط	Т	Т	та Хутти	"	"	"	№18,19 и др.
69	طولن	Твлн	Тулун	коса	ЧШШМ	1695/6	түркі	№ 70
70	طولنى	Твлнбай	Тулунбай	Тулунбай	"	"	"	
71	ف	Ф	Ф	ф	Ст.Баширово	1809	араб.	№ 42
72	ا	а	а/ә	фатха	ЧШШМ	1695/6	"	№ 18, 19

1
3
1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
73	ق	к	к	каф	большинство памятников	I695/6- -I817	араб.	См. № 8,9,31, 32,46 и др.
74	قرار	кpIp	карар	решение	Чинны	I695/6	"	№ 75
75	قراری	кpIpИ	карарИ	решение его	"	"	араб. + кыпчак.	
76	قر	кз	кыз	дочь	"	"	кыпчак.	№ 77
77	قرى	кзИ	кызИ	дочь его	"	"	"	
78	قوباو	квбIV	кубав	Кубав	Н.Термы	"	"	
79	قوت	квт..	кут..	счастье	Чинны	"	"	№ 80, 81
80	قوتلو	квтлв..	кутлу..	счастливый	"	"	"	№ 81
81	قوتلوي	квтлвбИ	кутлвбИ	Кутлуби	"	"	"	
82	قول	кул	кул	раб	"	"	"	№ 100
83	قيل	кйл..	кыл..	делать	"	I723/4	"	
84	قيلدى	кйлдИ	кылды	сделан он	Чинны, Ст.Баширово	I695/6 I817, I796	"	№ 32, 107
85	قيلوب	кйлвб	кылвб	сделав	"	"	"	
86	ك	к	к	кяф	Ст.Баширово, Чинны	I804, I695/6	араб.	№ 4,9 и др.
87	ك	кI	ка/кѠ	кяф с алифом/ (лигатура)	" Ст.Баширово	I723/4, I695/6; I809	"	№ 38,41,42

1	2	3	4	5	6	7	8	9
88	كاي	..кiй	..кэй	..чык	Ст. Баширова, Чипмы	1804; кыпчак. I695/6, I723/4	См. № 38, 41, 42	
89	канз	кнiз	кнэз	кнiзь	Ст. Баширова	1804	рус.	
90	кил	..кiл..	..кэл..	прибывать	Чипмы	I695/6	кыпчак.	№ 91
91	килдi	..кiлдiй	..кэлди	прибыл он	"	"	"	
92	ك	к	к	сагырау	Ст. Баширова	I817	кыпчак.	№ 66
93	ل	л	л	лам	большинство памятников	I689/90- -I817	араб.	№ 2, 4 и др.
94	у	лi	ла	лам с алифом (лигатура)	Ст. Баширова, Чипмы	I796,	"	№ 28, 36-38
95	لو	..лу	..лу	обладающий	"	I695/6	кыпчак.	№ 80, 81
96	لوح	луX	лауX	плита	"	"	араб.	№ 97
97	لوحى	луXнiй	лауXнi	плиту	"	"	араб. + кыпчак.	
98	م	м	м	миш	Чипмы, Ст. Баширова	I695/6- -I817	араб.	№ 2-4 и др.
99	محمد	мXмд	муXаммад	Мухаммад	Чипмы	I695/6	"	№ 100
100	محمد قول	мXмд кул	муXаммад-кул	Мухаммадкул	"	"	араб. + кыпчак.	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
I01	مرزا	mrzI	мирза	мирза	Ст.Баширово	I817	перс.	
I02	موسى	mvsI	муса	Муса, Моисей	"	I796, I804, I812	араб.	
I03	ن	н	н	нун	"	I796-I817, I695/6- I708/9	"	См. № 3,4 и др.
I04	نجى	..нчI	..нчI	..нI	Ст.Баширово	I804	кыпчак.	
I05	ندر	ндр	надир	Надир	"	"	араб.	
I06	ندە	..ндh	..ндә	в его..	"	I812	кыпчак.	№ I3I
I07	نقل قىلدى	нкл кйлдI	накл кылды	переселил- ся он	"	I796, I817	араб. + + кыпчак.	
I08	ند	..нк	..нын	его	Чиншы	I695/5	кыпчак.	№ I9, 23 и др.
I09	نور	нвр..	нур..	свет	"	"	араб.	№ IIO
II0	نورکای	нвркIй..	нуркәй..	Нюркәй..	"	"	араб. + + кыпчак.	
II1	نى	..нI	..н	..я	"	"	кыпчак.	№ 97
II2	نىك	..нIк	..нын	..в	"	"	"	№ 9, 2I, 64

1	2	3	4	5	6	7	8	9
II3	نيك	..нйнк	..нйн,	..а	Чилимы	I695/5	кыпчак.	См. № 58
II4	ه	h	h	ha hавваз	Чилимы, Ст. Баширо- во	I708/9, I796- I804	араб.	49, II9 и др.
II5	و	v	w	ваз	Большинство памятников	I695/6- I817	"	№ II, I2 и др.
II6	ى	й	и/й/и	йа	"	"	"	№ 4, 9 и др.
II7	ى ..	..й	..и/и	его..	Чилимы	I695/6	кыпчак.	№ 77, I36
II8	يتاش	Йтш	йаш	год жизни	Ст. Баширо- во	I796, I804	"	№ II9, I22
II9	باشنده	Йтшндh	йэшИндэ	в его..лет	"	"	"	№ I23
I20	باى	Йтй	йай	лето.	Чилимы	I708/9	"	№ I21
I21	بايدا	ЙтйдI	йайда	в лето..	"	"	"	
I22	يش	Йтш	йэш	год жизни	Ст. Баширово	I812, I817	"	№ II8, II9, I23
I23	باشنده	Йтшндh	йэшИндэ	в его .. лет	"	"	"	№ II9
I24	يف ..	..Йф	..Иф	..ев	"	I804	рус.	№ 42
I25	..باش	ЙмIш..	Йамаш..	солатать	Чилимы	I695/6	кыпчак.	№ I26, I27
I26	باشباي	ЙмIшбIй..	Йамашбай..	Ямашбай	"	"	"	№ I27

1	2	3	4	5	6	7	8	9
I27	یماشباي نك	ЙмШбЙнк	Йамашбайның	Ямашбая	Чинми	I695/6	кыпчак.	
I28	يكرمه	Йкрмһ	ЙйкЙрмӘ	двадцать	"	I708/9	тюрки	
I29	ييل	Йл	Йыл	год	Китазн	I689/90	кыпчак.	№ I30, I31
I30	يكد	Йлдһ	Йылда	в .. год	Ст.Баширово	I795, I804	"	№ I31
I31	.. يلدند	..Йлд	..Йылда	в год..его	"	I812	"	№ I29
I32	.. يوز	..Йвз..	..Йуз..	..сто..	Чинми	I703/4, I708/9, I723/4	"	№ I33-I34
I33	يوزدا	ЙвздI	Йуздә	в сто..	"	I703/4	"	№ I34
I34	يوزد	Йвздһ	Йуз дә	"	"	I708/9	"	№ I33
I35	يوق	Йвк..	Йук..	нет	"	I695/6	"	№ I36
I36	يوق قراري	Йвк крIрЙ	Йук карары	нет решения его	"	"	кыпчак.+ + араб.	
I37	يونس	Йвнс	Йунус	Йнус, Иона	"	"	"	№ I38
I38	يونس باي	Йвнс бIЙ	Йунус бай	Йнусбай	"	"	араб. + + кыпчак.	
I39	.. ي	Й	Й	и краткий	"	"	"	№ 22, 23, I26, I27
I40	.. ي	-	-	и без точек	Ст.Баширово	I804	"	(подставка для хамзы)

РУКОПИСНЫЕ И ПЕЧАТНЫЕ СЛОВАРИ ХУШ-ХІХ вв. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Башкирский язык по сравнению с другими тюркскими языками претерпел специфические изменения как в фонетическом и морфологическом строе, так и в словарном составе. Пути, способы, а отдельных случаях и хронологию этих изменений можно проследить, применяя традиционные методы компаративистики. Большой материал дает, например, сравнительное изучение современного состояния башкирского языка с древнетюркским языком, родственными тюркскими языками, а также с данными башкирских говоров. До сих пор недостаточно полно использовались материалы письменных памятников башкирского языка, при этом обычно ссылались на то, что старотюркский язык, служивший письменным литературным языком башкир вплоть до начала XX столетия, полностью не отражал особенности живого разговорного языка. Но, как показывают последние исследования (литературных памятников - Г.Б.Хусаиновым, И.Г.Галиутдиновым, деловых документов и шежере - Р.Х.Халиковой), в языке старотюркских письменных памятников Поволжья и Урала отражались и некоторые особенности разговорного языка.

Кроме старотюркских памятников, имеются источники, отражающие особенности именно разговорного языка. Имеется в виду, прежде всего, язык эпитафий XIV- XVIII вв., рукописные и печатные словари ХУШ-ХІХ вв. (такие, как русско-башкирский словарь Мендиара Бекчурина: "Список русских слов с переводом на татарский, башкирский, калмыцкий языки" Петра Удадамцова; словари неизвестных авторов XVIII в., хранящиеся в фонде Андрея Михайловича Шегрена в архиве Ленинградского отделения АН СССР и т.д.), другие памятники эпиталярного, просветительского, делового характера (письмо предводителя башкирского восстания Батырши к императрице Елизавете Петровне¹; книга Мир-Салиха Бекчурина "Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана", изданная в Казани в 1869 г.; образцы записей фольклорных произведений до Октябрьской революции и т.д.).

В данной статье анализируются особенности рукописных и

печатных словарей XVIII-XIX вв.²

Первым известным словарем башкирского языка в настоящее время считается рукописный "Перевод слов на башкирский язык" Менди-яра Бекчурина³, датируемый 80-ми годами XVIII в.⁴ Этот русско-башкирский словарь содержит перевод 360 русских слов на башкирский язык, при этом переводы производятся на двух видах графики - русском и арабском. Автор, по-видимому, записывал слова из живого разговорного языка, ибо в них отразились диалектные особенности башкирского языка: анай, инай, әпсәй 'мать', джанлык, киек 'зверь', улуг, зур 'великий', үләм, үлән 'трава', уйку, джоко 'сон', билбау, бута 'пояс', донгуз, суска 'свинья', сапсаҡ, кисмәк 'кадушка', хатун, бисә 'жена' и др. Большинство лексических вариантов из приведенных слов бытуют как диалектизмы и в современном башкирском языке. Некоторые слова, приведенные в словаре, в современном башкирском языке в корневой форме вышли из употребления или употребляются в иных значениях. Так, вместо слова ат 'имя' активнее стал употребляться заимствованный из арабского языка исем, а ат сохранился лишь в составе производных и сложных слов (ата- 'называть', атаклы 'знаменитый', атказанган 'заслуженный'; слово изел (в словаре идил) 'река' относится к пассивному словарному запасу, вместо него употребляется другое тюркское слово йылга; изел имеется в составе гидронимов Агизел (ак 'белый'), Таризел ('кара 'черный'), Күгизел (күк 'синий'); слово бута (в словаре пуга) 'пояс' зафиксировано лишь в кызылском говоре в словосочетании бута билмәү (билмәү 'пояс'), из чего следует, что оно употребляется в значении определения (бута 'верблуженок' - отсюда бута билмәү 'пояс из верблужей шерсти?'); игергә 'пахать' выступает лишь в устойчивом словосочетании игек ик- 'выращивать зерновые культуры', а в значении 'пахать' употребляется слово һәр-; в современном башкирском языке не зафиксированы слова кебалер 'латы', күркәм 'лето' (күркәм употребляется в значениях 'красивый', 'изящный', 'статный').

Обращает на себя внимание обилие фонетических вариантов слов, приведенных в словаре. К ним, например, относятся варианты слов по употреблению следующих звуков: й ~ дж (йалкаулык ~ джалкаулык 'лень', йүрәк ~ джүрәк 'сердце', яхин ~ джахын 'хорошо', йырыл ~ джырыл 'пади'), с ~ ч (суска ~ чучка 'свинья', сасарга ~ сачарга 'связать', сапсаҡ ~ чапсаҡ 'кадушка'), р ~ у (ағыз ~ ауыз 'рот', шүглә ~ шәүлә 'луч', сығыр ~ сыйыр 'корова'), б ~ м (бу-

рун ~ мурун 'нос'). Наличие этих вариантов можно объяснить двумя причинами, не исключаящими одна другую: в них, вероятно, отразились перебои в употреблении названных звуков в речи одного и того же лица или записывались факты регионального характера. Из морфологических особенностей бросается в глаза употребление двух форм инфинитива - на маҡ/ -мәк (йокламак 'спать', алмак 'брать', сеймак 'любить') и на - (ы)рға/ - (е)ргә (кисергә 'резать', хәбар бирергә 'уведомлять', түләргә 'платить'), из которых в современном башкирском языке первая форма бытует как диалектная, а вторая - является литературной. Местоименно первого лица множественного числа записано в форме безләр (совр. без), которая как архаическая форма встречается в устном народном творчестве, а также в старотюркском языке.

Словарь неизвестного автора, в котором русские слова переводятся на татарский, башкирский и "мещарятский" языки⁵, содержит переводы без дифференциации указанных языков, поэтому не представляет большого значения для исторических изысканий в области башкирского языка.

В "Списке слов с переводом на татарский, башкирский, калмыцкий языки", составленном Петром Учадамцовым⁶, русские слова в количестве 357 переводятся на каждый из названных языков. Автор уже дифференцированно подходит к татарским и башкирским словам, отмечая лексические и фонетико-морфологические особенности слов этих двух языков, о чем свидетельствуют следующие примеры:

русск.	тат.	башк.
бог	худай	аллаһ, ходай, тенера
отец	әтәй	ата, атай
мать	әни	анай, инай, апсай
дух (дыхание)	сулу	сулу, тын
боль	хаста	авру, хаста
здоров	сау	исен, саву-саямет
основные шишки	һарат акаляси	карагай акаляси
татарев	кортлюк	кур, куртлюк, ован
жена	хатун	хатун, бися

Необходимо отметить, что все приведенные башкирские слова бытуют и в современном башкирском языке или в форме синонимов

литературного языка (алла, хоҗай, төнре; ата, атай; һулау, тин; иҗән, һау-сәләмәт), или диалектизмов (аңай, инәй, эпсәй; карагай әкәләһе), или литературных и диалектных единиц (лит. ауыру - диал. хәстә; лит. кор - диал. кертлек, оҗан; лит. катын - диал. бисә).

Как и в словаре Мендияра Бекчуринна, в "Описке" отражено параллельное употребление звуков ч ~ җ (суҗка ~ җучка 'овинья', балсыҗ ~ балчык 'глина', сибин ~ җибин 'муха', г ~ у (шавля ~ шугля 'лук').

Наибольший интерес представляет словарь неизвестного автора, где русские слова переводятся на татарский и башкирский языки, при этом переводы даны на латинском шрифте⁷. В нем автор очень подробно на лексическом, фонетическом и морфологическом уровнях показал различия в оформлении татарских и башкирских слов:

русс.	тат.	башк.
вор	карак	оҗоро
колени	тез	тубык
чешуя	кабык	әрсем
толстый	калын	йңуан
вчера	тәнагән	кисә
светлый	саф	якты
ушат	кисмәк	сапсак
болезнь	сиркау	аурыл
угол	бочмак	меҗүш
нет	жок	йок
сердце	жүрек	йүрек
змея	жилаң	йылаң
корова	сыһыр	сығыр
легкий	жеңел	йеңел
писать	жазмак	йазарга
читать	укымага	укырга
сеять	сәсмәгә	сәсергә
сплю	жуклаймың	йуклайым
ем	ашаймың	ашайым
даю	беремән	берем
отсюда	мыңдан	мынан

оттуда	андан	анан
низ [кий]	төбенек	түбән
сын	улан	ул

Составитель, видимо, больше знал башкирский язык или работал среди башкир, потому что некоторые русские слова переведены лишь на башкирский язык, а в графе "татарский язык" сделан прочерк. К таким словам, например, относятся: русск. холм - башк. түмәләслек, хребет - арка, источник, ручей - шишмә, водопад - тупса, восток - куйашсығыш, юг - төшлек, запад - куйашбайыш, север - түн, согнутый - бүгүлгән, воздух - ауа, ртуть - төрекемеш, трут - кау, аист - каузы, русский - орус, вояк - ар и др.

Составитель словаря, по всей вероятности, по национальности был не русский, о чем свидетельствуют такие специфические моменты, когда он значения русских слов понимал не совсем точно. Например, слово жир на татарский язык переведено смирз 'жирный', а на башкирский язык - мей 'мозг', 'костный мозг', слово глина - соответственно тупрак 'почва', 'земля' и балсыклык 'глинистое место' и др. Но наиболее ясно об этом говорит тот факт, что слово осел на башкирский язык переведено беләү 'оселок' - по созвучности слова осел и оселок составитель перепутал, чего не мог сделать русский.

Примечательным в этом словаре является то, что отдельным литером ö выделен башкирский з: все - барза, аист - каузы, но тот же звук дан литерами s (писать - йазарга), которым обычно обозначены звуки с и з (здоровый - сәлемет, чешуя - әрсем, вчера - кисә, сеять - сәсергә). Ни в одном слове звук һ не отражен - всюду выступает с, хотя в двух словах употреблена буква һ : плотина - бугһау, корова - сығыр, - она обозначает твердость звука г, т.е. ея обозначен звук г. Некоторые особенности слов дают повод с большой долей вероятности предположить, что записи были произведены у башкир племени Балыкчы или Гайна. Об этом свидетельствуют, например, такие факты, как: 1) употребление лексических единиц, характерных для башкир этих племен (иша 'лось', төшлек 'юг', кау 'трут', утрал 'остров', тупса 'водопад'); 2) фонетическое оформление слов (мей 'мозг', вм. мейе, ауа 'воздух' вм. һауа, ыскан 'мышь' вм. сыскан, песей 'кошка' вм. бесей, мөгеш 'угол' вм. мейеш); 3) употреб-

ление во всех позициях звука с, которому в других говорах соответствует һ или ҫ.

Слова селем 'трубка' и 'комшогор 'ящерица' в современном башкирском языке соответствуют, они не зафиксированы и в его говорах.

Спределенный интерес представляет обширный словарь в "Начальном руководстве..." Мир-Салиха Бикчурина, составленный по тематическому принципу. В нем дается список слов на арабском, персидском, татарском (оренбургское наречие) языках с переводом на русский язык. Автор придерживался взгляда, по которому башкирский язык относили к наречию татарского языка, поэтому оригинальная лексика башкирского языка дается лишь в сносках и в сравнении с татарским языком. Составитель прекрасно разобрался в лексическом своеобразии башкирского языка, о чем свидетельствуют следующие примеры, почерпнутые из его словаря, которые наиболее выукло показывают лексическое различие татарского и башкирского языков.

тат.	башк.	русск.
тузан	саң	пыль
боз	борсак	град
йәшелләүек	курпы	мурава
ушын	коморок	пучина
гәлләмеш	эт бороно	шиповник
шоморт	муйыл	черемуха
карлыған	карағат	смородина
ана эт	кәнтәй	сука
бизгәк	тапма	лихорадка
өләм	тыу	знамя
чумәлә	күбе	копна
почмак	мәйеш	угол
кәпчәк	тәк	мешок

Язык приводимой в качестве образца башкирской речи сказки "Батр батша акиәте" ("Сказка о храбром царе") отражает особенности большинства говоров башкирского языка. Так, формо-и словособразующие аффиксы представлены из обоих (восточного и южного) диалектов башкирского языка. Примеры из восточного диа-

лекта: эштәр 'дела', иптәштәре 'их товарищи', сәкты 'до', карындарын 'свои желудки', кәңәштәр 'советы', таштап 'бросив', харандар 'сподвижники', хәрмәтте 'уважаемый', уттар 'огни', коттап 'поздравив' и другие, — в южном диалекте соответственно имеют формы эшләр, иптәшләре, сәклы, карыннарын, кәңәшләр, ташлап, йараннар, хәрмәтле, утлар, котлап. Примеры из южного диалекта: башланн 'начал', кәңнәрзә 'в дни', уйыннар 'игры', һейләп 'рассказав', рәхимне 'добродетельный', уйлап 'подумав', алпаунтлар 'помещики' и другие, — в восточном диалекте соответствуют формам баштаны, кәңдәрзә, уйындар, һе"зәп, рәхимде, уйзәп, алпаунттар.

Фонетическая структура слов в "Начальном руководстве..." также отражает особенности почти всех говоров башкирского языка. Так, рефлекс общетюркского звука *с* в интервокальном положении представлен то звуком *ç*, то *h*, что довольно полно и четко дифференцировано в говорах башкирского языка. Например, между *с* формами төсөн 'вида', исерек 'пьяный', кысык 'тесный', узкий', вафасызлык 'жестокосердие', имеются и формы төһөн 'вида', иһерек 'пьяный', баһып 'наступив', иһе 'его память', 'его сознание' и др. К подобным диалектным смещениям относится и параллельное употребление звуков *й* и *ж*, *һ* и *ç*, *т* и *д*, *к* и *г*, *к* и *ғ* в анлауте (при преимущественном отражении в текстах "Начального руководства..." *ж*, *һ*, *т*, *г*, *ғ*).

Обобщая языковые особенности башкирских материалов в книге Мир-Салиха Бикчурина, можно сказать, что автор стремился унифицировать диалектные различия башкирского языка. На это указывает также отсутствие в словаре и тексте сказки узколокальных диалектных лексических единиц. Поэтому язык приведенных материалов носит наддиалектный характер.

Ценные сведения о башкирской лексике, фонетике и грамматике имеются в словаре Д.З.Будагова⁸. В нем отдельной пометой баш. или башк. даны более 200 слов, употребляющиеся только в башкирском языке или имеющие отличительную семантику по сравнению с другими тюркскими языками.

В словаре имеется некоторое количество слов, отсутствующих в современном литературном языке, а также не зафиксированные в говорах башкирского языка: боғал 'скирд' (совр. әскерт), бокка 'экономный' (совр. экономлы, һаксыл), антарн 'камзол' (совр. камзул), кизвү 'шалаш'; 'кочевая кибитка' (совр. кыуыш, тирме), кү-

русские 'крытый тудуп' (совр. тышлы талоп) и др. В словаре Л.З.Будагова некоторые слова зафиксированы в ином значении, чем в современном башкирском языке: түбә 'участок'; 'дача' (совр. 'вершина'; 'название родового подразделения'), күрән 'кочка' в болоте' (совр. 'осока') и др. Фонетическое оформление слов не подчиняется твердым правилам. Например, указывая на особенности употребления *h* в тюркских языках, Л.З.Будагов отмечает, что "башкиры эту букву в произношении заменяют *س* или *ص*", но в тексте словаря наряду со словами һин 'ты', һәңге 'кошье'; 'шка', һатмак 'продавать', йарһымак 'травить'; 'растревлять'; 'дразнить' и др., приводит слова сәкал 'нагрудник, униженный серебряными монетами' (совр. һакал), сакчы 'хранитель'; 'караульный сторож' (совр. һаксы), сереу 'плуг' (совр. һереу 'пахать') и др. Имеется также непоследовательность в передаче звуков *ә*, *э*, *о* (әз 'лад', буз 'серый', азык 'провизия', но кымьзәлк 'кислица', аунс 'рот', күз 'глаз', уыш 'гоньба', 'перегонка'), *о*, *ч* (салтан 'назничь', әс 'внутри', әсемәк 'пить', балык 'глина', тшыно 'меч', асы 'горький; 'кислый', кәс 'сила', но чыкан 'чирей'; чуал 'очаг' и др.), *ф*, *һ*, *с* (касык 'пах', но аһмак 'вешать' ем. асмак, үккермәк 'отрастить' ем. үстермәк ~ диал. үккермәк, йсламак 'шипеть'), *й*, *ж*, *в* (йерәк 'сердце', йефак 'шелк', йиуан 'толстый', но жезем 'виноград', жук 'нет', жокә 'сон', жыймак ~ зыймак 'собирать', зир 'земля'). Видимо, подобное разнообразное фонетическое оформление башкирских слов, включенных в словарь, вызвано тем, что материалы для словаря собирались из разных говоров и письменных источников. В отдельных случаях это явление может отражать вариантное произношение звуков, еще полностью не закрепившихся в процессе их исторических изменений.

В словаре В.В.Радлова⁹ приводится свыше 50 башкирских слов в основном соответствующих словам будаговского словаря. Но материалы радловского словаря, на мой взгляд, больше отражают специфику разговорной речи, о чем свидетельствуют следующие примеры: тутар 'разломать', саламат 'варенная каша', бирлек ~ бирне 'подарок от невесты родственникам жениха', йезтексел 'лицемер', тартуй 'склон берега', кутыр 'короста', йарһи 'горячиться' и др. В данном словаре также имеются слова, не зафиксированные ни в литературной форме, ни в говорах башкирского языка: турак уты 'укроп' (совр. өнис, укроп), кәттә 'большой', 'великий', 'значный человек' (совр. зур, оло, дәү 'большой', түрә 'значный че-

доек'), йүргүл 'набег', 'грабех' (совр. сажы, бажын, йау сабы). В структурном отношении башкирские слова в словаре Л.З.Будагова и В.В.Радлова принципиальных различий не имеют.

Наиболее полным словарем живого разговорного языка является "Русско-башкирский словарь" В.Катаринского¹⁰, включающий около 2500 башкирских слов.

Словарь составлен на основе русской графики с дополнительными знаками для специфических башкирских звуков (ä для звука э, ö - е, ү - ү, ä - э, н - ң, ö - с, ğ - ğ). Звуки ғ и ҕ, к и к в словаре не дифференцируются, буква г передает звуки ғ и ҕ, к - к и к, - видимо, автор счел достаточным признак сингармонизма, ибо с гласными заднего ряда всегда употребляются к, ғ, переднего ряда - к, ғ.

О том, что словарь В.Катаринского основывался на живом разговорном языке свидетельствуют несколько фактов. Во-первых, автор сам подчеркивает региональный характер отдельных лексических единиц (ср. балга 'молоток' в Кат[айской] вол[ости], а других местах: сүкеш¹¹). Во-вторых, в словаре арабские слова, которыми так пестрит старотюркский язык, получили ограниченное отражение; в него включены только такие арабизмы, которые органически вошли в словарный состав башкирского языка и стали неотъемлемой его частью: хәбар 'известие', хәзмет 'труд', кайуан 'животное', халык 'народ', хайла 'хитрость', хәкәм 'суд', хөрмәт 'уважение', сәғәт 'часы', сәбәп 'причина', нәсәл 'потомство', намиҕ 'часть', 'совесть', рәхмәт 'спасибо', ризык 'пропитание'; 'продовольствие', рәхсәт 'разрешение', исем 'имя', тәүекәл 'смелый', 'решительный' и др. Подобные слова и в современном башкирском языке относятся к активному запасу словесного состава. В-третьих, в словаре много слов и форм, характерных именно для разговорного языка: һәрәм 'запретный' (совр.лит. хәрәм), һәҙер 'сейчас'; 'теперь' (лит. хәҙер), һирәу 'болезнь' (лит. сирәу), казаб 'мучение', 'мука' (лит. гәзап), кир- 'бродить' (лит. гир-), комар 'желание'; 'пристрастие' (лит. теләк), коша- 'походить' (лит. окша-), кийшик 'любовь' (лит. гишик), бәлә 'стоющий' (лит. торорлок). В-четвертых, в словаре получили отражение слова и формы из различных диалектов и говоров башкирского языка. Так, в нем представлены слово- и формообразующие аффиксы из двух диалектов башкирского языка - восточного: арастык 'место, покрытое деревьями', ауырык 'тяжесть'; 'несчастье', аңылды 'умный', амарзы 'мужественный'; 'энергичный',

айякты 'имеющий ноги', айзан- 'кружиться'; 'окружать'; 'обходить' и др.; южного: анһатлыж 'нетрудность'; 'легкость', һейлек 'моча', ауырлыж 'здоровье', казаннаш 'однокашник', йелемне 'с клеєм', кенне- 'решивать', аныгла- 'привести к истине' и др. В заглавных словах и словарных статьях имеются также отличительные признаки некоторых говоров башкирского языка: диссимилятивные сочетания мк, нк, һк, мк, нк, һк, нт, присущие среднему говору южного диалекта (диңкәз 'море', зәңкәр 'голубой', шаңкы- 'контужиться', иңкәй 'направление', иңкырсак 'седелка', йеңкәй 'сноха', 'невестка', камкак 'перекати-поле', тыңкырау 'колокол', мәңкә 'вечный' и др.); анлаутный п, характеризующий карагай-кипчакский подговор кызыльского говора восточного диалекта и инверский подговор среднего говора южного диалекта (пәкә 'перочинный ножичек', патша 'царь', песән 'оено', пещ- 'испечься'; 'свариться'; 'созреть'; 'поспеть', поф 'испарение', 'пар', пыски 'пила', пысырак 'грязь', 'грязный'); общетюркский звук с в интервокальном положении, как и в современных башкирских говорах, соответствует звукам с (исән 'здоровый', исер- 'хмельть', асау 'уронный', 'горячий' - о лошади, усал 'злой'), ф (уһаҡ 'осина', йаһа- 'сделать'; 'осорудить'; 'приготовить', йаһаҡ 'подати', йаһы 'плоский'), һ (кеһәрткә 'ящерица', киһеү аһасы 'кочерга', таһыл 'средство'; 'привычка').

Некоторые лексические единицы, получившие отражение в словаре В.Катаринского, не зафиксированы в диалектах, а также в современных башкирских говорах. К ним, например, относятся дабыл 'молва', 'слух' (совр. хәбәр), каңка 'прясло'; 'изгородь из дубков и хворостин' (совр. текмә), катын 'волдыри' (совр. күпәрткә, сабырткы), киһеү аһасы 'кочерга' (совр. тәртәшкә), кәһәлә 'стрихний', кембә 'семена сорных трав в хлебе' (в совр. языке дается описательно: игендәгә кый үләг орлоктари), солжан 'человек одетый в неподходящую одежду' (в совр. языке дается описательно: йаракһыз кейем кейенгән кеше), алакан 'ладонь' (совр. ус), арда 'любимое дитя' (совр. кәһәрле-йаратқан бала), аут 'привычка' (совр. гәзәт), урынтын 'тайна' (совр. сөр), дың 'неподвижный' (совр. хәрәкәтһез), ил 'ласковый' (совр. һәйкәмлә, иркә, йағымлы) и др. Некоторые слова, не зафиксированные в современном живом разговорном языке, но имеющиеся в словаре В.Катаринского, были включены в свое время в "Башкирско-русский словарь"¹², но они не стали достоянием активного словарного запаса. К ним относятся

насыр 'мул'; 'лошак', кулакта 'кандалы', мөллә 'грубое сукно', төгәнә 'подожрение', тенәкәр 'амальгама', туйыр 'толстая нагайка', улья 'добыча', шыйан 'слабый' (о скоте), аргыллы 'гористый' и др.

В словаре имеются слова, фонетический облик которых не соответствует современным формам. К ним, прежде всего, относятся перебои в употреблении звуков *о* и *с*. В иялауте и ауслауте общетюркский *с* отражен то как *с*, то как *с*: әсе 'горячий'; 'жаркий', һасы 'вонючий', ас 'горноста́й', тәс 'вид', 'облик', 'цвет', кәс- блевать, һос- 'черпать', тискәре 'упрямый'; 'вз-нанка', но кысыр 'яловая', усал 'злой', кысәк 'кусок', ыс 'ко-поть', йәс 'запах', рыс 'счастье', йәстык 'большая подушка', кәс-мак 'навар на супе' и др. Общетюркский *с* в башкирских диалектах систематически сохранился лишь в северных и северо-западных говорах башкирского языка. Но материалы словаря показывают, что данные этих говоров В.Катаринским не использованы. Об этом свидетельствуют лексические особенности, отсутствие звуков *ч*, *ж* и т.д. Тогда почему в словаре наблюдаются перебои в употреблении *с* и *с*? Так было в действительности или это опечатки в словаре? На мой взгляд, перебои в употреблении этих звуков были в то время реальным явлением. До сих пор в ик-сакмарском говоре южного диалекта и кызыльском говоре восточного диалекта в речи людей старшего поколения наблюдается смешение звуков *с* и *с*, а иногда *һ* : баҫ- ~ баҫ- 'наступать'; 'давить'; 'вставать', туксан~тук-сан~тукһан 'девьяноста', кысык~кысык 'клещи'. В аялауте встречается смешение звуков *һ* и *с*: һандуғас~сандуғас 'соловей', һарымсақ~сарымсақ 'чеснок', һаралыһн~саралыһн 'бекас', һака~сака 'биток для игры в бабки', һандыр~сандыр 'ляжка' и др. Еще одной особенностью структуры слова в словаре В.Катаринского является частое смешение звуков *о* и *у* (йәзақ 'замок', йәко 'сон', тәз 'соль', йәк 'нет', йәурға 'иноходец', но йәзырык 'кулак', йәум- 'сжимать', йәк- 'приставать', токмаҫ 'лапша', булун 'луг', булут 'облако', һура- 'спрашивать') и *ү* (йәз 'сто', йәзәк 'перстень', йәтән 'узда', бәзәнә 'перепел', бүре 'волк', һүз 'слово', но йәуй 'шов', йәүн 'шерсть', бүген 'сегодня', бүре 'почка', һүлүк 'пиявка', һуймән 'пешня'). Параллельное употребление *о* и *у*, *ә* и *ү* встречается в говорах и современного башкирского языка: йәткәр~йәткәр 'кашлять', йәүгәк~йәр. лк 'пеленка', йәумарт~йәумарт 'щедрый', йәүгәр~йәгәр 'бежать', ку-

мырык ~ коморок 'берег, смитый снизу и заполненный водой', тук-мас ~ токмас 'лапша' и др. Еще одной особенностью фонетической структуры слова в словаре является преимущественное отражение слов с нарушенной губной гармонией: йере- 'ходить', елгер- 'попеть', сесе 'пресный', сескер- 'чихать', кезге 'зеркало', козгы 'ворон', койрык 'хвост'.

Сравнивая анализируемые словари, можно прийти к выводу, что башкирский язык в XVIII в. по ряду признаков отличался от современного башкирского языка. В тот период, видимо, шел интенсивный процесс фонетико-морфологического развития языка, который к XX в. уже в основном завершился (переход $r > й$, $г > ъ$; преимущественное употребление инфинитива на $-рга \sim -рге$ вместо общетюркокого $-мак/ -мак$); а некоторые как диалектные различия или междиалектные явления дошли до наших дней (соответствия $с - \varphi - h$, $й \sim ж$, $с \sim ч$ и др.).

---

¹ Языковые особенности этого письма были проанализированы Г.Б.Хусаиновым в статье "Батырша хатыны, лексик һәм грамматик үзгәртектәре". - Башкортостан укытучыһы, 1977, № I, с.30-34; № 3, с. 28-31; он же. Письмо Батырши как памятник письменного языка - В кн.: Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. Уфа, 1979, с. 121-138.

² Некоторые из них приведены: Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, с. 79-80, 213-214.

³ Архив ЛО АН СССР, ф. 94, оп. 2, ед.хр. 18.

⁴ Валеев Д.Ж., Шакуров Р.З. О первом русско-башкирском словаре и его составителе. - В кн.: Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 252.

⁵ Архив ЛО АН СССР, ф. 94, оп. 2, ед.хр. 19.

⁶ Там же, ед. хр. 103^a.

⁷ Там же, оп. I, ед.хр. 146.

⁸ Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., т. I, 1869; т. 2, 1871.

⁹ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., т. I, 1893; т. II, 1899; т. III, 1905; т. IV, 1911.

- 10 Катаринский В. Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1899.
11 Там же, с. 26.
12 Башкирско-русский словарь. М., 1958.

ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ И СОВРЕМЕННЫЙ БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК (к определению тенденции развития грамматических средств)

В языке орхонских и енисейских памятников во многих случаях грамматические значения выражались без аффиксов и без служебных слов¹, в то время как их употребление в современных тюркских языках, в частности в башкирском, обязательно.

В языке надписей значения большинства падежей выражались как аффиксами, так и без них. Примеры на безаффиксальное употребление родительного падежа²: Экинти Ышбара Йамтар боз атыр бинип тегди (КТ)³ 'Вторично напал он, сев на серого коня Ышбары Йамтара'. Түрк будун аты йок болу бармыс эрти (О) 'Имя тюркского народа стало исчезать'; Ич йәр илки артзун (Е) 'Пусть множатся косули внутренней земли'.

Отмечено и безаффиксное употребление винительного падежа: Ак Төрмәл кәчә, ораклатдым (Тон) 'Переходя Ак Төрмель, я велел остановиться лагерем'.

Кроме того, однородное дополнение в предложении может употребляться с аффиксом винительного падежа и без него: Анта йана кирип тургис каган буйурукы, аз тутукур элитин тутты (КТ) 'Затем снова войдя, он схватил собственноручно каганского приказного тургешей, Тутука азов'.

Наблюдаются случаи безаффиксного выражения местного падежа: Мағы курған кышладукта йут болты (ЕК) 'Во время зимовки в Мағы-кургане случился падеж скота'; Мағы курған кышлап, йазыңа огузғару сү ташкыдымыз (КТ) 'Перезимовав в Мағы-кургане, весной пошли войной на огузов'.

Безаффиксный дательный падеж встречается очень редко.

Значение исходного падежа в языке орхонских надписей выражается аффиксами местного падежа -да / -дә, дательного падежа -(р)а / -(г)ә удвоенными аффиксами -дантан / -дәнтән и -дан-йан / -дәнйән. В енисейских памятниках встречается и безаффиксное его выражение: Кадашым адырылдым, йиу, куйда кунчуйым адырылдым, сакис оглым адырылдым, йиу (Е) 'От своих товарищей я отделился, увы! От своих принцесс в теремах я отделился. От восьми своих сыновей я отделился, увы'.

Значение родительного падежа в надписях передается в боль-

шинстве случаев безаффиксно; аффикс местного падежа не употребляется преимущественно при глаголах со значением места, для внимательного же падежа установить какую-то закономерность трудно: даже однородные дополнения могут употребляться и с аффиксом и без него, безаффиксный исходный падеж встречается только в единичке.

В языке памятников I изафет имел более широкую сферу употребления, чем в большинстве современных тюркских языков, т.е. он имел значения, которые ныне передаются II изафетом. Таковы случаи, в которых выступают:

1) названия народов: Кара тургис будун топ ичикди (КТ) 'Масса тюркешского народа вся подчинилась'; Токуз огуз будун кенту будуным эрти (КТ) 'Народ токуз-огузов был мой собственный народ';

2) титулы, должности в сочетании с названиями страны: Турк бәгләр, будун, буны әсидиң (КТ) 'Тюркские начальники и народ, слушайте это'; Тургәс кагантан керүг кәлти (Тон) 'Пришел лазутчик от тюркешского кагана';

3) то же в сочетании со словом ат 'имя, звание': Әки оглы-ма йабугу, шад ат бартим (МЧ) 'Двум своим сыновьям я дал титулы "ябугу" и "шад"'; Каган ат бунта биз биртимиз (КТ) 'Мы в то время даровали ему титул кагана';

4) названия гор, лесов, рек, озер, городов и под.: Илгәру Шантун йазыка тәгә суләдим (КТ) 'Вперед я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины'; Әртис үгүзүг кәчигсизин кәчдимиз (Тон) 'Мы переправились без брода через реку Иртыш';

5) названия годов по животному циклу: Анчып барс йылка чик тапа йорыдым (МЧ) 'После этого в год тигра я пошел в поход против чиков'; Каңым каган ит йыл онынч ай алты отузка чча барды (БК) 'Отец мой каган в год собаки, в десятый месяц, двадцать шестого числа улетел'.

В надписях сфера употребления вспомогательных глаголов бол-, ит- была уже, чем в современных тюркских языках, их значения были более конкретными (соответственно 'находиться', 'становиться' и 'делать', 'устраивать'). Они не встречаются в форме деепричастия в адвербиальном значении, как в современных тюркских языках, поэтому имя существительное конверсируется в наречие посредством порядка слов: Су басы Инал каган, тар ус сад барзун, тиди (Тон) 'Начальниками войска пусть идут Инель-

каган и тардушский шад, — сказал он!; Өзүмн өңрө бына башы ыты (МЧ) 'Он послал меня самого вперед начальником тысячи'.

Числительные в языке надписей могли сочетаться со всеми глаголами. В современном же башкирском языке между числительным и глаголом вводятся вспомогательные счетные слова кабат, рат, тапсыр и под. ..уч йагирми сунушдимиз (КТ) ... 'мы сразились тринадцать раз'; Тертинч Чүш башынта сунушдимиз (КТ) 'В четвертый раз мы сразились на вершине Чүш'.

В языке исследуемых па-ятников отдельные корни употреблялись в значении абстрактных существительных и прилагательных, в то время как в современном башкирском языке для этих целей используются аффиксы: др.тюрк. бай 'богач, богатый' и 'богатство', но современные башк. бай и байлык; күч⁴ 'сила' и 'сильный', но кәс и кәсле; битиг 'письмо' и 'с надписью', но язну и язнулы, бәңгү 'вечно' и 'вечный', но мәңге и мәңгелек; ич 'внутренность' и 'внутренний', но әс и әске; тыш 'внешность' и 'внешний', но тыш и тышкы, әдгү 'святой' и 'святость', а также 'благо, добро', но изге и изгелек.

Как известно, о развитии аффиксальных и безаффиксных средств в тюркских языках высказывались два противоположных мнения: традиционное направление полагает, что аффиксальные средства древнее безаффиксных, часть же лингвистов настаивает на первичности безаффиксных средств.

Для определения тенденций развития грамматических средств полезно использовать типологический опыт, накопленный в общем языкознании. Бесспорно, что наиболее общие (основные) законы языкового функционирования и развития универсальны для всех языков⁵.

Одним из приемов выявления архаизмов является количественный метод, согласно которому более г-рое значение и функции определенных грамматических средств в древности говорят о его архаичности, и наоборот. Это доказывается материалами древних и старых письменных памятников, а также данными современных языков⁶, которые показывают, что новые грамматические формы (средства) постепенно расширяют сферу своего употребления и значения, а старые сужают.

Так, Н.З.Гаджиева относит I изафет к пратюркскому состоянию на том основании, что он имел в древности больше значений и функций⁷. Этот же прием все вышеприведенные безаффиксные сред-

ства позволяет считать первичными.

Широту или узость значений и функций древних грамматических средств можно восстановить и косвенно. Допустимо, что употребление грамматических средств в пластах языка, способных к консервации, в большем количестве значений, по сравнению с нынешним состоянием, говорит об их древности. В современном башкирском языке $\bar{I}$ изафет, безаффиксное выражение падежей и других вышеназванных категорий часто употребляются во всех жанрах фольклора, пословицах и поговорках, ономастике: 'Казкул 'Гусиное озеро' (по законам современного башкирского языка должно быть 'Казлы кул); астанып 'нижние танышцы' (асы танып); екебаш кубалак 'совка основная' (эке башлы кубалак); ойокбаш 'носки' (ойок башы); карбаз 'погреб-ледник' (кар базы); Заятулактең бакта дунэнге атлануу була, ул кук толпарға ейлене (из эпоса "Заятулак и Хыу-хылку") 'Заятулак только сел на не успешшего полностью облить (досл. о шерстью - льнякой) жеребца-трехлетку, как тот сразу же превратился в серого крылатого коня'; Кузең ауыртыа, кулын тый, эсең ауыртыа, аузын тый (поговорка) 'Если болит глаза - придержи руки, если болит живот - уйми свой рот'.

Здесь же нужно отнести и такой важный источник выявления архаизмов, как древние заимствования из тюркских языков. На их фонетику обратил внимание И.Г.Добродомов⁸. Примером заимствования в период безаффиксного употребления словосочетания является пока только русское слово штаны, образованное из тюркского эч тун (башк. эс тун) 'внутренняя одежда'. В современном башкирском языке это слово должно иметь вид эске тун, ибо слово эс 'внутренность' в роли прилагательного употребляется лишь с аффиксом -кы /-ке: эске кейем 'исподняя одежда', эске кудак 'нижняя рубашка, тельник', эске кесе 'внутренний карман', эске олтан 'стелька', эске арзалар 'внутренности', эске як 'внутренняя сторона' и под.⁹

Результаты, достигнутые при помощи одного метода, могут иметь доказательную силу лишь в том случае, когда они подтверждаются показаниями других.

Первичность безаффиксных средств подтверждается и методом системной реконструкции, который объединяет все известные методы выявления тенденций развития языка. Например, роль современных "адвербиализаторов", т.е. вспомогательных глаголов бол-, ит-, значений падежей и т.д. вместо аффиксов и служебных слов,

как видно из вышеприведенных примеров, в тюркских языках выполнял порядок слов, основанный на смысловой сочетаемости.

В современных тюркских языках названные грамматические средства в разных сферах находятся как бы в процессе вибрации: башк. һунар ат — һунар аты 'охотничья лошадь', куз йаш — куз йаше 'слезы', култирман — кул тирмане 'ручная мельница', култуп — кул туби 'ручной мяч', һыбай — һыбайлы 'наездник, всадник', борсоу вакыт — борсоули вакыт 'беспокойное время', сабырын юралтыу — сабырлығын юралтыу 'потерять терпение', арыяк — арығы як 'та, другая, заречная и т.п. сторона', лайык — лайыклы 'достойный', тубан ос — тубанге ос 'нижний конец (деревни)', кире китеу — киреге китеу 'идти обратно' и др. В современной художественной литературе часто не используются надежные аффиксы и разные служебные слова. В этом явлении нельзя видеть лишь простое "пожертвование" упомянутых средств для рифмы или ритма: в таких случаях следует видеть использование живущей в языке закономерности, при которой употребление аффиксов и служебных слов является факультативным, когда смысл предложения может передаваться и без них. Это подтверждается и тем, что их отсутствие читателем — носителем языка почти не замечается. Несколько примеров: Йырҙар язам тауҙың кукрегенә, Тау кукреге серем җелһен тип (Ш.Бабич) 'Песни пишу на склоне горы, чтобы горный склон знал мои тайны'; Ыласындай алыҫ куз югерте Камсат бурек кейгән баһадир (С.Кулибай) 'Как сокол, смотрит вдаль богатырь в бобровой шапке'; Әйзә бергә киттекме, дуҫ? Ҡил ыңғайн Ҡаскынды ла эйәртәрбеҙ (Ғ.Ибрагимов) 'Айда, друг, пошли вместе. По пути захватим и Каскина' и др.

Вибрация аффиксальных и безаффиксных средств выражения грамматических значений имеет довольно большую частоту и охватывает ряд грамматических категорий современного башкирского языка, она еще больше увеличивается в масштабе всех тюркских языков.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что тюркские языки в историческую эпоху их развития имели тенденцию к увеличению аффиксальных средств. Эта тенденция была постоянной, продолжается она и поныне. Принимая во внимание то, что тенденция развития языка не меняется при сохранении строя языка (по мнению Н.З.Гаджиевой¹⁰, тюркские языки с праязыкового состояния в основном сохраняют свой грамматический строй),

эту тенденцию можно отнести к более древнему периоду, чем к зафиксированному письменными памятниками. Значит, в древности в тюркских языках безаффиксных средств было больше, чем в современных.

Отсюда закономерен также вывод о том, что современные безаффиксные средства возникли не из аффиксов и служебных слов, якобы, в свою очередь, восходящих к безаффиксным, а сохраняют древние грамматические способы выражения значений в тюркских языках.

Постепенное увеличение аффиксальных средств за счет безаффиксных, а также их вибрация в современных тюркских языках, в которых смысл предложения может передаваться без помощи аффиксов и служебных слов, вплотную подводит к мысли о путях и причинах расширения функций и значений (а может быть, и возникновения некоторых) незначительных морфем и их конструкций: они первоначально употреблялись тогда, когда имевшиеся безаффиксные формативы были не в состоянии выражать определенное значение. Аффиксы же и служебные слова были (и сейчас остаются в сравнении с параллельными безаффиксными образованиями) средством конкретизации, выделения определенных значений. Потом, закрепляясь в сознании носителей языка, эти средства стали нормой языка. Данное обоснование этой мысли требует специального исследования.

1 О разделении грамматических средств тюркских языков, исходя из их функций, на аффиксально-служебные и безаффиксные см.: Ахметов М.А. Безаффиксальные средства выражения грамматических значений в тюркских языках. - Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Алма-Ата, 1976, с. 117.

2 Примеры из языка надписей даются на современном башкирском алфавите.

3 Список сокращений (по изданиям С.Е.Малова): БК - памятник Бильге кагану, Е - Енисейка, КТ - памятник в честь Киль-Тегина, МЧ - памятник Мюшн-Чуру, О - Онгинский памятник, Т - памятник в честь Тонькука.

4 В одном памятнике это слово встречается с аффиксом -луг: Алты баг будуным кучлугин. Учун аркак элим ташын бунта такди [Е] По своей силе шести родов народа моего он поставил здесь

камень'.

⁵ По нашему глубокому убеждению, использование типологического опыта не мешает, а наоборот, помогает выявить специфические особенности тюркских языков. Вопрос лишь в том, как правильно его использовать.

⁶ Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 84.

⁷ Гаджиева Н.З. Природа изафета в тюркских языках. - Советская тюркология, 1970, № 6, с. 21.

⁸ Добродомов И.Г. Туркизмы славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков. - Советская тюркология, 1971, № 2; 1974, № 4.

⁹ Как видно, иноязычные заимствования в качестве источника изучения истории тюркских языков "работают" на уровне и фонетики, и грамматики. Это позволяет включить их в состав источников по изучению истории тюркских языков наравне с другими.

¹⁰ Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, с. 53.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЮРКИЗМОВ В РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ
ПИСЬМЕННОСТИ XVII в.

Тюркские лексические элементы в системе русского языка в последние годы вызывают значительный интерес лингвистов¹.

В большинстве работ тюркизмы русского языка изучались преимущественно в историко-этимологическом плане, что позволяло лишь отличить исконную лексику от заимствованной, установить эпоху перехода слова из одного языка в другой, а также способы заимствования слов.

Насколько можно судить, тюркские лексические элементы не подвергались рассмотрению в ретроспективном плане — в аспекте описания процесса вхождения заимствованных слов в лексическую систему русского языка.

В задачу данной работы входит изучение самого процесса вхождения тюркизмов в лексическую систему языка, описание взаимоотношений между заимствованными из тюркских языков и исконными словами в составе определенных тематических групп.

Изучение тюркизмов в системе русского языка показывает, что многие из них свободно употреблялись в памятниках разных жанров: в Таможенных книгах Московского государства XVII в.; в письмах, челобитных сказках, памятях, купчих, духовных, сговорных записях, судебных делах с преобладанием расспросных речей; в статейных списках о переговорах русских послов. Все это свидетельствует об освоении большинства тюркских слов в русском языке.

В подавляющем большинстве случаев тюркизмы входили в систему русского языка в процессе освоения соответствующих реалий. Иногда они лишь увеличивали в количественном отношении ряды слов, не вступая в семантическое взаимодействие с исконными словами. В этом отношении очень показательны наименования тканей, которые были широко представлены в различных памятниках. Особенно разнообразны названия шелковых тканей, большинство из которых вводилось с Востока²: атлас, алтабас ('ткань... с серебряными или золотыми узорами')³, байберек ('ткань из крученого шелка...'), дороги ('шелковая ткань...'), камга ('шелковая цветная ткань...'), кутня ('ткань из шелка и бумаги...'), обьярь

('плотная шелковая ткань...'), парча, тафта. Помимо наименований шелковых тканей использовались названия льняных и хлопчатобумажных тканей, среди которых наряду с исконными и заимствованными из других языков (холстина, полотно, новина 'холстина', выбойка 'грубый ситец') встречались и тюркизмы: бязь (бумажная прочная ткань...), зендень (хлопчатобумажная ткань...), кисея (легкая прозрачная ткань), китайка (простая бумажная ткань), кумач (бухарская бумажная ткань), миткаль (тонкая хлопчатобумажная ткань), мухойр (бухарская бумажная ткань). Выделяется и подгруппа названий шерстяных тканей, в которой также наряду с исконными (сукно, шерсть) выступали и тюркизмы (кармазип 'старинное тонкое сукно', сукманина .. 'полусукно').

Таким образом, тюркизмы - названия тканей занимали значительное место в этой тематической группе слов, хотя и не вступали в семантическое взаимодействие с исконными словами, а лишь увеличивали тематические ряды слов. Подобную картину мы видим и в других тематических рядах, например, названиях рыб, где наряду с исконными и заимствованиями из других языков (белуга, голавль, карась, лещ, линь, лосось, окунь, осетр, плотва, сельдь, сом, стерлядь, щука) встречались и тюркизмы (сазан, севрюга, судак).

Известно, что иноязычные слова, заимствуемые вместе с реалиями, входят в систему языка, не встречая сопротивления. Иначе складываются взаимоотношения иноязычных слов и исконных, когда в языке уже есть слово для обозначения соответственного понятия. В подобных случаях заимствованные слова включаются в существующие тематические группы и взаимодействуют внутри них с исконными словами. В результате такого взаимодействия тюркизмы расширяют сферу своего функционирования, после чего происходит перераспределение мест внутри лексической парадигмы: и тогда тюркизмы нередко вытесняют исконные слова-наименования. Примером может служить тюркизм аршин, означавший первоначально меру ввозимых тканей. Постепенно заимствованное слово стало использоваться для измерения тканей не только ввозимых, но и отечественных⁴.

В анализируемых нами памятниках письменности лексема аршин употребляется уже для измерения и тканей, и длины вообще: '... попроси мести у батюшка своего чтобы пожалывал изволил купит пол-аршина парчи мнѣ на касой чепецъ', 'другая пицаль длиною 3 аршина без полувершка...'.⁵

Следовательно, освоение многих заимствований начинается с экзотизмов, которые, пройдя период адаптации, затем включаются в систему языка (ср. аршин).

Необходимо отметить, что языку XVII в. свойственна "необычайная его синонимичность", наличие полных синонимов, что свидетельствовало о переходном состоянии языка, когда новые и старые элементы временно сосуществовали⁵.

Заемствования вступали в синонимические отношения с исконными словами, но в дальнейшем судьба этих тюркизмов была различной: тюркизмы и исконные слова употреблялись сначала как абсолютные синонимы, затем тюркизмы приобретали дифференциальные признаки и употреблялись индивидуализированно. Ярким примером этого может служить географическая терминология, в частности лексика, называющая ландшафт. Остановимся на отдельных синонимических рядах: поляна - елань, овраг - буерак - яруга, река - ерик.

В XVII в. исконное поляна 'ровное пространство, несольшой луг' и тюркизм елань 'луговая и полевая равнина; обширная прогалина в лесу' употреблялись, очевидно, как абсолютные синонимы: ... съ того мѣста ити чернымъ лѣсомъ ломомъ вереть дватцать а послѣ того еланьми и степми и переходить многіе рѣки поперегъ...'; '.. да на поляне въ гарадѣ посеед рж...'

В процессе развития языка тюркизм елань (ялань) получил дифференциальный признак - 'луг, просека в лесу' и закрепился в зауральских и сибирских говорах⁶.

Тюркизмы овраг и буерак 'овраг' в XVII в. были, вероятно, полными синонимами, затем лексемой буерак стали называть 'ухой овраг'. Между тем тюркизм овраг означал 'крутобог и рытвину от вешних вод; водоронну, водомоину, росточь'. Синонимом к нему выступает и другой тюркизм - яруга, употреблявшийся часто в южных говорах в значении 'овраг, крутобокая лощина, глубская водоронна'.

Как отмечает Н.И.Толстой, это слово встречается теперь в Полесье в значении 'небольшое углубление, ямка, где образуется лужа от дождя; выбоина, яма с водой или без воды'. Этот тюркский термин широко распространен в славянских языках. Причем в данном случае в определении значения слова наблюдается значительная амплитуда колебания: 'лужа → ямка → овраг → пропасть'⁷.

К синонимическому ряду овраг - буерак - яруга примыкает и тюркизм яр 'крутойяр, крутизна, круть, круча, крутикъ (но не утес, не каменный); обрыв, стремнина', получивший дифференциальный признак - наличие крутых склонов: ... И притеснили де, государь, их х крутому и глубокому яру... В одном ряду с исконными словами могли оказаться и такие заимствования, которые в описываемый период уже обладали каким-либо дифференциальным признаком. Так, в ряду река - ерик тюркизм ерик 'небольшой речной или озерный рукав' уже имел дифференциальный признак - 'негроточный рукав', разветвление водоема: едучи из усады⁸ дорогою через зимовной ерик на поля Богданова Кречкова на Зимовном ерку у прогону у мосту напровѣ'.

Аналогично складываются взаимоотношения и в синонимическом ряду толмач - переводчик, где тюркизм толмач имел дифференциальный признак - 'устный переводчик'.

Смысловая дифференциация понятий, обозначаемых этими лексемами, зарегистрирована нами уже для ХУП в.: Царем и государемъ великимъ княземъ Юанну Алексѣвичу, Петру Алексѣвичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, бѣуть челом холопи ваши Посольского Приказу переводчики, Стахѣйко Гадзаловскій да Пашка Кулвинскій, да толмачи, Андрѣйка Щербининъ, Полунка Куцковъ, Ивашко Кизылбашенинъ... .

С дифференциальным признаком входит в систему языка ХУП в. и тюркизм табун 'конское стадо'. Правда, в описываемый период оно только входило в язык⁹, и поэтому с таким же значением могло употребляться и существительное стадо: "... тое лошад не въязъ садатъ въязя с стада конского сабоу а то стадо было села Мыжбора ..."; "... і пригънали при мене тобун к Москве і я купил было тебѣ две кобылицы нагаіских..."

Впоследствии наметилась дифференциация: в употреблении значений слов табун и стадо, причиной которой было появление в русском языке тюркизма табун: существительное стадо стало использоваться в значении 'группа животных, обычно одного вида, содержащую ч, пасущихся вместе' в отличие от лексемы табун 'стадо лошадей, оленей, верблюдов и некоторых других копытных животных'.

Заимствованное слово могло стать доминантной, возглавляя остальные члены ряда. Так складывались взаимоотношения в синонимическом ряду лошадь - конь - кляча - возник, где тюркизм

лошадь стал доминантной, существительные же конь, кляча и возня получили дифференциальные признаки.

В словаре И.И.Срезневского (XI - XIV вв.) представлены разнообразные названия лошадей: бахмать - тюркск.; конь, орь, комонь - общеслав.; фарисъ - греч.; аргамакъ - тюркск.; шкэбать - неясного происхождения¹⁰. Перечисленные существительные выступали как видовые названия, между тем как родовым понятием слово лошадь, видимо, становится позднее. Об этом свидетельствует и недифференцированность значения последнего еще в XVII в., когда слова конь, лошадь и кляча могли употребляться как равноправные: '... и не дождавая гсдръ Наръ с пустоши отпустил мужиченка в кадускую дровишку а с нимъ послал конь буръ и не дождавая гсдръ троса та лошаду мужиченка отбилас и будет гсдръ к твоим конским стадамъ та кляча пришиблас...'

В русских памятниках письменности XVII в. встречаются и другие тюркские названия лошадей, имевшие свои дифференциальные признаки: маштак 'малорослая лошадеца, лошадь-карлик' и аргамак 'рослая дорогая азиатская лошадь'.

Свидетельством того, что слово освоено является и развитие новых значений у тюркизмов: заимствования нередко подвергались семантическому переосмыслению, становясь многозначными. Так случилось с тюркизмом майден 'базарная площадь, где собирается народ', входившим в синонимический ряд с исконным словом площадь. В отдельных работах последних лет отмечены и другие значения у этой лексемы - 'собрание; сходка казаков', возникшие метонимически из майдан 'площадь', а также значения 'росчисть в лесу'; 'место для выработки поташа, дегтя; ровная площадка для игры'¹¹.

Переосмысление значений осуществляется при помощи метонимических переносов и в других группах слов.

Следует отметить, что в русском языке действовала семантическая модель, по которой образовывались переносные наименования: 'ткани' → 'одежда'.

Как отмечает Г.Н.Лукина, "видовые названия одежды можно разделить на исконные названия одежды и названия одежды, являющиеся по происхождению названиями тканей. У группы слов со значением вид ткани в языке ранних памятников довольно регулярно образуется новое значение вид одежды"¹².

Подобный перенос значений мы наблюдаем и в тюркских словах армяк, портище, сукман, которые являются не только наименованием

ткани, но и названием одежды. Следовательно, в тюркизмах-наименованиях тканей наблюдается семантическое переосмысление под влиянием русской модели. Причем первичным в тюркских языках является название одежды, вторичным — название ткани: 'одежда' → 'ткань'.

В наших материалах эти тюркизмы употребляются и в значении 'ткань', и в значении 'одежда': '... у Англи взята армяк а за него дано больше ведра вина'; '... дати ихъ великихъ государей калованья Меретинской царицѣ Екатеринѣ Давыдовнѣ и дочери ее Дарье Арчиловнѣ и сноу княгинѣ Федосье¹³ Ивановнѣ по портицу байбереку русского дѣла, по 10 аршин портище, из государственного Посольского Приказу'.

Процесс переосмысления значений происходит и в названиях мехов, в которых развивается вторичное название 'мех'. В этой группе в подавляющем большинстве случаев названия мехов не являются первичными и образуются 'путем метонимического переноса из названий пушных зверей'¹⁴.

Такому же семантическому переосмыслению подвергаются и некоторые тюркизмы, называющие животных, например, корсак, имевший следующие значения: 'вид небольшой лисы в северной половине киргизской степи' и 'кортачий, корсучий мех'¹⁵. Причем в тюркских языках есть название животного и нет названия меха¹⁶.

В рассмотренных памятниках тюркизм корсок (корсак) употребляется в значении 'мех': '... песцы по 20 алтын, корсоки по 16 алтын по 4 деньги...'

Сделанные нами наблюдения, думается, позволяют заключить, что при вхождении тюркизмов в лексическую систему русского языка они влияли на исконную лексику, что порой вызывало существенную перестройку тематических рядов слов. В отдельных случаях тюркские лексические элементы, входя в синонимические отношения с исконными словами, отличались от них дифференциальными признаками и или приобретали их в процессе развития языка. Впоследствии эти дифференциальные признаки иногда теряли актуальность. Поэтому судьба тюркизмов в русском языке оказалась различной: одни из них превращались в семантические дублиеты и выхледили из употребления (ср. толмач — переводчик), другие — возглавляли синонимические ряды и становились общерусскими (ср. лошадь).

В исследуемых текстах отмечены и тюркизмы, которые уже на русской почве становились многозначными, что служило ярким до-

казательством их полной освоенности русским языком, их активного вхождения в систему русского языка.

¹ Добродомов И.Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале "Повести временных лет"). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966; Тагиев М.Т. Наблюдения над употреблением слов тюркского происхождения в русских памятниках XV-XVII вв. - В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974; Спринчак Я.А. К истории тюркизмов в русском языке (По данным памятников XIV-XVII вв.). - В кн.: Актуальные проблемы исторической лексикологии восточнославянских языков. Днепропетровск, 1975; Эфендиева Дж. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI-XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975, и др.

² Лукина Г.Н. Название тканей в языке памятников древнерусской письменности XI-XIV вв. - В кн.: Этимология 1970. М., 1972.

³ Толкования значений даются по специальным работам, например: Савваитов Г. Описание старинных утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896; а также по словарям: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973, т. I-4; Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, и др.

⁴ Романова Г.Я. Из истории русской метрологической лексики (локоть, аршин). - В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.

⁵ См. об этом: Кутина Л.Л. К вопросу о синонимии XIII в. - В кн.: Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958.

⁶ Словарь русских народных говоров. Л., 1972, вып. 8, с. 337.

⁷ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969.

⁸ Буква "y" передает γ древнерусское.

⁹ Kiparsky V. Russische historische Grammatic. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975, с. 67.

¹⁰ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

II Качалкин А.Н. Слово майдан в истории русского языка. - Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1972, вып. 7, с. 88-89.

I2 Лукина Г.Н. Название одежды в древнерусском языке XI-XIV вв. - В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, с. 229.

I3 Буква "ѣ" передает древнерусскую фиту.

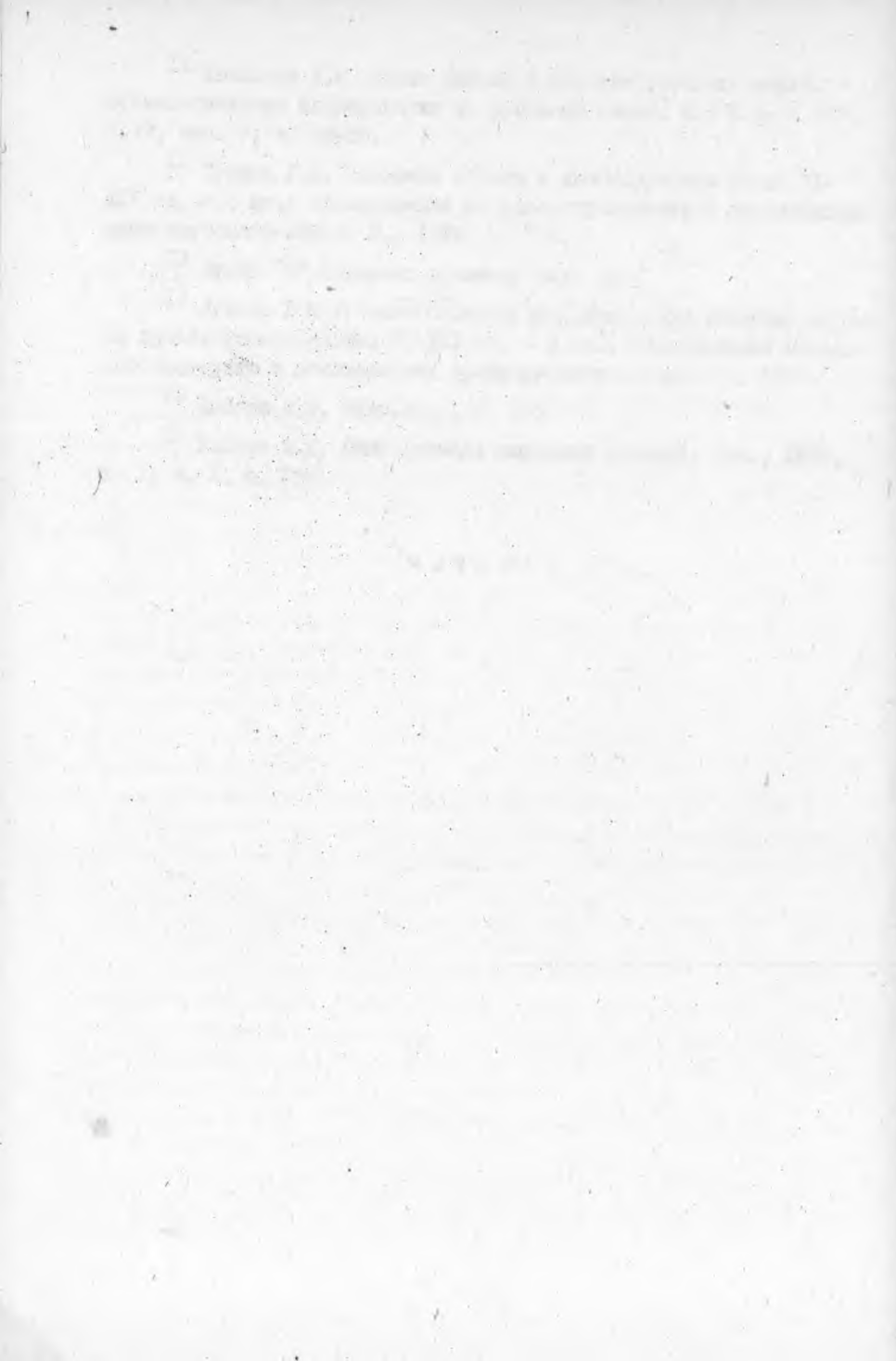
I4 Лукина Г.Н. К семантической характеристике бытовой лексики древнерусского языка XI-XIV вв. - В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978.

I5 Шипова Е.Н. Указ.соч., с. 195.

I6 Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899, т. 2, ч. I, с. 206.

ИСТОРИЯ

ДОКУМЕНТЫ СЛЕДСТВИЯ И СУДА ПО ДЕЛУ
САЛАВАТА КЮЛЕВА

Личность Салавата Юлаева, его деятельность как выдающегося предводителя и организатора народа в борьбе в годы Крестьянской войны 1773-1775 гг., национального героя башкирского народа, талантливого поэта-импровизатора вот уже почти полтора века привлекает внимание историков и литераторов¹. Одним из важнейших источников, сведениями которых пользовались исследователи, восстанавливая боевой путь Салавата, были документы судебно-следственного процесса над ним. Но как в дореволюционной, так и в советской литературе эти документы были использованы без должной исторической критики. Ошибки некоторых исследователей заключались в том, что они, не исчерпав полностью архивных источников, не сопоставив показания материалов дознания с параллельными известиями документов иного происхождения, строили свои выводы только на показаниях Салавата Юлаева и свидетельствах других документов следственного дела.

В ходе следствия и суда над Салаватом Юлаевым в деятельности учреждений, связанных с этим делом, возникло значительное число документов. В сохранившихся архивных делах выявлено свыше 80 документов², включающих основные материалы дознания и суда, а также переписку судебно-следственных и общеадминистративных учреждений. Эти документы не собраны воедино. Они хранятся в разных архивах и фондах, и потому весь этот комплекс источников можно лишь условно назвать следственным делом Салавата Юлаева. Дело Салавата на различных этапах следствия и суда занимались Тайная экспедиция Сената, Оренбургская губернская канцелярия, Уфимская провинциальная канцелярия, которые в случае надобности прибегали к содействию других учреждений и командиров воинских частей. Поэтому документальные следы их деятельности разрозненно хранятся в собраниях нескольких архивохранилищ.

В VI разряде быв. Госархива, находящемся в ЦГАДА, или, как сейчас он называется, в фонде № 6 под номером 427, хранится "Дело о пугачевском полковнике башкирце Салавате Юлаеве и об отце его Юлае Азналихове". Дело было составлено и описано в

60-х годах прошлого века. Все документы расположены в хронологическом порядке. Шестнадцать из них отражают ход судебно-следственного процесса, проведенного в Москве Тайной экспедицией Сената: первый документ — письмо казанского губернатора П.С.Мещерского к генерал-прокурору А.А.Вяземскому об отправлении Салавата Юлаева и Юлая Азналина из Казани в Москву, последний документ — письмо оренбургского губернатора И.А.Рейнсдорпа к Вяземскому от 16 апреля 1775 г. о доставлении тех же подсудимых из Москвы в Оренбург. К этим документам подшито письмо Рейнсдорпа к Вяземскому от 29 октября 1775 г. о выполнении поручения генерал-прокурора относительно завершения следствия по делу Салавата Юлаева и Юлая Азналина и об исполнении приговора. Таким образом, в деле преимущественно сосредоточены материалы, относящиеся ко второму этапу судебно-следственного процесса над Салаватом Юлаевым.

В том же фонде ЦГАДА в деле № 593 сосредоточены основные документы, относящиеся к завершающему этапу судебно-следственного процесса, проходившего, главным образом, в Уфе. Они занимают часть обширного "Дела № 3 Уфимской провинциальной канцелярии о Пугачевском бунте. Секретная переписка о Пугаче: донесения, рапорты, сообщения должностных лиц; доносы разных лиц на участников Пугачевского восстания, показания и допросы арестованных — на русском и татарском языках". Как свидетельствует заголовок архивного дела, его документы — часть делопроизводства Уфимской провинциальной канцелярии. Несколько дел о Пугачевском восстании хранилось в архиве Уфимского губернского правления вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Часть из них пропала во время гражданской войны³. Но еще в начале 1920-х годов в Башархиве оставались два дела провинциальной канцелярии за апрель 1774 — октябрь 1775 г. В связи с развернувшейся в стране подготовкой к 150-летию последней крестьянской войны документы, отражающие ее историю и хранящиеся в местных архивах, стали концентрироваться в Москве. Одному из инициаторов этой работы — Е.М.Ярославскому в 1925 г. были переданы два упомянутых выше дела Уфимской провинциальной канцелярии⁴. Новым местом хранения их стало Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива (позднее ЦГАДА). Они были включены в раздел "Дополнения" фонда № 6 под номерами 592 и 593.

Около ста листов (с 303 по 400) дела № 593 занимают документы, рассказывающие о проведении в Уфе следствия и суда над

Салаватом и его отцом. Особенностью этой группы документов является то, что она содержит некоторые материалы предыдущего этапа расследования. Здесь, в частности, находятся копии с копий документов Тайной экспедиции Сената, изготовленные в Оренбургской губернской канцелярии, а также копии собранных в Оренбурге материалов о Салавате. Наиболее ценная часть документов дела — материалы уфимского следствия. Их открывает определение Уфимской провинциальной канцелярии от 1 мая 1775 г. о доставлении Салавата и Юлая в Уфу, а заключает рапорт Уфимской провинциальной канцелярии И.А.Рейнсдорпу 6 июля 1775 г. о завершении следствия. К этой группе материалов примыкают шестнадцать документов, освещающих исполнение экзекуции над осужденными и отправку их на пожизненную каторгу в Балтийский порт.

Разрозненно хранятся отдельные другие документы, касающиеся судебно-следственного процесса. В УП разряде, или фонде № 7 в ЦГАДА, в деле с "Именными высочайшими указами и определениями по Тайной экспедиции" находится итоговый документ московского расследования "преступлений" Салавата — беловик определения Тайной экспедиции от 16 марта 1775 г. с резолюцией Екатерины II "Быть по сему"⁵. В УІ разряде Госархива в деле № 507, включающем материалы делопроизводства Казанской секретной комиссии, находятся: рапорт подполковника Н.Я.Аршеневского генерал-майору П.С.Потемкину от 5 декабря 1774 г. об аресте Салавата Юлаева, а также два документа от 13 февраля 1775 г., первый из них — рапорт Казанской секретной комиссии своему шефу об отправлении Салавата и Юлая в Тайную экспедицию, второй — расписка поручика М.Титова о приеме колодников для конвоирования в Москву⁶. В том же деле хранятся протоколы показаний десяти пленных повстанцев, выписки из которых были сделаны чиновниками комиссии и Казанской губернской канцелярии для следователей⁷. Среди документов военно-походной канцелярии командира Сибирской линии крепостей И.А.Деколонга, находящихся в деле № 627 (ч. I-13) фонда № 6, выявлены два письма генерала Ф.Ю.Фреймана генералу А.Д.Скалону и рапорт Аршеневского Фрейману об аресте и отправлении Салавата в Казань⁸.

Ряд документов сохранился в материалах военно-походной канцелярии генерал-аншефа П.И.Панина. Документы эти находятся в нескольких делах фонда № 6 ЦГАДА, в личном фонде Паниных и Блудовых (ф. 1274) в том же архиве, а также в фонде № 222 Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. Среди них — рапорт

А.В.Суворова П.И.Панину от 1 декабря 1774 г., реляция П.И.Панина императрице от 5 декабря 1774 г. об аресте Салавата и рескрипт Екатерины II от 27 января 1775 г.⁹ В журнале исходящих документов военно-походной канцелярии имеются записи ордеров Панина, адресованных 6 декабря 1774 г. Суворову, а 6 декабря 1774 г. и 28 января 1775 г. - казанскому губернатору Мещерскому о порядке содержания Салавата Клаева под стражей и о препровождении его в Москву¹⁰. В личном фонде Паниных выявлен также рапорт Мещерского к Панину от 13 февраля с отчетом об исполнении поручений Панина и рапорт Суворова от 31 июля 1775 г. об участии команды Фреймана в конвоировании Салавата и его отца к местам экзекуции¹¹. Ордер Панина к Мещерскому от 23 февраля 1775 г. с извещением о доставке колодников в Москву сохранился в личном фонде Паниных в отделе рукописей ГБЛ¹².

В россыпях дел Центрального государственного архива БАСОР в 30-х годах были обнаружены документы Уфимской провинциальной канцелярии, связанные с исполнением приговора о телесном наказании Салавата Клаева и его отца. Это делопроизводственные копии, изготовленные уфимскими канцеляристами в октябре 1775 г. В их числе предписание Рейнсдорпа сообщить ему подробности наказания осужденных, донесение о том провинциальной канцелярии от 20 октября 1775 г. и определение провинциальной канцелярии о совершении экзекуции. Документы эти вместе с копиями судебных следственных материалов, снятыми в 1940 г. с документов, хранящихся в Госархиве Оренбургской области, произвольно включены в фонд Оренбургского генерал-губернатора¹³.

Можно назвать и единственный документ, относящийся к следствию, извлеченный из фондов Центрального военно-исторического архива. Речь идет об аттестате поручика Владимирского пехотного полка Х. Шица, подтверждавшем, что муарский сотник Зямгур Абдусаламов входил в состав конвойной команды, сопровождавшей Салавата и пятерых его сподвижников в Казанскую секретную комиссию. Документ был выдан 31 января 1775 г. Подлинник оставался у Зямгура, а копию с него он представил правителю Уфимского наместничества генерал-поручику А.А.Неутлингу в 1791 г. как приложение (вместе с копиями других документов) к ходатайству о награждении его обер-офицерским чином. Прошения Зямгура и других старшин были отправлены в Военную коллегию, где и сохранились среди бумаг президента Военной коллегии Н.И.Салтыкова¹⁴.

Итак, комплекс материалов, касающихся дознания по делу Салавата Юлаева и суда над ним, включает на сегодняшний день 82 документа, выявленные в двух центральных государственных архивах (ЦГАДА и ЦГВИА), в Отделе рукописей ГБЛ, в Госархиве Оренбургской области и ЦГА БССР.

Один из важнейших документов следственного дела — протокол показаний Салавата Юлаева на допросе в Москве 25 февраля 1775 г. впервые был опубликован в документальном сборнике "Пугачевщина"¹⁵. Публикация значительной группы документов относится к 1975 г., когда вышел в свет сборник "Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии". В качестве приложения в сборник вошли 26 документов судебно-следственного процесса, ряд других был использован в комментариях¹⁶. Но до сих пор материалы следственного дела Салавата Юлаева опубликованы не полностью.

Документы следственного дела Салавата Юлаева отражают два ряда событий. Прежде всего они освещают собою картину следствия и ход судебного разбирательства — характеризуют деятельность учреждений и лиц, участвовавших в дознании, в судебных заседаниях и в исполнении судебных решений. Важнейшее значение имеют материалы следствия для изучения истории Крестьянской войны и выяснения роли Салавата Юлаева в крупных событиях повстанческого движения (под Оренбургом, в Красноуфимско-Кунгурском районе, в Башкирии, в походе Главного войска Е.И.Пугачева к Казани и др., вплоть до событий поздней осени 1774 г.)

Документом, открывающим судебно-следственное дело Салавата (под которым в данном случае подразумевается комплекс всех сохранившихся материалов процесса), является письмо генерала Ф.Ю.Фреймана генералу А.Д.Скалону от 27 ноября 1774 г. с сообщением о захвате 24 ноября 1774 г. в плен Салавата Юлаева. Последний документ процесса — письмо губернатора И.А.Рейнсдорпа от 29 октября 1775 г. генерал-прокурору А.А.Вяземскому о завершении дознания и наказании Салавата. В состав дела входят документы специальных органов сыска — Тайной экспедиции Сената и Казанской секретной комиссии; местных органов власти — губернских и провинциальной канцелярии; военно-походных канцелярий. Материалы делятся на основные документы следствия и суда (протоколы показаний Салавата, других повстанцев и свидетелей обвинения, судебные решения и документы об их исполнении) и переписку об организации расследования, о конвоировании и содержании

Салавата и т.п. Хотя все они (за исключением письма Салавата) являются документами правительственных учреждений, т.е. исходят из лагеря противников восстания, и полны враждебной тенденциозности по отношению к повстанцам, можно все-таки выделить ряд таких документов, в которых события Крестьянской войны освещаются во многом с позиций ее участников. К числу таких источников принадлежат протоколы показаний Салавата и других пугачевцев. Следует однако отметить, что содержащаяся в этих документах достоверная информация скрывается обычно под пеленой тенденциозности, сознательно приносимой следователями. Помимо этого, необходимо учитывать и то, что протоколы дознаний создавались в обстановке психологической борьбы между следователем и подсудимым. Первый из них, используя весь арсенал устрашения, вплоть до истязаний и пыток, стремился (часто в ущерб истине) добиться показаний, усугубляющих вину и участь допрашиваемого, а последний пытался умалить собственную роль в восстании, сосялая на свою темноту и неопытность, на принужденность своего участия в повстанческом движении, выступая подчас с осуждениями Пугачева и ближайших его соратников. Все это наряду с достоверными показаниями фиксировалось в протоколах допросов, а также и в судебных определениях.

Сыскные учреждения, представители верховной власти, центральной и местной администрации, причастные к производству дознания и к судебному процессу, подходили к освещению событий Пугачевского восстания и к оценке действий Пугачева, Салавата Млаева, других вожаков и рядовых повстанцев с предвзятых позиций охранителей господствующего феодального строя. Они рассматривали грандиозное народное движение против социальной несправедливости, бесправия и угнетения как государственную измену, квалифицировали предводителей восстания как воров, разбойников и уголовных преступников, возбудивших и возглавивших "бунт темной и необузданной черни". Защищая интересы господствующего класса, представители власти и сыскных учреждений фальсифицировали данные о реальных событиях восстания, опорочивали действия восставших, затемняя истину тенденциозными оценками и нравоучительными сентенциями. Следствие не занималось выяснением целей Крестьянской войны, причин участия в ней широких народных масс, их обвинений по адресу помещиков и чиновников; признавало противозаконной административную деятель-

ность повстанческих властей и учреждений.

Характер существовавшего судопроизводства исключал всякую возможность использовать суд подсудственным для прямого и открытого разговора о причинах и ходе крестьянского восстания. Дознание по делу Салавата Клаева сводилось к предвзятому сбору таких данных, которые позволили бы, хотя бы и косвенно, дискредитировать и обвинить подсудственного как уголовного преступника. Салават Клаев, учитывая тенденциозный подход следователей к освещению и оценке его действий в дни Пугачевского восстания, не только решительно отвергал такие преднамеренные измышления, но подчас и уклонялся от дачи исчерпывающе полных и во всем точных показаний по ряду таких событий, которые либо не были известны следствию, либо вовсе не интересовали его. Целенаправленность следствия и тактика поведения подсудственного на допросах оказали определяющее воздействие на содержание протоколов показаний Салавата, что необходимо учитывать при изучении этих документов и при последующем их использовании в историческом построении.

Установление полноты и истинности следственных показаний Салавата, их соответствия реальным событиям крестьянской войны основываются на методе критического сопоставления этих показаний с параллельными известиями сопутствующих и корректирующих источников (документы, исходящие от Салавата Клаева и адресованные ему повстанческими властями и учреждениями, протоколы следственных показаний вожakov и рядовых участников Пугачевского движения, переписка властей и учреждений правительственного лагеря, мемуарные свидетельства современников и др.). При этом изучение каждого отдельного сообщения Салавата о каком-либо факте требует привлечения соответствующей группы корректирующих источников и применения конкретного для данного случая приема историковедческой критики.

Обратимся к некоторым примерам взаимного критического сопоставления показаний Салавата с параллельными известиями документов, вышедших как из повстанческого лагеря, так и из стана противников восстания.

На допросе в Москве 25 февраля 1775 г. Салават кратко упомянул, что зимой 1774 г. он был в Красноуфимске. Но на допросе 5 мая в Уфе он расширил прежние показания, сообщив, что в Красноуфимске им были конфискованы две тысячи рублей для отправления

Е.И.Пугачеву, взяты пушки и порох. Но вот пять из сохранившихся документов походной канцелярии Салавата от 13 и 14 января 1774 г. созданных в этой крепости, позволяют существенно дополнить как московские, так и уфимские показания Салавата. Указанные распоряжения содержат достоверные данные об административной деятельности Пугачевского полковника в Красноуфимске¹⁷.

На допросах в Москве и Уфе Салават говорил об участии его двухтысячного отряда совместно с другими повстанческими силами в осаде Кунгура. И здесь, как и при упоминании красноуфимских событий, его показания крайне скупы. Более подробные сведения о подготовке этой боевой операции, в том числе о решении командиров повстанческих отрядов попытаться взять город мирным путем, донесли до нас другие семь документов канцелярии Салавата Кляева¹⁸.

В повстанческих документах с достаточной точностью характеризуется то или иное событие, определяется время и место событий. Так, обращение Салавата Кляева и Клая Азналина к управителям и приказчикам Катав-Ивановского завода от 10 сентября 1774 г. — одно из немногих свидетельств боевых действий повстанцев на северо-востоке Башкирии в начале сентября¹⁹. Следует отметить, что свое участие в боевых действиях в районе Катав-Ивановского и других близлежащих заводов Салават вообще скрыл от следователей.

Истинность и полнота отдельных свидетельств Салавата может быть установлена путем привлечения следственных показаний руководителей восстания и рядовых повстанцев. Так, на допросе в Москве Салават сознался, что Пугачев направил его из-под Оренбурга в родину, чтобы он, набрав отряд, возвратился в Бердский лагерь восставших. Но он не смог, якобы, собрать отряды, потому что население Сибирской дороги еще до его приезда было мобилизовано пугачевским полковником И.Н.Грязновым, а самого Салавата насильно затребовали в Красноуфимск другие полковники восставших Субхангул и Бахтияр. На следующем допросе, накануне которого Салават Кляев был ознакомлен с выписками из показаний своих бывших соратников Ракая Галеева, Абдрешита Галеева, Якупа Тлеумбетова и Замияца Сулейманова, рассказавших в Казанской секретной комиссии о деятельности Салавата в селениях Сибирской дороги зимой 1773-1774 гг., он не стал опровергать показаний своих товарищей. Салават сказал только, что получил задание от Пугачева следовать к

Красноуфимску, куда и отправился "с собранною мною разною иноверческою командою"²⁰. О том, в каких волостях Салават и его эмиссары выступали с призывами подняться на борьбу с врагами трудового люда, вступить в армию "Петра III" — Пугачева, как шел набор повстанцев, намного подробнее, чем сам Салават, говорили Субхангул Килтяков и Чюри Яксулев на допросе в Пермской провинциальной канцелярии²¹. В их показаниях освещаются проявившиеся с первых дней самостоятельной деятельности военно-организаторские способности молодого пугачевского полковника. Используя указ Пугачева, дарующий народу "всякую вольность", Салават в считанные дни конца декабря-начала января сумел создать отряд из восьми сотен башкир, татар, мишар, марийцев, чувашей. И все это происходило уже после того, как часть жителей Сибирской дороги ушла к Челябинску с пугачевским полковником И.Н.Грязновым.

Показания Субхангула Килтякова опровергают утверждения Салавата о том, что Субхангул будто бы приказал ему через послынных Эвлезья Саккулова и Макара Иванова прибыть в Красноуфимск. Напротив, Салават сам приезжал в Тубельскую волость, старшиной которой был Субхангул, и они вместе с другими старшинами, примкнувшими к Салавату, повели собранные по волостям команды к Красноуфимску²². Какую роль в жизни Салавата сыграл башкир Эвлезий, установить не удалось. Названный Салаватом Макар Иванов, он же красноуфимский пономарь М.И.Попов, действительно ездил к Салавату, но не для того, чтобы силой заставить его выступить из Шайтан-Кудейской волости. Как показал Попов на допросе в Пермской провинциальной канцелярии, он выезжал навстречу подходящему к Красноуфимску отряду Салавата, чтобы объявить о добровольной сдаче крепости²³.

В связи со свидетельствами Салавата, правомерен вопрос, почему Салават, избегавший вообще называть имена пугачевцев, в данном случае сообщил следствию о своих бывших товарищах. Сказалось, что эти повстанцы были названы им не случайно. Перелагая на них ответственность за вовлечение его в красноуфимско-кунгурские события, Салават знал, что этим людям уже не грозила кара царского суда. Салавату, конечно же, было известно, что его ближайший сподвижник Субхангул Килтяков был казнен в Кунгуре в феврале 1774 г., а М.И.Попов, захваченный в плен во время февральского сражения салаватовцев против команды секунд-майора Гагриня

под Красноуфимском, был уже сослан на каторгу. Пугачевского полковника Бахтияра Канкаева карателям так и не удалось схватить, хотя его разыскивали еще долго, до конца 1774 г. Можно предположить, что Салавату были известны или подробности гибели Бахтияра, или то надежное место, куда Бахтияр скрылся. Названный Салаватом И.Н.Грязнов, командир Исетского полка в Главном войске Е.И.Пугачева, погиб в боях под Казанью в июле 1774 г. Эту весть могли привезти Салавату вернувшиеся из-под Казани башкиры-повстанцы, которые служили в отряде Грязнова.

Отвечая на вопросы следователей, Салават не всегда называл места боев, фамилии командиров воинских частей, против которых он сражался. Поступал он так сознательно, подтверждением чему служат изменения в его показаниях после предъявления собранных следствием улик. Так, 25 февраля Салават сказал, что после штурма Кунгура в этом районе он имел лишь одно сражение с "верными эскадрами". А 5 мая, после предъявления ему показаний Ишметя Маметова, который вместе с Салаватом участвовал в боях под Кунгуром, а затем против команды подполковника А.В.Пагава, Салават подтвердил показания Ишметя, заявив, что "неоднократно сражался с detachmentом подполковника Попова"²⁴. На допросе в Тайной экспедиции Салават умолчал и о боевых действиях против корпуса К.И.Михельсона. Когда же его ознакомили с показаниями И.Н.Белобородова, Рагая Галеева, Якупа Тлеумбетова, Салават вынужден был признаться, что вместе с Пугачевым дважды сражался против Михельсона²⁵.

В Москве Салават не упомянул ни об одном событии лета и осени 1774 г. Чиновники Уфимской провинциальной канцелярии разыскали четыре показания пугачевцев — Семена и Афанасия Шеметовых, Араслана Рангулова и Адилы Бигашева, которые рассказали о сражении салаватовцев осенью 1774 г. против команды подполковника И.К.Рыльева. Салават попытался по-своему объяснить это событие. Чтобы придать рассказу большую убедительность, он начал его с изложения достоверных событий: ему как командиру отряда стали известны планы Рыльева, направлявшегося к Едьякской крепости, и он, Салават, объединившись с отрядом пугачевского полковника Абдулзялиля Урускулова, выступил навстречу карателям. А дальше события развивались будто бы следующим образом: открытая командой Рыльева стрельба из пушек и ружей, заставила повстанцев реально взвесить свои силы и, не вступая в бой, отступить или даже разойтись "каждый в жи-

тельства" свои²⁶. В тех случаях, когда Салават по каким-то причинам не соглашался с показаниями своих бывших товарищей, достоверность изложенных им сведений можно выяснить с помощью параллельных сообщений из корреспонденции военачальников карательных отрядов. Так, в данном случае нашлись два донесения Рылеева от 19 и 25 сентября 1774 г. в Уфимскую провинциальную канцелярию, документы, опровергающие показания Салавата Кляева относительно обстоятельств встречи с командой подполковника. Рылеев сообщил о двух сражениях против салаватовцев. Первое состоялось 18 сентября неподалеку от д. Тимошкино, когда "дерский... прожект" восставших "столь был зделан с их злодейскими мыслями противу вверенных мне войск вреден, которых я от такого вереломнаго народу никогда не воображал, одного ныне видел в настоящем деле". Четыре дня спустя, 22 сентября, между д. Тимошкино и крепостью Елдяк, извещал Рылеев, он с "башкирцем Салаваткою имел престоковое сражение, у котораго было злодейской толпы до трех тысяч человек"²⁷. Похваляясь своими успехами, Рылеев вынужден был отдать должное воинскому искусству Салавата Кляева. Донесения Рылеева указывают точные даты и места сражений, а также сообщают приблизительную численность отряда восставших.

Переписка военачальников является источником сведений о боевых делах Салавата Кляева, о которых он рассказывал либо очень мало, либо совсем умолчал. Так, например, глухо упомянутые им сражения против Михельсона и Палава нашли многословные списания в рапортах обоих этих подполковников²⁸. В показаниях Салавата и в других следственных документах нет данных о сражениях салаватовцев против команд секунд-майстров Д.О. Гагриня и И. Штерича, о майских боях с Михельсоном. Но об этих событиях подробно писали как командиры отдельных частей, так и главнокомандующие карательными войсками.

Определению точности и полноты изложения событий в показаниях Салавата служит, наряду с военной корреспонденцией, также и переписка гражданских учреждений. Она помогает проверить, например, объяснения подследственного в отношении разгрома Симского и других заводов, взятых повстанцами. Как известно, одно из главных обвинений, выдвинутых против Салавата, состояло в том, что им был разгромлен и сожжен Симский завод. В Троицкой экспедиции Салават сознался, что по приказу Пугачева сжег "заводчика Твердышова со-

отстоящей близ отца его деревни завод, под которой насильно Твердышовым на земле отца его построены две деревни"²⁹. Тогда он не привел даже названия завода. На допросах в Уфе 5 мая и 8 июня, отвечая на предъявленные в качестве улики показания свидетелей и данные из документов провинциальной канцелярии, он вновь повторил, что получил указ Пугачева, предписывавший будто бы сжигать все заводы. Выполняя это распоряжение, Салават во главе тысячного отряда окружил завод. "Противящихся" уничтожению завода убили, остальных крестьян отослали в заводскую деревню Ерал, и лишь после этого заводские строения были подожжены³⁰. Салават, как видим, не отрицал своего участия в сожжении завода. Ссылку на повеление Пугачева, в данном случае, следует рассматривать не как тактический ход, используя который, многие повстанцы на допросах объясняли свое участие в событиях Крестьянской войны, а как описание реального акта. Указ Пугачева Салавату и его отцу не сохранился, но в ряде документов имеются сведения о том, что в мае 1774 г. Пугачевым были отданы распоряжения сжечь Авзяно-Петровский и Белорецкий заводы после отвода из них главных сил повстанцев³¹. Исследователи истории Пугачевского восстания допускают, что подобные указания были даны и в отношении отдельных заводов Южного Урала. К такому решению Пугачев и его Военная коллегия вынуждены были прийти в мае-июне 1774 г. из опасения, что некоторые из заводов могут стать опорными пунктами карательных войск, наводивших Башкирию³².

О том, что сожжение заводов не было проявлением разбоя, башкирского "злодейства", говорит тот факт, что жители Симского завода дружелюбно встретили первый башкирский повстанческий отряд, пришедший к ним в конце 1773 г.³³ Весной 1774 г. они открыли ворота отряду Салавата, который 6 мая выступил оттуда навстречу корпусу Михельсона³⁴. Как показали дальнейшие события, Симский, Усть-Катавский, Катав-Ивановский заводы служили Михельсону базами обеспечения его войска припасами и лагерями, где он набирал силы после сражений и многодневных бесплодных погонь за повстанческими отрядами. Михельсон иногда пополнял там свой поредевший корпус заводскими крестьянами. Он принуждал крестьян сообщать ему сведения о местонахождении и численности повстанческих отрядов³⁵. Так, с 6 по 8 мая Михельсон использовал Симский завод как пункт сосредоточения своих сил. Он ждал там прибытия артиллерии, откуда он воз-

вращался после двух боев с отрядом Салавата. 23 мая салаватовцы сожгли завод³⁶, лишив тем самым Михельсона удобной базы на пути к Уфе.

Отказ некоторой части симских крестьян покинуть свой завод (а это имело место и на других заводах) объяснялся тем, что заводские работы были для них единственным средством существования, и они боялись его утратить. Поэтому убийство "противящихся" на Симском заводе не было проявлением межнациональной вражды. К тому же башкиры стремились уничтожить завод, построенный на их земле. Основную массу заводских жителей Салавату удалось убедить в справедливости приказа Пугачева, и они были отправлены в близлежащую деревню. Да и приводимая численность убитых различна в разных источниках. Сам Салават сказал, что не знает кто именно и сколько человек было убито. Повстанцы из отряда, участвовавшего в уничтожении завода, крестьянин Ракай Галеев и мулла Якуп Тлеумбетов на допросе в Казанской секретной комиссии показали, что убитых было шестеро. А крестьянин Симского завода Плотников, прибежавший в страхе с горящего завода в Уфу, заявил что там "до шестидесяти человек перекололи до смерти"³⁷. Судьям, обвинявшим Салавата в "злейших убийствах и тиранствах", выгоднее было использовать донос Плотникова. В судебном решении Уфимской провинциальной канцелярии, а затем и в приговоре губернатора названо шестьдесят убитых³⁸.

Привлекая к анализу протоколов показаний Салавата комплекс сопутствующих и корректирующих источников, следует учитывать их неоднородность по достоверности и полноте содержащейся в них информации. Наиболее точное отображение событий Крестьянской войны свойственно документам повстанческого происхождения. В документах правительственного лагеря помимо тенденциозной оценки событий восстания отдельные факты преподносятся в искаженном виде. Использование такого рода источников должна предшествовать тщательная проверка и оценка всех сообщаемых ими известий путем сопоставления описаний одного и того же события в разных документах.

На протоколах показаний пленных пугачевцев, как уже отмечалось, сказались специфические особенности их происхождения. Так, старшина Субхангул Килтяков показал на допросе, что вовлек его в народное движение Салават Клаев, прибывший к нему с отрядом в начале января 1774 г. На самом деле, Субхангул значительно раньше

вступил в ряды восставших. С 25 башкирами своей Тибельской волости он еще в середине декабря 1773 г. присоединился к отряду пугачевского атамана И.С.Кузнецова. 22 декабря этот отряд подошел к Саткинскому заводу, где его "все заводские крестьяне и работные люди встретили и приняли беспрепятственно"³⁹. Сублангул участвовал в конфискации 10 тысяч рублей из заводской конторы, захвате 12 пушек, 250 ружей, около 5 пудов пороха и отправлении всего этого в Главное повстанческое войско под Оренбургом, был свидетелем учреждения новой власти на заводе. И, возможно, он по заданию И.С.Кузнецова вернулся в свою волость для дальнейшей мобилизации повстанцев, а с появлением там Салавата Кляева без колебаний присоединился к нему и стал его верным помощником.

Переписка властей и учреждений правительственного лагеря, наряду с подробной и достоверной информацией, содержит порой и явно ошибочные сведения. Подчас искажения истины рождались в результате того, что авторы документов не были свидетелями описываемых фактов, а получали известие о них через вторые-третьи руки. Так, Екатерина II называла Салавата Кляева и Кляя Азналина "Салаватками"⁴⁰, Н.Я.Аршеневский писал о Салавате как о башкирском старшине⁴¹, о смерти Кляя Азналина донесил в канцелярию генерал-аншефа Панина курьер, возвращавшийся из Сибири⁴², в то время как он здравствовал еще в течение четверти века и т.п. Другие ошибки, а вернее — заведомо ложные сведения выходили из-под пера карателей, стремившихся изобразить в лучшем свете фактическое положение дел или преувеличить свои успехи. Именно такой характер носят искажения некоторых событий в рапортах Михельсона. Он докладывал начальству о боевых победах своего отряда во всех сражениях против повстанцев. Так, 1 июня Михельсон хвастался перед главнокомандующим, что 31 мая полностью разбил отряд из 800 человек под командованием Салавата⁴³. Но, как известно из других документов и в том числе из показаний Пугачева, 2 июня Салават привел к Пугачеву три тысячи повстанцев⁴⁴. Здесь вполне уместно поставить под сомнение и успехи корпуса Михельсона, и сообщаемую им численность отряда Салавата. 8 июня Михельсон сообщил Щербатову и с разгрома Главного войска Е.И.Пугачева 5 июня у переправы через р.А.⁴⁵ А за два дня до этого Салават отправил письмо атаманам повстанцев, где, сообщая о сражениях против гусар Михельсона, так оценил исход боев: "Многие из них убиты, а малое число бежало"⁴⁵. Пугачев

на допросе в Москве, рассказывая об этом сражении, подчеркнул, что в нем не добились успеха ни та, ни другая сторона. Сражение у р. Ай Пугачев изобразил так: "Сошелся он с Михельсоном, и так же была с ним ошибка, но и на одной ни Михельсон его не разбил, ни он, Емелька, Михельсону вреда не сделал, и разошлись"⁴⁷.

Михельсон хвастался своими мнимыми победами над повстанцами, другие военачальники извещали начальство об успехах в иных предприятиях. Излагая текст несохранившегося рапорта генерала Ф.Ю.Фреймана, А.В.Суворов писал Ц.И.Панину, что, якобы, по указанию допрашиваемого Салавата, "за сообщниками его к поимке партии также посланы"⁴⁸. Это можно рассматривать только как клевету на Салавата Кляева, преподносимую как результат "умелых" допросов, проведенных Фрейманом и его офицерами.

Приведенные выше примеры демонстрируют конкретные историко-ведческие приемы анализа следственных показаний Салавата Кляева, позволяют определить, насколько объективно отражена в них историческая действительность, раскрывают значение этих документов для освещения событий Крестьянской войны 1773-1775 гг. и участия Салавата Кляева в этих событиях.

---

¹ Пушкин А.С. История Пугачева. - Полн. собр. соч. В 17-ти т. Т. 9, ч. I. М., Л., 1938; Нефедов Н.Ф. Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. - Русское богатство, 1880, октябрь; Игнатьев Р.Г. Башкир Салават Кляев. Пугачевский бригадир, певец и импровизатор. - Изв. общ-ва археологии и этнографии при имп. Казанском ун-те, т. XI, вып. 2, 3, 6; Дубровин Н. Пугачев и его сообщники, т. 2. СПб., 1884; Николаенко А. Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Кляев. - Исторический журнал, 1940, № II; Идерииков И.Ф. Салават Кляев - вождь башкирского народа и сподвижник Пугачева. - Преподавание истории в школе, 1951, № I; Салават Кляев. К 200-летию со дня рождения. Уфа, 1952; Панейх В.М. Князя Арсланов и Салават Кляев. - В кн.: Лимонов Д.А. Мавродин В.В., Панейх В.М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974, и др.

² В это число не включены копии сохранившихся беловых экземпляров документов, а также их черновики.

³ В докладе заведующего Башкирским центральным архивом В.Галанова, представленном ЦИК БАССР в 1924 г., сообщается, что

многие документы по истории Пугачевского восстания были увезены колчаковцами (ЦГА БАССР, ф. 564, оп. I, д. 2I, л. I об.).

⁴ Отчет о работе Башкирского центрального архива с I октября 1924 г. по I октября 1925 г. (ЦГА БАССР, ф. 564, оп. I, д. 25, лл. I4, I7, 20).

⁵ ЦГАДА, ф. 7, д. 2043, ч. I4, лл. I56-I62.

⁶ Там же, ф. 6, д. 507, ч. 3, лл. 50, 95, I02.

⁷ Там же, ф. 6, д. 507, ч. 4, лл. 86-90, 2I8 - 222, 3I5, 550-555; ч. 5, лл. 42, II7, I3I, I39.

⁸ Там же, ф. 6, д. 627, ч. I2, лл. 237, 274, 3I7.

⁹ Там же, д. 490, ч. 2, лл. 222-224, 226; ГБЛ ОР, ф. 222, папка УШ, ч. I, л. I23.

¹⁰ Там же, ф. I274, д. 200, лл. 345, 436-437.

¹¹ Там же, д. 202, л. 299; д. 203, л. 270.

¹² ГБЛ ОР, ф. 222, оп. I, д. 7, л. 444.

¹³ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. I, д. 7, лл. I5-I7, I8-20.

¹⁴ ЦГИА, ф. 4I, оп. I/I99, д. 284, лл. II3.

¹⁵ Пугачевщина. М.; Л., I929, т. 2. с. 276-279.

¹⁶ Крестьянская война I773-I775 гг. на территории Башкирии (в дальнейшем Крестьянская война...) Составители: Р.В.Овчинников (руководитель группы), И.М.Гвоздикова, А.П.Николаенко Отв. редакторы Р.Г.Кузеев, Р.В.Овчинников. Уфа, I975, с. 264-265, 274, 299-338, 4I7-429.

¹⁷ Крестьянская война... , с. 30I, 3I8; Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., I975, с. 243-246.

¹⁸ Крестьянская война... , с. 30I, 3I8; Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений, с. 247-253.

¹⁹ Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений, с. 256-257.

²⁰ Крестьянская война... , с. 30I, 3II-3I2, 3I8.

^{2I} Там же, с. 89-93.

- 22 Там же, с. 89-90.
- 23 Там же, с. 96.
- 24 Там же, с. 301, 316, 318.
- 25 Там же, с. 305, 311, 312, 318.
- 26 Там же, с. 301-302, 315-316, 318-319.
- 27 Там же, с. 231.
- 28 Там же, с. 104-110, 158-160; ЦГИА, ф. 20, д. 1239, лл. 146-147, и др.
- 29 Крестьянская война... , с. 302. Ссылка на Пугачева не могла повредить уже казненному 10 января 1775 г. предводителю Крестьянской войны.
- 30 Крестьянская война... , с. 318, 329.
- 31 Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева, Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970, т. 3, с. 54.
- 32 Там же, с. 54-56.
- 33 Рапорт Саткинской заводской конторы Исетской провинциальной канцелярии от 30 ноября 1773 г. - ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 3, лл. 18, 20; рапорт приказчика Саткинского завода Ф.Ахматова коменданту Троицкой дистанции крепостей А.А.Фейервару от 2 декабря 1773 г. - Крестьянская война... , с. 61-62.
- 34 Рапорт Михельсона генералу Щербатову от 8 мая 1774 г. - В кн.: Крестьянская война... , с. 139.
- 35 Рапорты Михельсона от 5, 8, 13, 22, 27 мая, 1, 3 июня 1774 г. - В кн.: Крестьянская война... , с. 137-141, 144-146, 153-155, 158-160, 168-169, 171-173.
- 36 Сбывание крестьянина Самского завода Р.Н.Плотникова в Уфимскую провинциальную канцелярию от 28 мая 1774 г. - ЦГАДА, ф. 6, д. 592, л. 565; Крестьянская война... , с. 314-315; письмо приказчика И.Хлебникова заводчику Я.В.Твердышову, ранее 5 июня 1774 г. - Там же, ф. 1100, д. 8, л. 113; донесение Твердышова Рейнсдорпу от 5 июня. - Там же, лл. 111-112; уведомление Уфимского духовного правления в Вятскую духовную консисторию от 10 июня 1774 г. - Там же, ф. 6, д. 507, ч. 2, л. 50.

- 37 Крестьянская война... , с. 311-312, 314-315, 318.
- 38 Там же, с. 331; ГАОО, ф. 3, д. 148, лл. 71-72.
- 39 Рапорт приказчика Саткинского завода С.Ф.Моисеева поестскому воеводе А.П.Вережкину от 28 января 1774 г. - ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 10, л. 404; Пугачевщина, т. 2, с. 435-436.
- 40 Бумаги графа П.И.Панина о Пугачевском бунте, с. 200.
- 41 ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 13, л. 274; д. 507, ч. 3, л. 50.
- 42 Там же, ф. 1274, д. 200, лл. 436 об-437.
- 43 Крестьянская война... , с. 168-169.
- 44 Красный архив, 1935, № 2-3 (69-70), с. 211.
- 45 Крестьянская война... , с. 184.
- 46 Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений, с. 256.
- 47 Красный архив, 1935, № 2-3 (69-70), с. 21.
- 48 ЦГАДА, ф. 6, ч. 490, ч. 2, л. 226.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БАШКИРСКИХ ШЕЖЕРЕ

Шежере являются уникальным источником по истории башкирского народа дореволюционного периода. Как источниковые материалы они были широко использованы при разработке концепций происхождения и этнической истории башкир¹, а также в изучении вопроса о присоединении Башкирии к Русскому государству².

Доверительное отношение к историческим памятникам этого вида, заложенное Д.Н.Соколовым еще в XIX столетии³, в наше время продолжает возрастать⁴. Вместе с тем все более четко вырисовываются не известные ранее аспекты дальнейшего привлечения их в качестве источников. Использование относящихся к социально-экономическому и политическому развитию Башкирии сведений шежере предшествует исследованиям, которые определяли бы степень доказательности самих источников, т.е. источниковедческому анализу (герменевтике) и обобщению их. Причем возможности для проведения таких источниковедческих исследований за последние десятилетия значительно расширились. Историческая наука обогатилась публикациями многих архивных документов, раскрывающих ряд сложных вопросов становления и развития феодальных отношений в Башкирии, выявлены законодательные материалы, отражающие многолетние связи местного населения с администрацией Русского государства XVI-XVIII вв. Среди них особая роль принадлежит грамотам на владение землей и указным, а также актам внутреннего управления. Наблюдается совпадение сведений различных источников, имевших независимое друг от друга происхождение. Следовательно, создались реальные условия не только для рассмотрения источников в отдельности, по видам, но и для сопоставительного изучения важнейших памятников по средневековой истории башкир типа шежере, с одной стороны, и грамот, актовых материалов - с другой; для взаимной их проверки, а значит, для уточнения содержащихся в источниках фактов и событий, что в конечном счете приводит к повышению доказательности самих источников. В таких условиях при проведении дальнейших исследовательских работ по узловым проблемам средневековой истории башкир было бы методологически неверно

основываться только на источниках одной группы, например, шежере, оставляя в то же время без внимания другие обнаруженные документы.

Задачей данной статьи является попытка сопоставить исторические факты, получившие отражение в некоторых грамотах XVII в., с отдельными фактами и сведениями из башкирских шежере, которые совпадают в основном относительно места происхождения и круга участвующих в них лиц. Предполагается, что подобная работа будет способствовать в какой-то мере привлечению внимания исследователей к важнейшим проблемам источниковедческого изучения выявленных шежере, грамот и актовых материалов.

Известно, что шежере являются не однородным, а многоструктурным, сложным по составу источником. Кроме мифологических преданий и описаний родословного характера, они включают в себя много другой информации: например, содержание ханских ярлыков, царских жалованных грамот на владение землей, раздельных и прочих актовых материалов⁵. Примечательно то, что многие грамоты, раздельные акты и оберегальные памяти, содержание которых могло быть полностью либо частично пересказано в башкирских шежере, сохранились в делах местной царской администрации. Исследователь располагает возможностью сопоставлять их, сличать, анализировать и обобщать; обязательное проведение подобных поисковых работ, несомненно, повысило бы качество использования в исследованиях сведений шежере и актовых документов, позволило бы в определенной степени корректировать и уточнять исторические факты.

Попытаемся подтвердить сказанное на примерах.

Обратимся к шежере юрматынских башкир - "одному из самых интересных из известных нам исторических памятников такого рода", который "послужил ценным источником при разработке истории Башкирии XV-XVI вв."⁶ Наиболее полный текст его опубликован Р.Г.Кузеевым в сборнике "Башкирские шежере" (Уфа, 1960) в виде фотокопии, транскрипции и перевода на русский язык. По общему мнению исследователей, начальный вариант шежере записан во второй половине XVI в. муллой Бакнем под диктовку бия⁷ юрматынцев Татигаса⁸. Предполагается, что в 972 году хиджри или в 1565 г. по христианскому летоисчислению информатор-сказитель шежере Татигас-бий умер, а письменно зафиксированное шежере он оставил, якобы, родоплеменным вождям юрматынцев Илсегтимеру, Кармышу и старосте⁹ Азнап на хранение. С того времени шежере хранилось у юрматынцев, занимавших территорию по

среднему течению реки Белой, ее левому притоку Ашкадару и правому притоку Нугушу.

Шежере содержит сведения по социальной организации и истории племени Юрматы, повествование о присоединении юрматинских башкир к Русскому государству, о разделении племени или крупной родовой организации на тюбы и т.д. В соответствии с имеющимися в нем указаниями на время и место описываемых событий, а также учитывая состав действующих лиц, письменный памятник можно расценить условно на части или пласты.

Для обзора выделим тот пласт шежере, в котором повествуется о присоединении юрматынцев к Русскому государству и о разделе земли внутри объединения между тюбами. Он представляется, на первый взгляд, единым целым, происходившим в течение 18 лет историческим явлением и именно так воспринимается в литературе. В интересующей нас части¹⁰ письменного памятника юрматынцев рассказывается о том, что "год был девятьсот пятьдесят четвертый (1547 по христианскому летосчислению), ... Ойство поручили Татигачу. Когда Татигач стал оием, в девятьсот пятьдесят девятом, в год мыши, на второй день октября русские взяли город Казань. После этого Белый-бий стал падишахом. Был девятьсот шестьдесят первый год, когда во все земли были направлены послы с грамотами, [которые] известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи. После того, как эти послы обошли башкирские земли и известили, год был девятьсот шестьдесят первый. И я, Татигач-бий, не имея никакой возможности придумать что-либо другое, взял [с собой] три человека от трех тюб народа, сначала Азна-баба, второго Илчи-кей Тимер-баба, третьего Кармыш-баба, и четвером, забрав с собой нескольких друзей-спутников, придя в город Казань, согласились быть подданными [досл. преклонили головы] Белого-бия падишаха. Получили ярлык, [в подарок] снедь, атласные материи. Царя оповестили о том, что мы люди с тремястами домами. Земли, оставшиеся от бежавших ногайцев, низайше попросив, взяли [себе]. [Царь] пожаловал [земли] - в верховьях [реки Белой] граница Нугуш, в низовьях Кукуш, с впадающими [в эти реки] с обеих сторон речками и степями, горами и скалами. Дали обещание платить ясак кунницей. После этого Белый-бий падишах мне, Татигачу, пожаловал чин мурзы, Азная сделал старостой. После этого вернулся домой, я собрал весь народ и сказал: ай соплеменники, мы к Белому-бию падишаху ходили, подчинились,

стали [его] рабами. Мне, Татигачу, падишах пожаловал чин мурзы, Азная сделал старостой, и, низайше попросив падишаха, земли бежавших ногайцев мы взяли [себе]. Согласились платить ясак из ста куниц. А теперь и вы примете ли [все это?] - спросил я. Весь народ [досл. каждый из этого народа] сказал, хорошо, каждый из нас всей душой согласен. Но я сказал, что падишах велел мне, мурзе, ясака не платить; пусть будет так [досл. будет хорошо] ответили [соплеменники]. Народ сказал: теперь на этой земле есть места для зимнего жилища, реки есть [досл. достаточно воды для питья], беркуты с гнездами и перелетные [птицы], в реках есть бооры, в лесу быстроногие лисицы, есть и куницы, есть и выдры, говоря [об этом, мы] очень рады. Теперь эти земли и положенный на них ясак разделили по тубам, - сказали они; чтобы друг другу, родам и родственникам жить в мире, [чтобы] не чинить насилия народу, напишем договорные письма, - сказали [соплеменники]. И я, Татигач-мурза, сказал: [если сделаем так], будет очень хорошо. Когда я сказал, что царь пожаловал мне [чин] мурзы, а мурзе ясака нет, народ ответил: волю падишаха одобряем. Мне, Татигачу, ясака не положили. Сто куниц ясака роды¹¹, обязанные нести повинность [досл. должны доставлять], уплатили. Затем, уплатив ясак, землю разделили на четыре тубы¹².

Далее в шежере рассказывается о том, как и какие уголья разделили башкиры: "Во-первых, [земли] от истока Ашкадара и до устья, с впадающими с обеих сторон в нее речками, с лугами, камышами и степя ... до устья Нугуша с впадающими в нее речками сделали одной долей. И еще [земли] от устья Нугуша, [включая] реки, впадавшие с обеих сторон в Белую, с лесами и лугами, исток [реки] Ток и исток [реки] Саляук вместе с лесом Кирыкбаш до метки горы Тура-тау сделали [еще] одной долей. Гору Тура-тау, гору Шекэ-тау и гору Кухтау, [земли] от устья Стерли, от истоков рек, протекающих по возвышенности, [лежащей] между верховьями [рек] Куганак и Уршак, и от верховьев рек, впадающих в Асау с возвышенностями, лугами сделали [еще] одной долей. И земли от устья Уршака, Асау, от лесочка Маленький Буляк, Бурсык, затем от горы Джурак с долиной Кара-тугай по [реке] Белой, от [рек] Кукуша, Зигана с впадающими [в нее] с обеих сторон водами, с верховьев Каламана с верховьев Тора и Шинешми сделали еще одной долей. После этого бросили жребий. Эти жребии выпали: первый жребий - с впадающими в Ашкадар водами, со степями достался мне, Татигачу, второй жребий - Тирук с описанными

[выше] водами, лугами и лесами выпал староста Азнав, третий хребий - Стерли, Куганак, Селяук с описанными [выше] водами, полями, лесами достался Илчикей Тимеру, четвертый хребий - Зиган, Камламан, Шешеняк с описанными [выше] водами, степями, лесами выпал Кармышу. После раздела этих земель и жеребьевки договорились [досл. подписались] слова не нарушать, силу [друг к другу] не применять, жить в мире. Когда вступили в шестьдесят второй год¹³ от Белогообия царя пришел купец. Меня, Татигача, старосту Азнав, потом Илчикей Тимера с Кармышем известил [и мы] сто кунц ясака на ... доставили в Москву [и] заплатили царю. Написав о разделении [между собой] этих земель, закрепили в Московской книге. И по этой книге каждый год платили ясак. Но, находя, [что] доставлять ясак в Москву тяжело, просили [разрешения] платить ясак в Казани. Доставив книгу в Казань, платили [ясак]. После этого прошло много дней, мы ослабели, состарились...

.. [События], прошедшие при моей жизни, [вместе] с историей [наших] дедов, записал по моей просьбе мулла Бакий; [написанное я] передал старосте Азнав, Илчикей Тимеру, Кармышу. В девятьсот семьдесят втором году, восьмого дня священного Рамазана, умер Татигач-баба¹⁴.

Изложенное повествование шежере имеет некоторое совпадение с сообщениями грамот¹⁵ того учреждения государства, которое осуществило прием башкирских послов и которое выдало в руки представителей юрматынцев соответствующий документ (то есть грамоту) на право владения землями, прилежавшими к рекам Ашкадар, Нугуш и к среднему течению Белой. Копии¹⁶ с этой грамоты обнаружены в нескольких экземплярах среди дел по земельным спорам, возникшим в Юрматынской волости и разбиравшимися в судебных и межевых учреждениях в течение конца XVIII и первых десятилетий XIX вв. Судя по наличным копиям, оригинал или подлинник документа представлял грамоту царя Алексея Михайловича уфимскому воеводе Льву Плещееву и юрматынским башкирам, выданную в Москве 21 августа 1641 года¹⁷. Обнаруженные в архиве Оренбургской и Уфимской межевых канцелярий копии с грамоты были сняты по просьбе вотчинников Юрматынской волости, отстаивавших свои волостные угодья: одна - в 1798 г. в Оренбургской палате суда и расправы с пометкой (интерполяцией): "...копия оная.. в ясашной книге в записке значится"¹⁸; другая - в 1799 г. 2 декабря в Стерлитамакском уездном суде тоже с помет-

кой, что в суде копия эта была сверена и "оказалась верна, о чем просителю Алимбетеву и дается с сего подписью декабря 2 дня 1799 года" и "что оная грамота никаким правительством не уничтожена"¹⁹. Согласно последующим интерполяциям копии снимались, в свою очередь, не с оригинала грамоты, а первая, с "никем не засвидетельствованной копии", которая содержалась "в записке в ясашной книге", так как "засвидетельствованной же в делах, оставшихся после случившегося 1759 года пожара не оказалось", а вторая, с "нигде не засвидетельствованной копии". Но и под "засвидетельствованной" канцеляристы имели в виду не оригинал грамоты, а его копию, переписанную в Уфимской приказной избе в момент поступления документа туда. В ХУП и первой трети ХУШ вв. все грамоты, выдаваемые из центральных учреждений челобитчикам Уфимского уезда, вначале представлялись воеводе и переписывались в приказной избе "в книгу", т.е. с них снималась копия. Изготовленная копия заверялась подписями канцеляриста, подъячих и воеводы и оставлялась на хранение в данном учреждении, а оригинал возвращался владельцам без "засвидетельствования", т.е. в таком виде, в каком поступила та или иная грамота на снятие копии в воеводскую избу. С этого времени правовой документ существовал в двух видах: 1) в виде оригинала, выданного башкирам и 2) в виде "засвидетельствованной" копии с него. И оригинал грамоты и его копия, написанные на русском языке, имели одинаковую юридическую силу, никогда не переводились на "татарский язык" и могли быть представлены для разбора любого спорного дела, для снятия копии или нескольких копий. Но они могли затеряться, с течением времени истлеть от неумелого хранения или сгореть, как это неоднократно случалось с делами Уфимской приказной избы во время пожаров. По требованию судебных и административных учреждений для разбираемого дела копии могли сниматься как с "не засвидетельствованного" оригинала, так и с "засвидетельствованной" копии грамоты. Судя по документам о земельных спорах, еще в 30-х годах ХУШ в. башкиры Юрматынской волости прибегали к снятию копии с "незасвидетельствованной" грамоты. К чиновникам Оренбургской палаты суда и расправы и Стерлитамакского уездного суда попадались, вероятно, копии, снятые с "незасвидетельствованного" оригинала документа. В то же время для того, чтобы считать обнаруженные копии "не засвидетельствованными", нет оснований, так как в грамоте, с которой были сняты копии, имелись "свидетельства" или стояли под-

писи стольника Приказа Казанского дворца Матвея Иванова и дьяка этого же учреждения Михайлы Яковлева²⁰.

Тем не менее обнаруженные копии с грамоты нуждаются в тщательном археографическом и источниковедческом изучении. Однако неосуществленность такой поисковой работы не должна лишать историков и этнографов права привлекать грамоты, актов и материал и шееже к исследованиям по социально-экономической, политической и этнической истории средневековой Башкирии.

Тексты обеих копий, несмотря на то, что они сняты в разных учреждениях и в разное время, совпадают слово в слово, за исключением нескольких пропусков, имевшихся как в первой, так и во второй копиях, и кроме неточной передачи года вручения грамоты юрматынским башкирам (7117 год вместо 7149 года, что является ошибкой переписчика) в копии, снятой в 1798 г. в Оренбургской палате суда и расправы. Дата составления грамоты уточнена годами служб Льва Плещеева в Уфе в качестве воеводы.

"Августа 21 прислана от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца на Уфу в приказную избу стольнику и воеводе Льву Афанасьевичу Плещееву грамота, а в грамоте писано тако пришло четыре человека от башкирцов, а имянно Тяткач и Адная, и Инзиктемар и Кармыш и пришедши себя объявили рабством своим и приклонились, что нас триста домов и просили оставшиеся от перешедших ногаевских башкирцов земля по обе стороны Белой реки верхнее урочище от устья Нугуш реки, а нижнее урочище Кугашева гора к Белой реке мысом Кургунском Кыду по обе стороны Белой реки текучими мелкими речками и вражками и степями и лесными угодьями и горами за которые платить им в казну сто куниц и потому царь и великий князь Алексей Михайлович ево Тяткача и Адная и Инзектемира Кармыша с триста домами за приклонение рабством своим всех их пожаловал ногайскими землями и чтоб платить ежегодно сто куниц и Тяткача бия пожаловал мурзю чином Одная пожаловал старостой и пожаловал их кармазинным кафтаном иголью, а послы Тяткач мурза и староста Адкалу и Азитемира Кармыша четыре человека объявили мне великому государю татарским письмом в котором написано рубежи землям тако первый рубеж от носа Кугашевой горы от Киргискойлучи вверх по Белой реке по правой стороне прямо Каяк куду от толь ядя к Ишенкули степью к устью к Зярли врагу от толь к устью Месеиллинской речки от желтого тала по

речке Куганаку вверх по правой стороне по Малому Буляку мимо Буляку и от устья речки Асафтамаку к мерзлому берегу от берез к Балтаче ой долине...к оврагу Бирказгану от вершины врагу Бирказгану(Бирказгана) к Бузаеву (Берзаеву) Буляку от толь к девяти дубам от толь степью мимо Толбалыку да мимо Асафской стороны и мимо Бишбуляка к Алибаша от толь к осми ... вешними текущими врашками к Уршаку текущими врашками не доходя между дву рек степью к Чуртанли врагу идучи враг да Чабан врага Эльхова (Олховый) враг и верхним врагом к вершине Куганакской речки от верхней стороны Моиловый лес от Стерлинскова врага от вершины врага Ашкадара под горою Уральскою до вершины врагу Спалайскому к межзной березе от толь на всячий куст от толь с устья Мяситавли врагу от толь на устье речки Нугуш, а от оной речки на устье речки Тор от той речки Тора Казьской враг, от толь на Карсечи лес, от толь на Камбраков враг на правой стороне... до вершины Емашевой враг от толь к вершине речки Оряк (Аряк) от вершины Аряка до леса Балва по правой стороне леса Балва по сыртам до врагу Шишняк на левой стороне Шишняка до Алатов по правой стороне Алатава до вершины Соляной речки от толь до вершины Калемановой враг от толь до Кугушевой горы по сыртам... до Кургова броду. А татарское письмо в Москве в книгу записано, оному Титкачу мурзе и старосте Аднаю впредь для ведомо сия грамота дана лета 7167 года августа в 21 день. А подлинная отдана им с росписью и подписана столник Матвей Иванов и дьяк Михайла Яковлев"²¹.

Как видно из приведенного выше отрывка документа, такие важнейшие сведения шежере, как поручение Татигасу бийства, обстоятельства, вынудившие башкир снаряжать посольство к Московскому великому князю, подбор состава посольства от юрматынцев, поездка послов в Москву и прием их царем (или, вернее, администрацией Приказа Казанского дворца), а также принятие башкирами российского подданства, присвоение Татигасу титула "мурза" и возложение на Азная должности волостного старосты, далее, пожалование юрматынцам земельной угодий, возвращение послов к соплеменникам и сообщение народу о результатах их поездки в Москву, кроме того, последовавший затем раздел пожалованной земли между тюрками и распределение возложенного ясака между плательщиками, разрешение проблем, связанных с доставкой в казну ежегодного ясака и, наконец, подробное описание принадлежавших юрматынцам земель - обо всем

этом повествуют сами же башкиры-юрматынцы через летописцев-сказителей шежере в том виде, в каком события и факты были известны и запомнились им. Таким образом, шежере довольно насыщенно и подробно рассказывает о действиях башкирских послов и их соплеменников-юрматынцев и об ответных мерах царских учреждений. Вместе с тем шежере содержит сведения о таких событиях, которые излагаются и в приведенной выше царской грамоте.

Общим для шежере и рассматриваемой грамоты является то, что в них повествуется об одних и тех же исторических событиях, закрепивших социальное и политическое положение башкир Юрматынской волости: о поездке представителей башкир к царю, о приеме послов в Москве, о присвоении Татигасу титула "мурза" и о возложении на Азная должности старосты, произведенных от имени "великого государя". В них рассказывается также о пожаловании юрматынцам земельных угодий и о наложении на башкир ясака в сто кунец с приложением подробнейшего описания границ волостных земель юрматынцев.

В то же время в грамоте воеводе Льву Плещееву и юрматынским башкирам, естественно, отсутствует имеющееся в шежере повествование о том, как Татигасу поручали бийство, как юрматынцы снаряжали посольство в Москву, как делегация, вернувшись домой, доложила населению племени Юрматы о результатах своей поездки и как воспринял народ сообщение о пожаловании земли и о возложении на башкир ясака, а также нет сообщений о том, как юрматынцы произвели раздел пожалованных угодий, как переводили место внесения ясака из Москвы в Казань и т.д. Помимо этого, хотя описывалась (как в шежере, так и в грамоте) одна и та же территория, есть разница в обозначениях и в порядке описания границ земель юрматынских башкир. Вне сомнений, при сопоставлении грамоты чиновники пользовались лишь теми сведениями, которые были доставлены и сообщены им посланцами юрматынцев. Содержавшееся в грамоте описание владений башкир заимствовано, очевидно, из "татарского письма", предъявленного Татигасом и его спутником и оставленного на хранение при делах Приказа, и представляет лишь перевод с него на русский язык. При этом, надо полагать, вряд ли башкиры имели и оставляли у себя другой экземпляр или копию отправленного в Москву "татарского письма", которым впоследствии могли бы пользоваться, например, при составлении шежере. И наоборот, в шежере юрматынцев включен не тот вариант описания границ башкирских земель, который содер-

жался в "татарском письме", а другой, неизвестный чиновным людям Приказа Казанского дворца. Отсюда ясно, границы владений юрматынских башкир описаны были для включения в шежере и в "татарское письмо" разными лицами и не в одно и то же время. Поэтому содержащиеся в двух документах описания волостных земель не совпадают слово в слово, несмотря на то, что описывалась одна и та же округа, и хотя для описания применено много общих названий угодий (как например, Нугуш, Ашкадар, Белая, Кутанак и др.).

Изложенные особенности повествования исторических событий и наличие разности в передаче сведений указывают на то, что в шежере не использовано содержание грамоты, присланной на имя воеводы Льва Плещеева и юрматынских башкир. Грамота, поскольку она вручена юрматынцам без перевода с русского на "татарский язык", и не могла быть использована составителями шежере, в том числе и муллой Бакнем, без посредничества переводчиков. Для составителей шежере грамота оставалась безмолвным правовым документом, привлекаемым лишь для разрешения земельных споров.

Грамота царя от 21 февраля 1641 года, в свою очередь, тоже составлена без использования повествований шежере юрматынских башкир.

Оба документа имеют независимое друг от друга происхождение.

Как было отмечено, шежере более насыщено сообщениями о тех или иных событиях, нежели грамота. Однако при всей "бедности" на повествуемые сведения грамота имеет то преимущество, что она позволяет установить точное время пребывания в Москве посольства от юрматынцев и дату выдачи башкирам правового документа на владение землей. Время пребывания в Москве Татигаса-бия и его спутников можно скоррелировать и другими сведениями. Копия с грамоты, снятая в 1798 г. в Оренбургской палате суда и расправы, выдана внукам посланников от юрматынцев: "Из башкирцов тарханам" деревни Муртазиной Юрматынской волости "старшинскому помощнику Гали Муртазину сыну Инсектемирову" (т.е. внуку посла Инсектимера), "деревни Юшевой Юшу Муллашеву сыну Татекасеву" (внуку посла Татигаса), "деревни Юдашевой Ямамбетю Абдулхайрову сыну Азнаеву" (внуку посла Азная), и "деревни Мураковой Абдулкариму Малюкаеву сыну Кармышеву" (внуку посла Кармыша)²².

Кроме того, грамота позволяет отделить от повествуемых в шежере событий тот его слой, который связан с деятельностью Та-

тигаса, Азная, Илсектимера и Кармыша и не имеет отношения, например, к приезду в Башкирию представителей царя Ивана IV. Выделение же в источнике пластов, различающихся между собой по времени происхождения, имеет важнейшее значение для источниковедческого изучения документов.

К аналогичным выводам может привести сопоставление шежере минских башкир и их отдельного письма 70-х годов XVII в.

Нет сомнений в том, что назрел вопрос серьезного источниковедческого изучения башкирских шежере, грамот и актовых материалов, заслуживающих самого пристального внимания.

---

¹ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, ч. I; он же. Происхождение башкирского народа. М., 1974; он же. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

² Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949; он же. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.

³ Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи. - Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1898, вып.4, с. 45-65.

⁴ Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г.Кузеева. Уфа, 1960; Кузеев Р.Г. Шежере - письменные источники по средневековой истории башкир. - Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 141-147.

⁵ Башкирские шежере, с. 8-9; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству, с. II.

⁶ Башкирские шежере, с. 177.

⁷ Бий - представитель богатой верхушки башкирского общества, наделенный властью над определенным объединением полукочевых башкир в XVI-XVII вв. (племя, род, родовое подразделение, тьба, аймак), в данном случае над юрматынскими башкирами. Из содержания этого же шежере видно, что после раздела юрматынцев на четыре тьбы количество биев возросло еще на три: Азнай-бий, Илсектимер-бий и Кармыш-бий. У ногайцев такой общественной властью наделялись в основном только носители титула "мурза".

⁸ Башкирские шежере, с. 177; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству, с. 12.

⁹ Староста - носитель гражданской и военной власти в башкирской волости XVII в., введенной царской администрацией. Как правило, бий, возглавлявший род, тьбу или аймак, становился одновременно и старостой, если данная родо-социальная организация башкир числилась в воеводской конторе как волость.

¹⁰ В целях облегчения сравнения с фактами других документов, эта часть шежере юрматинских башкир производится в том виде, в каком она опубликована в переводе на русский язык (см. Башкирские шежере, с. 33-34).

¹¹ В данном случае смыслу текста более соответствовал бы перевод слова халайыклар словом "люди", а не "роды".

¹² Башкирские шежере, с. 33-34.

¹³ Имеется в виду 962 год хиджры. Соответствует 1554-1555 гг. христианского летосчисления (см. Башкирские шежере, с. 183).

¹⁴ Башкирские шежере, с. 34-35.

¹⁵ Грамоты - письменные документы феодального периода, в которых фиксировались имущественные и земельные права башкир, а также их обязанности. Они содержат богатый материал по истории социально-экономических отношений и политической истории башкирского народа.

¹⁶ Копия представляет текст, списанный с оригинала или со списка и целиком повторяющий его по тексту (см.: Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк. М.; Л., 1964, с. 12).

¹⁷ Дата уточнена по времени воеводства Льва Плещеева в Уфе. (см.: Новиков В.А. Очерк колонизации башкирского края. - Историческая библиотека, 1878, № 12, с. 13; Барсуков А. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, с. 263.

¹⁸ ПГАДА. Спорные дела, д. 2995, л. 8.

¹⁹ Там же, д. 2817, л. 42. В.И.Новиков опубликовал часть еще одной копии с этой грамоты, снятую в Оренбургской палате гражданского суда 21 июня 1823 г. и обнаруженную в архивных делах Уфим-

ского дворянского депутатского собрания. Ее текст совпадает с текстами других копий с грамоты (см.: Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 204).

20 ШГАДА. Спорные дела, д. 2817, л. 42; д. 2995, л. 8.

21 Там же, 2817, лл. 41-42; д. 2995, лл. 7-8.

22 Там же, д. 2995, л. 8.

НАКАЗ БАШКИР ИСЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ,
СОСТАВЛЕННЫЙ БАЗАРГУЛОМ ЮНАЕВЫМ, КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В деятельности Уложенной комиссии, организованной Екатериной II в 1767 г. и занимавшейся составлением свода законов взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 года, участвовало два представителя от башкир. Это Туктамыш Ишбулатов - от башкир Уфимской провинции и Базаргул Юнаев - от башкир Исетской провинции¹. Официально членов комиссии называли депутатами и каждому из них выдавались депутатские знаки.

В предлагаемой статье речь идет только о наказе Базаргула Юнаева - старшины Мякотинской волости Сибирской дороги (Исетская провинция).

В самом начале Крестьянской войны 1773-1775 гг. Б.Юнаев принимал активное участие в пресечении антипугачевской агитации со стороны царской администрации. Так, по его указанию был повешен перодчик Осип Мещеряковский, посланный из Челябинска с "увещательными письмами" к башкирам².

Из опубликованных источников известно, что Юнаев с отрядом в 500 человек вел активную борьбу с карателями в районе Кыштымских заводов³. За свою деятельность Юнаев получил от Е.И.Пугачева чин фельдмаршала⁴. Из донесения воеводы Исетской провинции И.Г.Лазарева генерал-аншефу П.И.Панину от 6 ноября 1774 г. известно, что когда восстание в основном уже было подавлено, а Е.И.Пугачев и его соратники пойманы, Юнаев вместе с Кюманом Кушаевым - походным старшиной Кара-Табынской волости и старшиной Балакатайской волости - Сары Абдуллиным еще продолжал оказывать сопротивление карателям⁵.

Последний документ о Б.Юнаеве датируется 2 октября 1775 г. Сохранилось письмо генерал-губернатора Рейнсдорпа обер-прокурору Сената. В нем говорится: "Исетская провинциальная контора доношением ко мне представляет о башкирском старшине и депутате Базаргуле Юнаеве, который во время бывшего в тамошних местах замательства находился в злодейской толпе и спрашивает, куда доставить

отобранный от него депутатский знак"⁶.

Таким образом, в лице Б.Юнаева мы видим последователя того пугачевца, защитника народа, не пришедшего с повинной к властям в отличие от многих старшин и оказавшего самое длительное сопротивление карателям.

Переходя к анализу наказа башкир Исетской провинции, отметим, что отдельные пункты наказов Т.Ишбулатова и Б.Юнаева совпадают по содержанию имеющихся пожеланий. Вероятно, составители наказов в определенной мере согласовали свои действия. Не случайно в наказе Юнаева говорится: "... чтобы представленные Уфимскими башкирцами нужды за единство с нашими почтены были и мы бы Исетской провинции башкирцы равномерным удовольствием и выгодами пользоваться могли".

Наказ башкир Исетской провинции в обобщенной форме был составлен Базаргулом Юнаевым на основе представленных прошений и пожеланий. Это видно из последующего выражения: "... по сим данным от оного народа... в разных терминах наказов, которые я, соображая о общественных усмотренных общих нуждах и недостатках при сем в ниже следующих пунктах представляю..." Поэтому наказ башкир Исетской провинции для удобства мы будем называть наказом Юнаева.

В наказе Юнаева содержатся сведения самого различного характера, касающиеся социально-классовой структуры башкирского общества, правового положения башкир в составе русского государства, экономического и морального состояния башкирского народа. Наказ представляет интерес в том отношении, что выступает как рефлексия общественного сознания народа на его нужды, на прошлое и настоящее, на взаимоотношения с царской администрацией и т.д. В этом аспекте наказ Юнаева служит важнейшим источником в деле изучения истории развития общественной мысли Башкирии XVIII в.

Из преамбулы наказа видно, что башкиры свой социально-экономический статус воспринимали, исходя из деления всех башкир на тархан и простых башкир. В начале наказа читаем: "В комиссию о сочинении проекта нового Уложения Оренбургской губернии Исетской провинции от тарханского и башкирского народа..." В то же время наказ содержит сведения о том, что социальная структура башкир включала также духовенство и старшин, среди которых отнюдь не все были тарханами. Например, в купчей крепости башкир Мякотинской волости от 5 ноября 1753 г. на продажу земля заводчику Н.Н.Демидову фигурируют имена свидетелей старшин: Исая Тактагулова и Таймаса.

Шаймова, где Таймас Шаймов назван "башкирский старшина и тархан"⁸.

Разумеется, наказ не может дать исчерпывающей характеристики всему социальному строю, однако он проливает свет на внутреннюю структуру классов и сословий. Судя по наказу Юнаева, в состав духовенства входили ахуны, муллы, музоверы и азанчеи, экономическое и правовое положение которых не было одинаковым.

Наказ Юнаева, концентрирующий в себе проблемы экономического, правового и этнического развития башкир, выделяется, как и наказ Т.Ишбулатова, своим историческим подходом к рассматриваемым вопросам. В поле зрения наказа находится вся ближайшая история Башкирии, имеющая отношение к проблемам 60-70 годов XVIII в. Тут и факт добровольного присоединения Башкирии к России, тут и участие башкир в походах русской армии (Азовский, Прусский и Рижский походы), тут и законы царского правительства, изданные в разное время и т.д. Историческая трактовка общественных явлений, как нам думается, понадобилась составителю наказа для показа значимости выдвигаемых требований.

В наказе Юнаева большое внимание уделено земельному вопросу, который сильно обострился в связи с изданием Указа от 11 февраля 1736 г. о землях бунтовщиков, согласно чему предписывалось отдавать земли бунтовавших башкир мещеракам, участвовавшим в подавлении этих выступлений⁹. Издавая этот закон, правительство, с одной стороны, хотело подорвать хозяйственную самостоятельность башкир, а с другой стороны, как правильно пишет А.Н.Усманов, царизм пытался разжечь межнациональную рознь в крае¹⁰.

Освещая земельную проблему, Юнаев напоминает Екатерине II о том, что башкиры добровольно присоединились к России при Иване Васильевиче, получили вотчинные права на свои земли, которые были закреплены соответствующими грамотами. В пункте 4 наказа Юнаева содержится просьба закрепить земли за башкирами законным путем: "... просим и ныне, чтобы е.и.в. благословением те состоящие за Башкирским народом издревле вотчинные земли со всеми угодьями к неоспоримому и беспрепятственному владению были подтверждены..."¹¹.

В условиях возрастания производства колониальной администрации, проявлявшегося в насильственных захватах земли у башкир для строительства заводов, историческое толкование законов имело важное значение. Ссылка на исторический факт здесь явилась как бы основанием для выдвижения требования о подтверждении прав на землю, что было

бы преградой против беззакония, а также в определенной мере реабилитировало бы башкирские восстания первой половины XVIII в., связанных так или иначе с земельным вопросом.

Хорошо понимая роль торговли в развитии экономики, Юнаев поднимает проблему беспощадной торговли. В наказе говорится: "... просим, чтобы с башкирского нашего народа по прежним узаконениям продажи и мены в жительствовах своих лошадей и другого от своих промыслов добытого товару пошлин не взимать, как то в Уфимском уезде и поднесь с башкирского народа оных конских пошлин не берется, а брать повелеть оные конские пошлины с тех хотя б и из нашего народа, кто будет продавать в городах на торжках и ярмонках как то и прежде чинилось"¹². Свобода торговли, как объективная потребность расширения внутреннего рынка, была прогрессивным требованием, имеющим отношение не только к Башкирии, но и к России в целом.

Защита прав простых тружеников нашла отражение и в пункте 5 наказа Юнаева, где указывается, что башкиры, находясь на службе (упоминаются Азовский и Рижский походы Русской армии), получали от правительства жалованье. После же постройки города Оренбурга башкир начали привлекать на службу для охраны пограничной линии, но без жалованья и в полной своем снаряжении (оружие, два коня, продукты). Вполне естественно, что все это очень дорого обходилось рядовому башкиру. Юнаев просит выплачивать хлебное и денежное жалованье.

В этом же пункте наказа отмечаются злоупотребления командиров, которые служащих башкир использовали для личных (партикулярных) услуг. "... безгласный башкирский народ, - пишет Юнаев, - употребляется немало к казенным услугам и надобностям не в подлежащие места, а принужден остается терпеть по своей беззащитности незаконно"¹³.

Следует иметь в виду, что объективно наказ Юнаева так же, как и наказ Ишбулатова, был направлен на защиту интересов богатой старшинской верхушки. Экономические интересы рядовых башкир лишь тогда брались здесь в расчет, когда они выступали как общие, имеющие отношение и к башкирским феодалам. Указанное проявляется четко в подходе к проблеме соли.

Известно, что 16 марта 1754 г. правительство издало указ о покупке соли населением Башкирии из казны вместо прежнего бесплат-

ного пользования из местных соляных рудников. Взамен правительство отменило ясак. Монополия на соль со стороны государства преследовала пополнение казны, так как соль стоила очень дорого. От покупки соли особенно страдало беднейшее население. Выражая интересы феодалов и старшинской верхушки, Б. Юнаев писал, что башкиры согласны покупать соль из казны и платить ясак, лишь бы были подтверждены вотчинные права башкир на землю. Хотя земля и была общинной, но от подтверждения земельных прав выигрывали крупные скотовладельцы, нуждающиеся в обширных пастбищах и сенокосах.

Интерес представляют те пункты наказа, которые характеризуют правосознание автора. Это проявляется в отношении составителя наказа к тем хозяйственно-экономическим связям, которые не получили правового оформления. Думается, что автор наказа имел некоторое представление не только о существующих нормах права, но и был знаком как с механизмом применения права, так и с правотворчеством. Юнаев обвиняет заводчиков в неисполнении договоров, составленных ими же самими с башкирами. "Заводчики, — пишет Юнаев, — ... оставая... по договорам межю включили совсем иные и з большею излишностью и так по незначию нашему лишаются наш бедный народ своих выгодностей и остается обиженным по обманству их заводчиков и прикащиков"¹⁴. Наказ требует, чтобы договоры исполнялись, незаконно захваченные земли возвращены, а за заводы и рудники "... повелеть им заводчикам платить нашему народу по силе указов Берг-регламента и привилегий указанную часть яко владетелям"¹⁵. В данном случае перед нами не что иное, как пожелание юридического закрепления собственности на землю.

Осведомленность Юнаева о действующем законодательстве была не случайной. Об этом говорят его рассуждения о векселях. Вексель — это ценная бумага, применяемая при купле-продаже и заменяющая деньги, составленная на определенный срок, до истечения которого должен быть произведен расчет наличными деньгами. Применение векселей в России началось в 1747 г., хотя Устав о них был издан в 1729 г.¹⁶ Применение векселей в расчетах указывает на развитость товарно-денежных отношений, а также свидетельствует о начавшемся присваивании юридических методов воздействия на экономику. Это были зачаточные формы первоначального накопления капитала в России в условиях XVIII в., чего не избежала и Башкирия.

Зная вексельную практику, Юнаев понимал и возможности различ-

ных махинаций с ними. Отсутствие централизованной экономики, разобщенность отдельных районов страны, отсутствие должного контроля на местах — все это, как следствие феодализма, порождало всевозможные злоупотребления на местах. Как описывает Юнаев, несведущие в законах башкиры "обязываются с купечеством векселями". При оплате долга вексель должен был возвращаться должнику или уничтожаться. Однако купцы векселей не возвращали и требовали выплат по ним по нескольку раз, отчего страдали прежде всего бедные башкиры. Поэтому Юнаев требовал, чтобы башкирам было запрещено пользоваться векселями. Разумеется, такой метод ограждения интересов башкир от злоупотреблений не был правильным. Вексельная практика ускоряла товарооборот, способствовала развитию экономических отношений, т.е. введение векселей было прогрессивным явлением. Территориальная и экономическая разобщенность страны не только мешала со всей полнотой использовать юридические рычаги в экономике, но затрудняла борьбу со злоупотреблениями с векселями. Просьба Юнаева запретить башкирам пользоваться векселями была лишь выражением морального протеста, направленного против обнищания простого человека.

Отдельные пункты наказа Юнаева говорят о попытках царизма экономически ослабить "неспокойный" край. Одним из таких факторов, наряду с ограничением торговли, запрещением иметь кузницы и т.д., был налог на мельницы. Видя в нем преграду для развития земледелия (хлебопашества), к которому "Башкирский наш народ... ныне... стал привыкать..."¹⁷; Юнаев считает необходимым снять налог на мельницы. "... чтобы ныне с мельниц колесчатых и мутовок (ручных мельниц. — В.Д.)..., ежели впредь будут нашим башкирским народом построены в оброк не класть и не взыскивать и в построении их не воспрещать..."¹⁸.

Читая 14-ый пункт наказа, легко убедиться в том, насколько был тягостным для народа существовавший порядок управления краем. Юнаев пишет, что, если человеку нужно было отлучиться в соседнее село, он должен был получить разрешение старшины; а если расстояние превышало сто верст, необходимо было получить паспорт.

В этом же пункте Юнаев настаивает, чтобы писарями при старшинах назначались башкиры, среди которых грамотных "... сыскатца может в команде у каждого старшины способных к той писарской должности свободно..."

Касаясь вопросов судопроизводства, Юнаев добивался известных свобод и снятия ограничений. Судя по пункту 6 наказа можно видеть, что старшинская верхушка стремилась сохранить некоторую автономию судопроизводства. С этой целью наказ вносит предложение, чтобы башкиры и другие иноверцы, как и прежде, судились по своим обычаям и чтобы суд производили старшины с помощью третейских судов, а по духовным делам "... старшинам единственно собою не выступать, а разбирать и судить оныя з духовными нашего закона людьми ахуном и муллами"¹⁹.

Демократическим по своей сути является пункт 9 наказа, где Юнаев выступает против насильственного крещения. Выражая идею свободы вероисповедания, наказ Юнаева требовал: "... ежели не пожелает, неволею не крестить"²⁰. Выдвинутая в наказы идея веротерпимости есть уже шаг к отрицанию религии, ибо любая религиозная идеология основана на непризнании других религиозных доктрин (одно из основных положений Корана, например, гласит: "Аллах един и нет бога, кроме аллаха"). В условиях феодализма, где религия является господствующей формой сознания, требование свободы совести не могло не быть прогрессивным. Заметим, кстати, что идея свободы совести была впервые провозглашена французской буржуазной революцией 1789-1794 гг.

Особенностью наказа Юнаева является и то, что он в некоторой мере касается и проблем этногенеза. В пункте II наказа отмечается, что определенная часть башкир официально именуется сартами и калмыками, хотя они на самом деле те же самые башкиры, придерживаются одинаковых с ними обычаев и того же вероисповедания. Автор, по существу, правильно объясняет происхождение этих групп башкир. Сарты, пишет Юнаев, "ушли" ... самопроизвольно от владений степных народов", а калмыки "также в древние времена получены были нашими башкирцами при войнах в малолетстве..."²¹. Ко времени составления наказа и сарты, и калмыки уже вполне интегрировались с башкирами, смешались с ними и представляли единый этнос. Вероятно, с целью ограждения интересов указанных этнографических групп башкир Юнаев просит, чтобы впредь их называли башкирами, "а звание сарт и калмык оставить"²².

Наказ Базаргула Юнаева представляет собой ценный источник по истории общественной мысли Башкирии II половины XVIII в., в котором получили отражение экономическая, политическая и духовная жизнь

Башкирии перед Крестьянской войной 1773-1775 гг. Этот документ позволяет современному читателю дать правильную оценку уровню материальной и духовной культуры башкир той эпохи.

1 О наказах башкирских депутатов см. следующие публикации: Ташкин С.Ф. Иородцы Поволжско-Приуральяского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Оренбург, 1921, вып. I; Валеев Д.Ж. Об общественной мысли Башкирии перед Крестьянской войной 1773-1775 гг. - Агизел, 1974, № I (на башк. яз.); Асфандияров А.З., Валеев Д.Ж. Пугачевский фельдмаршал - Агизел, 1981, № I (на башк. яз.).

2 Флоровский А.В. Состав законодательной комиссии 1767-1774 гг. Одесса, 1915, с. 581-582.

3 Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. М.:Наука, 1969, с. 190.

4 ЦГИА, ф. 20, д. 1240, л. 306 и об.; см. также: Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии: Сборник документов. Уфа, 1978, с. 389.

5 ЦГАДА, ф. 1274, д. 179, л. 36.

6 Там же, ф. 248, оп. 80,9, 6473/77, л. 800.

7 Там же, ф. 342, оп. 1,9,109, ч. XI, л. 263.

8 Челябинский гос. архив, ф. И-172, оп. 2, ед. хр. 29, л. 4.

9 Указ императрицы Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 года. - В кн.: Полное собрание законов Российской империи, т. IX (1733-1736). Спб., 1830, л. 6890, с. 742.

10 Усманов А.Н. Развитие земледолия в Башкирии в третьей четверти XVIII века. - В кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971, с. 22.

11 ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109, ч. XI, л. 263.

12 Там же, л. 266 об.

13 Там же, л. 265.

14 Там же, ф. 342, оп. 1, д. 109, ч. XI, л. 270.

15 Там же.

- 16 Полное собрание законов Российской империи. т. III, л. 9674.
- 17 ЦГАДА, ф. 342, оп. I. д. 109, г. XI. л. 265 об.
- 18 Там же.
- 19 Там же, л. 265 об.
- 20 Там же, л. 266 об.
- 21 Там же, л. 267.
- 22 Там же.

З.Я.Шарипова
Башкирское шежере из Рукописного
фонда ИИЯЛ БФАН СССР

Шежере рода Кайбыш

З-а 13

34 x 21, л.371 б

Шежере находится в конце рукописного фолианта "Джамиг ар-рамуз" Хорасани. Переписчик рукописи - Мухамедамин бину мулла Мухамедзагид аль-Бухари.

Дата переписки - 1177 год хиджри, по христианскому летоисчислению - 1764 год.

Судя по записям, рукопись переходила из поколения в поколение. В 1779 г. у Габделнасыра /возможно, тот Габделнасыр, который упомянут в шежере/ приобрел Саидбаттал бин Субханкул. Позднее получил в наследство Хайрулла сын Юсуфа. В 1890 г. владельцем стал Ибрагим бину мулла Хайрулла, о чем свидетельствуют записи на л.1а.

Сохранность рукописи хорошая, дефектов нет, кожаный переплет с тиснением. Бумага европейская, имеются не очень четкие водяные знаки. Чернила черные.

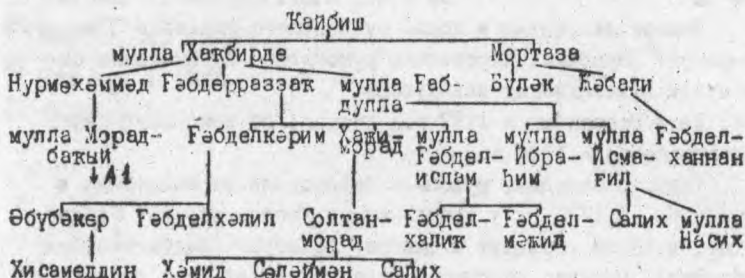
Лист, на котором составлено шежере, был оторван и подклеен попозже. Позднейшие добавления отсутствуют.

Рукопись выявлена и приобретена начальником 4-ой археографической экспедиции Института проф. Г.Б.Хусаиновым в г.Мелеузе Башкирской АССР.

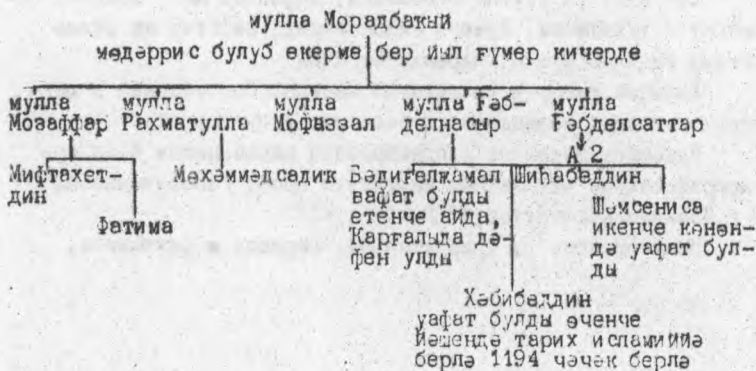
Ниже приводится транскрипция, перевод и факсимиле.

Транскрипция

Шиһабеддин бину мулла Ғабделнасир бину мулла Морадба-
кний бину Нурмехемид бину мулла Хакбирде бину Каибши бину
Үәи бину /Уразбакты бину Чура бину Нәрек/?/ бину Кү-
кәс/

↓ A 1

↓ A 2

Ғабделсаттар

Йете йыл мәдррис булды. Уақыт шәбабда, ияғни пекерме сикез/ иәшдә Ык тамағында Бикбау ауылында әсир әйләделәр кафирлар/ андин Каракул кәлгәсенә илтделәр. Андин Чәрмәсән /тамағында Мәскәу ауылында куффар әл-үәндә заманда шәһид/ булды. Өч йез.../?/ кафир әлүәштин. Бер тугма әнесе мулла Ғабделнасир/ баруб күб мәшәкәт күрүб затун /?/ турушда әмер шәрәғчә/ дөфен әйләде. Туртечер /?/ иылда атасы мулла Морадбакний уафат булды шәриф рамазанның 15 йәүмендә һәм аның төрбәтә мулла Ғабделсаттар кырына кырындур. Вә әллаһу әғләм

Перевод

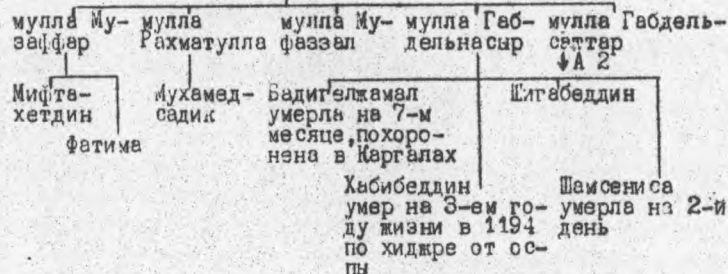
Шигабеддин бине мулла Габдельнасыр бине мулла Мурад-баки бине Нурухәммед бине мулла Хакбирды бине Каибыш бин Узи бин Уразбакты бине Чура бине Нарек /?/ бине Куяс.

↓ А 1

мулла Мурадбаки

мударисом прожил 21 год

↓ А 2

Габдельсәттар

Семь лет был мударисом. В молодости, то есть в 23 лет в устье Ик, в деревне Бикбау угнали в плен неверные, привели в крепость Каракуль. После этого в деревне Мескеу в устье Чермасан погиб во время смуты неверных, Триста... . Его родной брат Габдельнасыр поехал, испытал много хлопот, ... и похоронил по велению шариата. В ... году его отец Мурадбаки умер в 15-ый день месяца рамазана, и его прах покоится рядом с Габдельсәттаром. А там бог знает. Год 1173/1760.

ИНТЕРПУРА

45717824

ОРЕНБУРГСКАЯ ПЕРИОДИКА НАЧАЛА XX в.
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

История развития дореволюционной башкирской литературы, сложный процесс ее формирования на языке турки, затем на татарском литературном языке во многом связаны с Оренбургом, одним из административных, торгово-экономических и культурных центров Башкирии в прошлом.

Как известно, основание города Оренбурга на стыке Европы и Азии было осуществлено в целях дальнейшей колонизации царизмом национальных окраин. Однако с ростом торговых и экономических отношений город становился и центром духовных и культурных связей местного населения с народами Туркестана и зарубежного Востока. Через Оренбург в Башкирию проникали не только мануфактурные и ювелирные изделия восточных мастеров, но и рукописные и печатные книги различного содержания. Среди них наряду с книгами проповедников ислама были и высокохудожественные произведения талантливых поэтов, научные трактаты известных ученых классического Востока и Туркестана. Эти книги, доставленные в основном в единственных экземплярах, размножались местными переписчиками и распространялись по всей Башкирии. Например, старые рукописные книги из коллекции стерлибашевского муллы Абдурахмана Айдабулова, доставленные нами в научный архив БФАН СССР в 1972 г. и материалы археографических экспедиций Института истории, языка и литературы дают достаточное основание говорить о том, что большинство рукописных книг восточных авторов были распространены местными переписчиками. Эти искусные переписчики не всегда ограничивались лишь копированием рукописей, среди них были любители фольклора и талантливые поэты — зачинатели башкирской письменной литературы.

Заметное оживление в области народного просвещения и в культурной жизни Оренбуржья началось со второй четверти прошлого века. В 1824 г. в Оренбурге открылось военное училище, которое через двадцать лет было преобразовано в кадетский корпус. Во втором эскадроне кадетского корпуса, где обучались дети башкир, казахов, татар и других нерусских народов, преподавателями восточных язы-

ков были татары и башкиры Мартемьян Иванов, Салихджан Кукляшев и Мирсалих Бикчурин. Они работали над созданием учебных пособий для курсантов, занимались изучением края, сбором и публикацией произведений башкирского и татарского фольклора.

В научной библиотеке ВФАН СССР хранится рукописный сборник "Халык әкиятләре һәм повестлар" ("Народные сказки и повести"). Этот сборник объемом более четырехсот страниц состоит из народных пословиц, загадок, сказок, песен и дидактических притчей. В него включены также переводы с русского: повесть "Иван Костин" и басни Крылова. Значительную часть материалов составляют произведения башкирского фольклора. Ценность данной рукописи для истории башкирской филологии заключается еще в том, что в ней помещена сказка "Батыр батша" ("Смелый царь") на башкирском языке, которая затем публиковалась в учебнике М.Бикчурина "Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков, с наречиями бухарцев, башкирцев, киргизов и жителей Туркестана" (Казань, 1869).

Научно-педагогическая деятельность М.Иванова, С.Кукляшева, М.Бикчурина совпала с началом развития среди башкир и татар просветительного движения. Этим объясняется обращение просветителей к произведениям Крылова, дидактическим притчам Востока, особый интерес к народным пословицам, загадкам, нравоучительно-бытовым сказкам.

В 1852-1860 гг. в кадетском корпусе учился башкирский поэт-просветитель конца XIX в. Мухаметсалим Ишмухаметович Уметбаев (1841-1907), творческая деятельность которого началась под непосредственным влиянием Мартемьяна Иванова и Мир-Салиха Бикчурина. М.Уметбаев усердно изучал русский, арабский и персидский языки, сначала в переводах своих учителей, а затем и в оригинале читал произведения русских писателей, ознакомился с классической литературой Востока.

С развитием капитализма во второй половине XIX в. среди татар и башкир возникло буржуазно-реформистское движение - джадидизм. Как утверждают в своих последних работах башкирские и татарские исследователи¹, до начала XX в., т.е. до возникновения пролетарского и революционно-демократического движения, джадидизм сыграл определенную положительную роль. Джадиды, борясь против религиозного мракобесия и феодально-патриархальной отсталости, ратовали

за просвещение и культуру, стремились приблизить свои нации к уровню развитых буржуазных наций. В этих целях во многих городах и селах открывались новометодные медресе и мектебы. Так, в 1896 г. в Оренбурге было открыто медресе "Хусайния", одним из основных задач которого была подготовка кадров, способных работать на национальных промышленных и торговых предприятиях. Здесь шире, чем в старых медресе, преподавались общеобразовательные предметы: математика, русский язык, география, история и литература. Медресе "Хусайния", хотя не совсем отвечало требованиям времени, сыграло заметную роль и в духовной жизни башкир. Здесь в разное время учились и начали свой творческий путь известные башкирские писатели Афзал Тагиров, Ярлы Карим, Ахняф Тангатаров, Шагит Худайбердин, Гариф Гумер, Сагит Агиш, Загит Шарки и Габулла Амантай. До Октябрьской революции в других медресе Оренбурга учились также Хабибулла Ибрагимов, Булат Ишемгул, Тухфат Янаби. Творческий путь этих писателей начался в тесном контакте с татарскими писателями Сагитом Рамиевым, Мусой Джалилем, Мирхайдаром Файзи и др. Таким образом, в начале XX в. в Оренбурге создавалась и сплачивалась значительная татаро-башкирская литературная среда.

В дни первой русской революции наступил переломный этап национально-освободительного движения. "Среди угнетенных народов России, - писал В.И. Ленин, - вспыхнуло освободительное национальное движение. В России больше половины, почти три пятых (точно: 57%) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют. Например, мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали тогда - это была вообще эпоха колоссального роста различных организаций - мусульманский союз"².

В период первой революции башкиры выступили против национально-колониального гнета, требовали возврата им земель, незаконно захваченных царским правительством и помещиками³.

В этот период башкиры по ряду причин не смогли наладить периодическую печать на своем родном языке. Однако рост периодической печати на татарском языке, появление новых газет и журналов, расширение издательских возможностей - все это сыграло значительную роль в культурной жизни башкирского народа.

В период революции 1905-1907 гг. и в последующие годы в Оренбурге

бурге издавалось около десятка журналов и газет на татарском языке. В 1907 г. по инициативе уральских и уфимских социал-демократов в Оренбурге издавалась газета "Урал" — первая легальная большевистская газета на татарском языке. Несмотря на кратковременность существования, она провела большую работу по пропаганде революционных идей большевиков. На ее страницах довольно широко освещались революционные события всей России, в том числе и Башкирии. Это был первый орган, отражавший дружбу и солидарность татарских и башкирских трудящихся с трудящимися других народов России. В газете публиковались также художественные произведения революционного содержания, в том числе стихотворение башкирского поэта Сафуана Якшыгулова. "Наступление весны" (в № 39 за 1 апреля 1907 г.), где автор слицетворял революцию и светлое будущее с образом наступающей весны.

Второе стихотворение, напечатанное в "Урале", называется "Из тюрьмы" (12 января 1907 г.). Лирический герой стихотворения, хотя и заключен в тюрьму, не сломлен духом, он полон решимости продолжать борьбу за свободу. Автор стихотворения пока не установлен.

Во время археографической экспедиции в д. Курьятмасово Давлекановского района Башкирской АССР учитель-пенсионер Шакир Сафиуллин передал нам стихи своего отца Сафиуллы Рахматуллина, который за революционную пропаганду и участие в революционных событиях был осужден и заключен в уфимскую тюрьму. Два из трех сохранившихся в рукописном виде стихотворений были написаны С. Рахматулиным в тюрьме. Примечательно то, что дух и содержание этих произведений очень созвучны с мотивами стихотворения "Из тюрьмы", напечатанного в "Урале". Вполне возможно, что автором этого стихотворения был тот же С. Рахматуллин.

В дни первой русской революции в Оренбурге начали издаваться сатирические журналы на татарском языке "Карчыга" ("Ястреб") и "Чукеч" ("Молот"). На идейно-политическую направленность первого оказала влияние социал-демократическая печать. Эти журналы резко бичевали жесткость и религиозный фанатизм, защищали интересы трудового народа. На их страницах развивалась также революционно-демократическая поэзия, отражающая думы и чаяния трудящихся башкир и татар. В 1914-1917 гг. в Оренбурге выходил сатирический журнал "Кармак" ("Удочка"), который продолжал традиции своих предшественников, прекративших существование в годы реакции. В этом

журнале сотрудничал талантливый поэт, непревзойденный сатирик своего времени Шайхзада Бабиц, опубликовал свои первые стихотворения Сайфи Кудаш.

В 1906 г. стала выходить ежедневная газета "Вахит" ("Время"), а с 1908 г. начал издаваться журнал "Шура", который выходил два раза в месяц. Издателями этих либерально-буржуазных органов были золотопромышленники Шакир и Закир Рамиевы. Поэтому газета и журнал имели прочную материальную базу и регулярно выходили вплоть до Октябрьской революции. Придерживаясь буржуазно-демократических позиций в политике, они в отношении башкир, казахов и других тюркских народов проводили утонченную, завуалированную шовинистическую политику. С позиции пантюркизма они защищали классовые интересы татарской торгово-промышленной буржуазии, претендующей на гегемонию в национальном движении угнетенных тюркских народов, в особенности башкир. Прикрываясь маской "попечителя", как бы с состраданием относясь к бедственному положению башкирского народа, эти органы, как и многие другие буржуазные газеты и журналы, всячески старались внушить нелепую мысль о том, что якобы башкиры не в состоянии самостоятельно существовать и обречены на вымирание. Пропагандируя идеи пантюркизма, они, с одной стороны, тормозили свободное развитие каждой нации, с другой, специально выпячивая национальные вопросы, уводили внимание своих читателей от насущных жизненных проблем, выдвинутых классовыми противоречиями внутри нации.

Исходя из этих позиций, "Вахит" и "Шура" уделяли довольно большое место освещению вопросов экономики, народного просвещения, культуры и быта башкир, "Шура" на своих страницах регулярно помещал материалы по истории Башкирии. В 1909-1910 гг. в нескольких номерах была напечатана "История башкир" Мунира Хадиева. В дальнейшем в журнале по истории Башкирии были опубликованы: "История Пугачева" того же М.Хадиева (1911, № 20-24; 1912, № 1-5), этнографический очерк Н.Хакимова "Башкиры-кайтавы" (1914, № 9), историко-этнографическая статья З.Негметова "Башкиры" (1916, № 4-7) о хозяйстве и быте народа и др. На страницах журнала также довольно часто печатались публицистические статьи, посвященные различным проблемам жизни башкир. С развитием публицистической литературы, с возникновением дискуссий о судьбе башкирского народа на страницах периодической печати стали проявлять активность и сами башкиры.

Так, например, М.Бурангулов, Х.Габитов и М.Музаффаров в своих статьях, опубликованных в журнале "Шура", трудности в экономическом положении башкир объясняли обезземеливанием. Дальнейшие пути развития башкир они видели в просвещении и вовлечении народа в сферу промышленности и торговли. Эти же вопросы были подняты в книге башкирского ученого Габдрашита Гумери "Вымрут ли башкиры".

В 1915 г. с появлением статьи Х.Амирова "Башкирские женщины" в журнале возникла дискуссия. Башкиры А.Гайнуллин и Габдулла Ибрагимов обвиняли его в субъективизме и тенденциозности по отношению к башкирам, утверждали, что факты, приведенные им, не являются типичными, не соответствуют действительности. Дискуссия была завершена выступлением в журнале башкирской девушки Рабиги Имагуловой, которая, не скрывая отсталости башкир и указывая на существенные недостатки в деле народного образования, призывала свой народ к просвещению и культуре.

Таким образом, несмотря на то, что "Шура" придерживался позиций пантюркизма и материалы, освещающие башкирскую действительность, были весьма противоречивыми, сами факты появления многочисленных статей и очерков, а также вовлечение в журнал авторов из башкир сыграла определенную роль в развитии общественной мысли среди башкир, способствовала пробуждению национального самосознания народа.

Журнал "Шура" не был чисто литературным органом, он был в основном общественно-педагогическим и научным изданием. Однако журнал на своих страницах постоянно помещал художественные произведения местных авторов, публиковал произведения классиков восточной литературы Навои, Саади, Хайяма, знакомил своих читателей с русскими писателями, довольно широко освещал литературную жизнь тюркских народов.

В газета "Вақыт" и журнале "Шура" регулярно помещались краткие рецензии на новые книги татарских и башкирских писателей, печатались обзорные статьи о литературе, о периодической печати, печатались статьи и информации о новых спектаклях.

Кроме того, издательство "Вақыт" часто выпускало литературные приложения к газете "Вақыт" и журналу "Шура". В этих органах активно сотрудничали башкирские писатели М.Гафури, Ф.Туйкин, Г.Исанбердин, Ш.Бабич, Б.Мирзанов, А.Тангатаров, Ф.Валиев, Х.Габитов, М.Бурангулов и др.

В начале XX в. значительно расширилась издательская деятельность оренбургских типографий. В типографии издательства "Закият" и других выпускались книги рассказов и повестей башкирских писателей Р.Фахрутдинова, З.Хади, М.Гафури, А.Тагирова, драматические произведения Г.Гумерского, Бахтияра Бахтигарей угли, историко-публицистические очерки Габдрашита Гумери, сборники стихов Ш.Бэбича, Х.Габитова и др.

Все вышеуказанные факты литературной жизни свидетельствуют о том, что Оренбург являлся одним из центров сосредоточения культурных сил Башкирии; периодическая печать и издательства, а также литературная среда во многом способствовали формированию и развитию дореволюционной башкирской литературы.

---

¹ Юлдашбаев Б.Х. Формирование башкирской нации. Уфа, 1972; Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. Казань, 1964; Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа. Уфа, 1973, и др.

² Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. - Полн.собр.соч., т. 30, с. 323.

³ См. речь башкирского депутата во второй Государственной Думе К.Хасанова. - "Дума", 1907, 24 мая (на тат.яз.).

Г.Б.Хусаинов
Новонайденные рукописные хикметы
Мавля Кулуя

Археографической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (июнь 1974 г.) жительница д.Камеево Вакалинского района БАССР Галлямова Зухра Габделгайзовна /1903 г.р./ сдала рукописную книгу - сборник хикметов Мавля Кулуя, поэта ХУП в. Эта книга осталась от ее отца - Галлямова Габделгайза Габделгаллямовича, башкира по национальности /1889-1970 гг./. Родился он в этой же деревне /Камеево/ и учился в местном медресе. По словам дочери, данная рукописная книга, по всей вероятности, досталась ее отцу в наследство от деда.

Рукопись из-за выпадения обложки и, по всей вероятности, от многократного чтения, сильно потрепана. Вместе с обложкой выпали и потерялись многие листы начала и конца книги. По оставшимся в переплете кусочкам этих листов можно предположить, что их было примерно 8-10 страниц. Углы и ныне сохранившихся начальных и конечных страниц обломались от износа. В середине книги тоже есть несколько листов, углы, края которых обрезаны или отломлены. А внутренние страницы в основном хорошо сохранились, не испортились от сырости.

Хикметы написаны в две колонки темно-коричневыми чернилами. Сохранившаяся часть рукописи состоит из 30 листов, т.е. из 60 страниц. Формат бумаги 16x22 см. Текст в ней занимает примерно 12x16 см.

В книге всего 75 хикметов поэта. /Для удобства ее традиционно можно именовать "Камеевской рукописью"/. Для того, чтобы установить степень ценности и значение "Камеевской рукописи", необходимо вначале взглянуть на хикметы других сохранившихся рукописей Мавля Кулуя.

В настоящее время известны три рукописи хикметов Мавля Кулуя. Одна из них была найдена в 1925 г. в д.Эли-Каратаево Татарской АССР башкирским писателем Фазлом Тулкиным. Вторая в 1969 г. в Казани сдана в Институт языка, литературы и истории имени Г.Ибрагимова. Третья рукопись, состоящая только из двух хикметов, хранится в Институте востоковедения Ленинградского отделения АН СССР.

Из этих рукописей самой большой по объему, объединя-

щей около ста хикметов, была та, которая найдена в д.Зяй-Каратаево. Но владелец рукописи книгу не отдал, и Фазылу Туйкину пришлось только переписать ее. Чига потом потерялась. На основе этой копии в журнале "Вестник научного общества татароведения" /1927, 7/ была опубликована статья профессора Г.Сагди под заголовком "Новый материал по истории татарской литературы" и около 440 строк хикметов в виде приложения к ней.

В рукописи, сданной в 1969 г. в Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, имеется 13 хикметов¹. Если к этому прибавить еще 2 хикмета из Ленинграда, то получится, что по настоящее время в старых рукописях сохранились всего 15 хикметов Мавля Кулуя.

Поэтому рукопись с 75 хикметами, которая была приобретена экспедицией в д.Камаево — большая находка. Во-первых, она довольно полная и более ранняя рукопись хикметов Мавля Кулуя. Во-вторых, ее главная особенность — наличие в ней не известных до сих пор еще семи новых хикметов. В-третьих, она на основе сравнения с другими списками дает возможность уточнить некоторые важные сведения и даты, восстановить стертые или ошибочные места.

Татарский литературовед Камил Давлетшин, сравнивая известные три рукописи, на основании списков Фазыла Туйкина составил более полные тексты хикметов Мавля Кулуя и расположил их по порядку². "Камайская рукопись" выступает теперь в следующем виде.

Страницы со "Введением" и 1,2,3 хикметами порваны и потрепаны. Рукопись начинается строками из 4 хикмета "Остадим мағсейәтдән әман ирде".

Далее хикметы следуют в такой последовательности: 5, 6, 7, 8, 11, 13, 14, 16, 19, 24, 28 хикметы. С 28 по 63 хикметы полные. Затем идут 67, 68-77, 79-86 и 86 со словами "ул ягурдин табар арда төрлүк нигмәт" прерывается; 87-96 хикметы и остальные страницы с одной газелью порваны.

В итоге шестьдесят восемь произведений, от 4 по 86 хикметы, являются повторением хикметов известных рукописей. Среди них нет пятнадцати стихов: 9, 10, 12, 17, 18, 20, 21-23, 25-27, 64, 65, 73 хикметы.

Но в рукописи есть не известные до этого 7 хикметов. Если рассматривать их в порядке последовательности номера-

ции, то между 61 и 62 хикметами должны быть три новых. Мы их условно обозначаем "61 а", "61 б", "61 в". За 62 и 63 хикметами и после 81 – еще четыре хикмета. Их обозначаем номерами "62 а", "63 а", "81 а", "81 б".

Значит, шестьдесят восемь хикметов "Камайской рукописи" Мавля Кулуя повторяют хикметы известных его рукописей, а семь являются совершенно новыми, до сих пор не известными. Это – количественная сторона вопроса.

Более полное текстологическое и идейно-художественное исследование "Камайской рукописи" – дело будущего.

Историко-литературное значение новонайденной рукописной книги хикметов Мавля Кулуя значительно возрастает даже потому, что рукописи литературных памятников XIII в. тюркоязычной литературы региона Урало-Поволжья сохранились в очень малом количестве. Их считанное число. Это – "Жамиг эт-тауарих" Кадыра Гали, "Сэяэхатнаме" Муртазы Симати, "Сыңғыр-наме дефтере" ...

Пока никаких материалов о времени, месте рождения, жизни и личности Мавля Кулуя нет. Из его хикметов можно извлечь некоторые сведения биографического характера. В 4 хикмете есть такие строки:

Мәхип дуслар, хикмәтне әйтмеш кәндә
Сиксән сигез ирдә тарих ул кән мең дә,
Әителде шәһәре Болгар кәндләрендә
Ғаси жани Мәүлә Кюләй сүзли дуслар.

Татарские литературоведы, опираясь на эти строки, отмечают, что поэт жил в XIII в. вблизи древнего города Булгар. По словам самого автора, данный хикмет был сочинен в 1088 г. по летосчислению хиджры, т.е. в 1677 г. по григорианскому календарю /по милади/. Впрочем, в ленинградском варианте дата сочинения и имя автора даны по-другому:

Мәхип дуслар, бу хикмәтне әйтмеш кәндә
Сиксән йыл ирдә ул кән тарих мең дә,
Әителде шәһәре Болгар кәңнәтирендә³
Ғаси, жани Мелләғәл Кәл сүзли, дуслар.

По содержанию этих строк получается, что хикмет сложен по хиджри в 1080, по милади в 1670 г., а имя автора Меллагул.

Найденная нами "Камайская рукопись" помогает уточнить данные, установить истину. Эти строки в ней даются так:

Мәхип дуслар, хикмәтне әйтмеш кәндә
Сиксән сизгә ирдә тарих ул кән мең дә,
Әйтепдә шәһри Болгар кәндәрәңдә,
Ғаси жани бәндә Мәүли сүзли, дуслар.

Подобные строфы дают понять, что поэт под псевдонимом Мавля Кулуи /или Бәндә Мәүли/ жил и сочинил вышеприведенную нами хикмет в ХУП в. в Болгарии. Из этого же хикмета можно узнать, что его учителем был религиозный человек под именем Мелла Мамай. Кроме этого никаких фактических данных о жизни и творчестве Мавля Кулуя пока нет.

Как уже было сказано, значение "Камайской рукописи" состоит и в том, что она дает возможность пополнять, вставлять пропущенные или стертые строки, исправлять неправильно написанные или ошибочно читаемые слова в известных рукописях.

Например, после седьмого бейта-строфы 7-го хикмета в "Камайской рукописи" идет совсем новый, отсутствующий в других списках, бейт-строфа:

Уғыл-кызға ата-ана хәшми⁴,
Алғыш⁵ кылай доға кылып карғыш кылса,
Уғыл-кызға йәз кыrsa хакдин булса
Мондин одуғ хәтәр нә бар, белмәк кәрәк.

Эти очень важные с контрастным значением строки уточняют и продолжают идею предыдущего бейта-строфы:

Ата-ана сүзе қабул булмас тимәң,
Алғышы һәи карғышы төшмәс тимәң,
Монлар кылған доға синә булмас тимәң,
Бу хәбәрден хәсрәт йотоп тормак кәрәк.

Первые две строки последнего бейта 8-го хикмета заканчиваются совершенно новыми сочетаниями:

Мондин соң бер-берсен күрмәгәннәр,
Үз-үзенә ярдам мөддә булмағаннар,
Мәүлә Колой хикмәтне белгел үзед,
Дуслар ара джәр булсын джын сүзед.

Если в остальных рукописях дана только половина первого бейта 19-го хикмета, то в "Камайской рукописи" 19 хикмет полный:

Ошбу жиһан бостанларын сарай кылып,
Хызыр Ильяс тәптәз гизән ләрүр булғай,
Менгү суын эчеп анлар хаятликда
Йәдин⁶ гилмен тавым белеп торур булғай.

Наличие последних двух строк придает бейт-строфе целостность, пополняет его смысл.

В ранних известных рукописях первые три бейта 28-го хикмета написаны в следующем виде:

Яратканның рәхмәти чук⁷, булур булсаң,
Бер алты айны яз итәдер кодрәт берлә.
Тәңрилеген белсүн тив гәләм эчрә,
Бер алты айны киш итәдер кәдрәт берлә.
Бу гәләмне егет кебек тезәндүрүп,
Тәрлүк сәчкә берлә ери бизәндереп
Тәрлүк нәбат⁸ үсдерүп, узәндереп,
Оймак кебек ниғмәт бирүр кодрәт берлә.
Бу киш кәнни карилыкка⁹ охшатадыр,
Бу гәләмдин ниғмәтләрен бушатадыр,
Мәхлукатны ризык бирүп қышлатадыр
Тәмуғ кебек суык қылыр кодрәте бар.

В "Камайской рукописи" эти же бейты целыны в отношении ритмики, имеют наинного более ясныи смысл и по-новому звучат их рифмы:

Яратканның рәхмәте чук, булур булсаң,
Бер алты айны яз итәр кәдрәте бар.
Тәңрилеген белсүн гәләм эчрә гиан,
Бер алты айны киш итәр кодрәте бар.
Бу гәләмне егет кебек тезәндереп,
Тәрлүк сәчкә берлә ерне бизәндереп,
Тәрлүк нәбат ундереп, узәндереп,
Оймак кебек ниғмәт бирер кәдрәте бар.
Бу киш кәнне карилыкка охшатадыр,
Бу гәләмдин ниғмәтләрен бушатадыр,
Мәглүкатны ризык бирүк қышлатадыр
Тәмуғ кебек суык қылыр кодрәте бар.

В ранних рукописях чувствуется наличие бейтов с неправильным смыслом, запутанными словами и пропущенными строками. Например, 29 хикмет выглядит в таком виде:

Бу адәмдән қалмадылар: Адәм, Хауа,
Нағ гәмбар һәм әүлияға бирде хода:
Дару-тирһят¹⁰ йукдур аңа, булмаз дәуа,
Уғыл-кәән йәтим қылған ошбу үлеи...
Кол, хужа, бей, падишаһ - бердүр аңа
Ачык торур күшек¹¹, сарай, бәккәханә¹²,

Барчасына мат - мөмат¹³ мәйен сүнә
Мәлихләрне¹⁴ тәхәтдин йыткан ошбу үлем.

"Камаская рукопись" вносит ясность в эти важные бей-

ты:

Бу үлемдин калмадылар: Адәм, һәуа,
Пәйғәмбәр һәм әүлияға бирде хода;
Аңа һәр гиз¹⁵ дару, дәрман булмаз дәуа,
Уғыл-кызы йәтим кылған ошбу үлем...
Кол, хужа, падишаһ - бердүр аңа
Ачык торур кешүк сынлы сарай суа,
Һут¹⁶, сунгит¹⁷, ир - хатын бердүр аңа
Һич кемсәдән үтәнмәс ошбу үлем.

Сейчас конкретизируются и первые два бейта о любви
из 44 хикмета:

Сәйгән ярның мөхәббәти күңел тулды,
Күригә барыр булсам, бакмас мәнә,
Эчем-тышмы кайнап янған хәсрәт уты,
Сүндеригә су теләсәм, бирмәс мәнә,
Йәрәк бәгрәм кайнап пешде, белмәз аны,
Нәчә мең-мең яры бардин бакмаз мәнә,
Ғишк белә телә иде ошбу жанны,
Нәчә ғашик ирсәм, мөгшүк ирмәз мәнә.

В этих строках вместо слов из ранних рукописей "кабы-
ну" и "телбә әйләди" поставлены слова "кайнап" и "телә иде".
Такое изменение приводит к смысловой полноте и ясности
текста.

При помощи "Камаской рукописи" можно вставлять или
исправлять пропущенные и искаженные по смыслу слова ранних
рукописей. Например, в 58 хикмете:

Мософны ағалары койоға атди,
Коиу эчрә хәк рәхиәтен чирғ итде,
Рәхиәтиндин ничә тәршүк йырак итде
Бу үлем тирьяк дару тапмадылар
Караңгылук эчрә йәрде, тукыз кән кәчде,
Мәңгү суын күрде Хызыр Иляс эчде,
Бу үлемгә тирьяк әстән тағидылар.

Подчеркнутые строки и слова новые.

Наличие в 85 хикмете пропущенных в известных рукопи-
сах строк имеет тоже немаловажное значение.

Дәүлә Койой буларны хәк байык белгел,
Бу эшләр үл кән куркусиндәя утыр йоткон.

Таким образом, значение "Камвайской рукописи" огромно для дополнения, объяснения и конкретизации неимевшихся или пропущенных, стертых или искаженных и неправильно читаемых слов в ранне известных рукописях. А также дефекты встречаются почти в каждом хикмете. Выше мы привели только несколько образцов из них.

Самое большое значение "Камвайской рукописи", конечно, заключено в ее новых хикметах. Хотя эти 7 хикметов не открывают какие-то совсем новые линии, неизвестные стороны творчества Мавля Кулуя, тем не менее они служат для дополнения и углубления его поэтических мотивов, особенно их реалистических черт. Они существенно дополняют литературное наследие поэта.

Мавля-Кулуу — поэт-суфист. На примере его многих религиозно-мистических хикметов ясно видно, насколько сильно было влияние идей суфизма в ХУПв. на тюркоязычную литературу региона Урало-Поволжья. В то время эти хикметы, с некоторыми реалистическими элементами, светскими мотивами, сравнительно простым, понятным языком, своеобразным стилем и художественной совершенностью, имеют определенные прогрессивные моменты и литературно-историческое значение. В них даже можно найти характерные для башкирской народной эпической поэзии черты, приемы и стиль кубaira.

Тунланмаға тун бирдең,
Кыуанчаға мал бирдең,
Йейеп каниаға нан бирдең,
Ризык биргән вилла сан.

Такой стиль и приемы выражения присущи, например, кубайрам.

В помеченном нами первом новом хикмете "61 а" наряду с идеями суфизма сильны и светские мотивы:

Ғафил торур адәми үз тикметен белмәсә,
Кәдчәләккә тиксә адәми кайра¹⁸ жәуән¹⁹ булмаса,
Ғомар үтәр өл кеби, ғәнжәләғи гәл кеби,
Сәби жәуән кимметен күчә²⁰ булмай булмаса...²²
Хикдин нәфсә ғинаят²¹, кимметен бал сәғәдәт²²,
Бәр дәи²³ оруп нәфсәне мәң алтын бер килмәсә,
Бу тереклек халилек²⁴, тереклекдә вәлилек²⁵,
Тереклекнең кимметен ғәрбәт чикмәи белмәсә.
Мәскән адәмнең ғафил, тәғәт килмәс кәи ғәкыл,

Бу гәнимәт гөмере шундаг үтәр белмәсә.

Мәүлә Колой барчага киләседер белмәсә.

То же самое в хикмете "61 б":

Ни торур сән һәм ғаси²⁶, каң-йәш илә йыглама!

Үлем килер башыңа пырағыңны²⁷ әйләмәй.

Үлем хәбәрән бирде, сәч-сакалга ах керде.

Таки нитмәк гөрүрсын тәғәт-намаз әйләмәй.

Китде егет кеүәте, тикде үлем зәхиәте,

Гонаһ тәүбә әйтүбән ник торурсән йыгламай.

Бу донъядин күңел уз, әсир²⁸ тилимә уғыл-кыз,

Гөмерең зәяг - үткәрдең хәйер ихсан²⁹ әйләмәй.

Соаль бардур сорасы, хисап бардыр бирәсе,

Сират бардур кичәсе, нә торурсән аңламай.

Һәр гәмәлең бар торур, мизандә³⁰ ул тартыпур.

Ни тәк торурсән ғаси, изге гәмәл әйләмәй...

Ғалииләрнең сүзени ник торурсән аңламай

Мәүлә Колой бу буласы, бу әш сиңә киләсе,

Тәүбә килеп йығларсың һәр бер тәнне йокламай.

В этом хикмете чувствуются безграничные переживания простого смертного за свои предстоящие ответы-отчеты на "том свете". Хикмет имеет весьма совершенное поэтическое оформление.

Хикмет "61 в" тоже полон мучительных и противоречивых мыслей, смятенных чувств поэта:

Һәр тәнне ғәфләт басып, йоко берлә әүәрәлсән,

Донъядан һәмәрәһ³¹ булып, хәткы белмез диуанамын,

Хәлык-ара тәүбә иткән булып, тәкәбберлек күкрәгем тулып,

Ихлассыз буш үткәрәмен тәғәт намазиндән китеп...

Вот еще один интересный, остроумный пример из хикмета "69 а":

...Кыл бәллү³² донъяны ғәкыл бирде белмәгә,

Хыял кылдым кара гүрне күңлем берлән безмәгә,

Тәғлары алтун булып, ташлары гәүһәр булып,

Зәһәр чук аңа ғәшик булғанларның күзе өк.

Донъя бәхре³³ су булу бән ириаклыгы бар булса,

Аны эчмәгә сәйтән кәше хакка барыр улы өк.

Ейһән ядрек кәлкә³⁴ булып, тикәнләре³⁵ гәл улса,

Анар тарап гөмер кичәсе, аның безгә суды³⁶ өк.

Гәлләр ачылып былбыл сайрап, хәллә кейеп, хур чыкса,

Иең жан ғәшик аңа, дидар³⁷ күрмәй яры өк...

Мавля Кулуй выступает как поэт-суфист, готовящий себя к "загробному миру", кающийся за свои земные грехи. Однако его реалистические, земные чувства, вступая в резкий психологический конфликт с такими религиозно-мистическими взглядами поэта, еще более усиливают драматизм и психологизм сюжета. В некоторых хикметах последние иногда преобладают.

Большинство хикметов Мавля Кулуя, в том числе и вновь найденные нами 7 хикметов, поэтически оформлены великолепно: много в них традиционных образов, они отличаются четким, ровным стилем и более простым языком.

Религиозно-мистический дух поэзии и характер поэтики /строфы, система рифм, некоторые стилистические приемы и т.д./ Мавля Кулуя говорят о близости его творчества поэтической школе Ахмета Ясави и Сулеймана Бақыргани, которые жили и творили в XII-XIII вв. В его хикметах часто встречаются имена таких поэтов тассауфского толка, как Кол Сулейман /Сулейман Бақыргани/, Кол Габиди, Мелла Шамси. Что характерно, Мавля Кулуй, как и они, свои произведения называет "хикмет" ами. Почти его каждое стихотворение начинается словами "Хикмете Хаким Рахметуллаһи галәйһи". Впрочем, это присуще и для остальных его рукописей.

В отличие от Эли-Каратайской и Кизлявской рукописей, в Камайской большинство произведений названы "хикмет"ами. Остальные же именованы им "Хикмет Хаким" /24, 29, 30, 32, 35, 37, 38, 42, 43 хикметы/, или "Хикмет Хаким Рахметуллаһи галәйһи" /28, 33, 34, 36, 45-51, 56 и др./, или "Хикмет Хаким кәдсисәһ" /41, 52, 55, 61/ и "Хикмет Хаким Рахметуллаһи кәдсисәһ" /44, 52, 63 и др./.

Никаких данных о переписчике и дате переписки нет. Возможно, они были в последнем, уже потерянном листе рукописи. Как бы ни было, есть возможность предположить, что Камайская рукопись переписана 100-150 лет тому назад. Она написана очень ровным и красивым почерком насталик /на ее старинность наводит и наличие в ней встречающейся только в самых древних рукописях буквы " " /.

Камайская рукопись очень сходна и близка Эли-Каратайской. Но она является не копией или вариантом переписанной в 1855 г. Эли-Каратайской рукописи, а самостоятельным списком более раннего варианта. Это доказывается, с

одной стороны, тем, что отсутствуют некоторые хикметы в Зяй-Каратайской рукописи, а в ней есть совершенно новые хикметы. С другой — тем, что переписчик ошибочные, неправильно написанные и с пропущенными словами места проверял и исправлял, сопоставлял их с более древней рукописью. Исправления сделаны бледно-коричневыми чернилами.

Следовательно, можно сказать, что Камайская рукопись пока является самым надежным и самым ранним списком хикметов Мавля Кулуя. Тот факт, что рукопись найдена в Башкирии, в башкирской деревне, является важным доказательством того, что хикметы Мавля Кулуя были популярными и имели распространение среди башкир. Интересно и то, что в поэзии Мавля Кулуя наряду с II, I2-слоговыми размерами турецкого стиха встречаются и 7-словные. На основании его некоторых стихогворений, сложенных исключительно на традициях и стилистических приемах кубаира, можно сказать, что поэт — или выходец из среды башкир, или твердо следовавший в своем творчестве традициям башкирской народной поэзии.

---

¹ Об этой рукописи в статье "Новая рукопись хикметов Мавля Кулуй" писал Ш.Абилов: "Казан утлары" / "Огни Казани" /, 1971, 6.

² Эти тексты К.Давлетшин дал в виде приложения к своей диссертации "Творчество татарского поэта XIII в. Мавля Кулуя" /Казань, 1971/. Приношу благодарность автору за представленную возможность ознакомиться с этими текстами.

³ Кәннәт — ворота.

⁴ Хәши — грубый.

⁵ Алғыш — благородное желание.

⁶ Ләдин — вежливый, благородный.

⁷ Чув — много, очень много.

⁸ Нәбат — растение, трава.

⁹ Карилык — старость.

¹⁰ Тирьяк — лекарство против яда.

¹¹ Күшек — угол, место.

¹² Бәгкәханә — место жительства.

¹³ Мәт — мамат — смерть.

¹⁴ Мәлик — царь.

¹⁵ һәр гиз — каждый раз, всегда.

- 16 Кут - еда, пища.
- 17 Сунгит - искусственность, неестественность.
- 18 Каира - обратно, напротив.
- 19 Жауан - молодой человек.
- 20 Куче - старец.
- 21 Финаят - богатство.
- 22 Сагадэт - счастье.
- 23 Дэм - сеть.
- 24 Халилек - пустота.
- 25 Валилек - быть хозяином.
- 26 Фаси - непокоримый.
- 27 Пыраг - конь, мифический.
- 28 Эсир - польза.
- 29 Ихсан - помощь.
- 30 Мизан - весы.
- 31 Намараһ - спутник, попутчик.
- 32 Баллу - известный.
- 33 Бахер - море.
- 34 Хелла - одежда.
- 35 Тикан - кустарник.
- 36 Суды - польза.
- 37 Дидар - 1. встреча, свидание; 2. лицо.

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ПОЭМА МАХМУДА МУХАММЕДЬЯРА
 "НУР-И САДУР" ИЗ РУКОПИСНОЙ КОЛЛЕКЦИИ БАШКИРИИ

В рукописном фонде Республиканской библиотеки Башкирской АССР хранится множество фрагментов произведений, относящихся к различным периодам истории тюркских языков. Настоящая статья посвящена одному из таких отрывков. Его объем — 8 страниц, формат — 20x16 см. На каждой странице записано по 13-14 двустиший. Запись сделана черными чернилами почерком насталик. Лист 05-06 поврежден и восемь строк текста на этих страницах восстановить не удалось.

Содержание отрывка показывает, что он является частью большой поэмы "Нур-и Сагур" известного в Поволжье и Приуралье поэта Махмуда Мухаммедьяра. Поэма написана разновидностью аруза — рамал-и му-саддас-и махсур (- v - - / - v - - , - v -), широко употребляемый в восточной литературе. Примечательно, что в отдельных местах текст почти полностью совпадает со стихами поэмы Лютфи "Тул-у Навруз" (XV в.).

Лингвистические данные свидетельствуют о том, что поэма "Нур-и Сагур" была написана в XVI в. в русле традиций чагатайской поэзии.

Отрывок, который мы представляем, по всей вероятности, не является оригиналом — в тексте отмечается замена буквы айн на гайн в слове [aʃv 'извинение, прощение', не точна орфография некоторых слов (düşman 'враг', gül 'цветок', dil 'сердце, душа', batbaht 'несчастье; нищета'), встречаются отклонения в системе аруза (с. 01:10, II, 13; 02:4; 05:II и др.). Эти погрешности можно объяснить вольностями не всегда квалифицированных переписчиков оригинала. Текст не огласован.

Язык памятника характеризуется некоторыми особенностями. В фонетике: 1) фонема ä в первом слоге слов bär- 'давать', äw 'дом', jär 'земля', jätī 'семь', kās 'проходить', kāsä 'ночь', kāsür- 'извинение', käl- 'приходить', kältür- 'приносить', kältürt- 'заставить принести', män 'я', näsä 'почему', säkiz 'восемь', sän 'ты', säwünçī 'подарок за добрую весть', tängri 'господь';

2) иногда e, i вместо ä: er 'человек, муж, воин', er- 'быть', eřit- 'слышать, слушать', et 'мясо', et- 'делать, выполнять';

- 3) чередование $z \sim \delta$ в персидских словах $\text{fāh}zāda \sim \text{vāh}bada$ 'принц, царевич', $\text{ā}rād \sim \text{ā}bād$ 'свобода';
- 4) фонема δ в турецких словах: $i\delta$ 'отправлять' и др.;
- 5) буква w (ğ) вместо v (ğ) в словах āw 'дом', aw 'охота', $\text{āwā}z \text{ qyl-}$ кричать, звать, awla 'охотиться', dawlat 'счастье', jwun- 'умываться', $\text{vāw}i\text{nci}$ 'подарок за хорошую весть'.

В морфологии: 1) аффиксы детально-исходного падежа $-gā(\text{viz}gā)$, $-ga$ ($\text{aw}ga, \text{ot}u\text{ga}$), $-kā$ (Jigitkā), $-qa$ ($\text{na}j\text{atka}, \text{vaq}tqa$), $-ā$ ($\text{kō}zūmā, \text{kō}ğligā, \text{ō}lmāgā$), $-a$ ($\text{o}ğluna, \text{qatuna}$);

2) аффиксы исходного падежа $-din$ ($\text{sō}zdin$), $-dun$ ($\text{ba}r\text{qalar-dun}$);

3) показатели желательного наклонения $-(a)jum \sim -(ā)jim$ ($\text{tuna}jum, \text{vuna}jum, \text{ajta}jum, \text{etā}jim$), $-ajun$ (sunajun), $-alun$ ($\text{su-qalun}, \text{baqalun}$);

4) отрицательная форма настоящего-будущего времени $-maz/$
 $-māz$ ($\text{ajmaz}, \text{kō}ğlmāz$);

5) аналитическая форма давнпрошедшего времени $-di \text{ erdi}$ ($\text{ō}ğrāndim \text{ erdi}$);

6) показатели деепричастий $-ju/-jū$ ($\text{aw}laju, \text{te}jū$), $-uban$ (tutuban) и др.

В лексике: всего использовано около 350 слов, из которых основное место занимает исконно турецкие. Примеры: aj- 'говорить', altun 'золото', $\text{a}ğla$ 'понимать, осознавать', artuq 'лишний', $\text{az}u$ 'много', $\text{ā}eirgā$ 'жалеть, сострадать', endūr- 'падать, наклоняться', er- 'быть', qat- 'хмуриться', qarik 'войско', $\text{ikā}ğū$ 'вдвоем', $i\delta$ 'послать', $\text{jana}ğ-$ 'приближаться', jayul- 'ошибаться', $\text{jo}qla-$ 'спрашивать', $\text{jū}rū-$ 'ходить', $\text{qamū}ç$ 'все', $\text{qar}su\text{ğa}$ 'ястреб-тетеревятник', qaz 'гусь', $\text{qo}ñ\text{quluq}$ 'соседство', $\text{o}ğ\text{an-}$ 'просыпаться', $\text{bol-} \sim \text{ol-}$ 'быть; стать', $\text{o}ğ$ 'вог', $\text{ō}ğrān-$ 'учиться', $\text{o}ğ\text{ur}ga-$ 'жаловать, пожаловать, радовать', $\text{so}ğ-$ 'спрашивать', $\text{tamū}ç$ 'ад', $\text{tā}ñrī$ 'господь', $\text{tā}ñ-$ 'говорить', $\text{tu}ğ-$ 'встречаться' и др.

Язык анализируемой рукописи по фонетическим, морфологическим и лексическим признакам отражает наиболее характерные черты таких произведений XIV - XVI вв., как "Нахди-ул-Фарад"с, "Хосров и Ширин" Кутба, "Тефсир" и др.

Заключительное двуступное текста почти полностью совпадает со строками "Мухаббат-наме" Хорезми и "Хосров и Ширин" Кутба:

Aj Jahān sultānlarınyu sultāny,
Jāti iqlīmā qamıy hānlaryu hāny.

О султан султанов мира,
Хан всех ханов семи миров .

Это показывает, что Махмуд Мухаммедъяр хорошо знал поэзию тюркоязычных народов XI-XV вв. Поэма "Нур-и Садур" оригинальна по содержанию - ни в персидской, ни в арабской литературе нет ничего подобного^I, - но в стиле повествования чувствуется влияние "Мухаббат-наме", "Шах-наме", "Тул-у Навруз", "Вис и Рамин". Автор "Нур-и Садур" знал восточные языки и литературу, о чем свидетельствует искусное использование в тексте арабской пословицы (с. 03:7). Сама поэма написана на языке турки, как указывается автором:

Köni erdi bu hadīs synadım oğ
Turki tilinga egür ma'nisi hoş

'Это изречение было на самом деле, я его исправил.

Оно из языка турки и то, что оно означает, - прекрасно.
(03:3)

Язык турки был распространен в XI-XVI вв. среди тюркоязычных народов Средней Азии, Поволжья и Приуралья, существенно повлиял на формирование и дальнейшее развитие литературных языков этих регионов.

Ниже приводятся транскрипция и факсимиле памятника.

- (1) Ajdylar kim taňda awra çyqalym
Şähli awda sözlügüj ul baqalym
- (2) Taň birlä atlandy awra häş-u 'äm
Jürür erdi awlaju barça tamän
- (3) Şähäda läläsy birlä magar
Jürür erdi hilvat eşit bu habar
- (4) Uçar erdi nägahän bir nähä qaz
Hoş havä jüzindä qyldylar äwäz
- (5) Lälä saldý qarçyğasyn ul zamän
Qazny tutty qarçyğasy äj Javän
- (6) Şähäda ajdy ul sä'at eşit
Bu hadis ma'nisin aqla jigit
- (7) Har ki tutty tilinä qutuldu ul
Tilini tutmağan ul tutuldy ul
- (8) Çün eşitti ersä läläsy ravän
Şähä säwünçi tejü bardy ravän
- (9) Şäh säwnur edi bürdi hil'atlar aña
Ajdy kim şähzädany keltür maga
- (10) Keldi ersä şähzäda özingä
Muntazir edi şäh anyñ sözingä
- (II) Nähä kim säh luřy etib sordy özin
Şähzäda sözlämädi hiç özin
- (12) Şäh qyldy lalany ul dam talab
Haem birlä qyldy aña ul řazab
- (13) Kim maña jalğan habar keltürdüñ öñ
Balduñ emdi mustahaq ölmälikä hoş

- (1) Öltürdüñ teb bujurdy şäh any
Şähzäda qajra ajdy sözüni
- (2) Har kim tutty tilini qutuldy ul
Tilini tutmağan öñ tutuldy ul
- (3) Eşitti ořly özin şäh boldy şäd
Ul miskin läläny qyldy äzäd

- (4) Şān əjdə lütf birlə oğlyna
Kim bu kün sirigni əjfył sən mağa
- (5) Ne sababdyn sözləmədiğ oğul
Məni qyldyğ oğbularny zār malül
- (6) Təğri haqy uğun əjfył sən mağa
Ajmaz ersəğ hətirim qalur sağa
- (7) Şānzədə əjdə səhyə: Əj sən-i Yāhān
Bir hədis ögrəndim erdi ul zamān
- (8) Mağa ustədy m bitin bürdi any
Oğbu ermış ma'nisi ajtajym any
- (9) Har ki tutty tilini qutuldy ul
Tilini tutmağan oğ tutuldy ul
- (10) Köplüm iqrə iğdim Əj sən-i Yāhān
Bu hədisni synajym mən bir 'əjan
- (11) Rəst bolss ma'nisin synajym
Mən haqiqət bilə any tynajym
- (12) Ul sababdyn sözləmədin bir zamān
Yafv qylyyl məndin Əj sən-i Yāhān
- (13) Şərh etajim sizgə 'ālam sultāny(ny)
Rəst erür synadym ersə mən any

03

- (1) Tutss erdi tilini sahrədə qaz
Tutmaz erdi ul dam iqrə any bəz
- (2) Tutss erdi lələ ul dam tilini
Olməğü bujurur erdigizmə any
- (3) Kün i erdi bu hədis synadym oğ
Türki tilinğü erür ma'nisi poğ
- (4) Har ki tutty tilini qutuldy ul
Tilini tutmağan oğ tutuldy ul
- (5) Səl qulaq şəmitlyq iqrə-jjavān
Har ki səmitsür erür ul pahlavān

- (6) KÖb erür şämitleyq fâ'idasy
Tynla köbdür bu işnin fâ'idasy
- (7) Ajdy şämitle boluñ teb ul Muştafa
Man sakana salima va man şamata najâ
- (8) Har ki sâkindur salâmat bolğaj ul
Şämitle olğan ham najâtaq tabğaj joi
- (9) Har ki sâkindur jâr jüzindâ dâ'im özi
Muhkam-u mustahkam bolur anyq sözi
- (10) Kim bu şämitle juzidin şâh-i Jahân
Qylajym emdi sözgâ qyl darmân
- ¶II) Bar erdi qavmda bir nik hâvân
Kelürdin vâqif-u kâçmişdin âgân
- (12) Ozi nâzûk edi va köçli karîm
El içrâ erdi 'âlim-u ham hakîm
- (13) Olturub mizânda dâ'im özi
Tâhri amri edi sözlâğün sözi

04

- (1) Bir kün özi va 'ğ içindâ nâgahân
Kim tilindâ jürüdi bu söz ravân
- (2) Har şämitle bolsa har isdâ özi
Kirğâj ul Dâr-us-salâm içrâ özi
- (3) Tynla emdi bu hadîşni batamân
Añla emdi bu sözümnî nik-u nâm
- (4) Bar edi bir majlis içrâ bir javân
Oşbu va 'any tutty köçlindâ nâgahân
- (5) Kim ul el içrâ boldy bolur erdi özi
Maşhûr erdi şämitleyq içrâ sözi
- (6) Bir jahüdî qonşuluq u jâr edi
Özi batbaht-u jaman afkâr edi
- (7) Olturur erkân bir kün şämitle jigit
Keldi âzâr etdi ul badbaht eşit

- (8) Ul şämit pahlavān nāğir edi
Ul jahūdī qatyna bas qādir edi
- (9) Şämit, eşit, undämädi hiç söz
Köpliniñ apyr alyb çatmady jüz
- (10) Joqlajurda ul keçä şämit Javān
Kirdi tüşinā anyñ ul şāh-1 Jahān
- (11) Ajdy aña eşit Ğj sūn navJavān
Kim erdiñ şämit icrā pahlavān
- (12) Kim ğabar qyldy maña ul Jabrā'11
Jarlyqadyñ jätü säni ul Jalīl
- (13) Jana ajdy eşitiñ ul fahr-1 Jahān
Säkis uçmaq kim saña boldy makān
- (14) Kim bu sözdin şād boldum özüñ
Kim körünmäs boldy ul şāh közü 3

05

- (1) Ojy anyb vasf etib vaqtqa baqar
Nāğahān . . . . .
- (2) Turdy baqty kördi ul Juhūd erür
Ajdy . . . . .
- (3) Kim musulmān bolğaj emdi bu samān
Tapqaj . . . . .
- (4) Diniñiz haqlyqyn kördi közüm
Oşbu diniñ haqlyqyn . . . . .
- (5) Jatyb joqlajurda nāğahān
Kim köründi közüma anduz Jahan
- (6) Uluğ-kiçik barça kelmişlär qamuğ
Kim janaşa tizilmiş jäti tamuğ
- (7) Tutuban mäni anda keltürdilär
Şämitni äzär etkän bu tedilär
- (8) Färman qyldy eşit Ğj sen liqā
Atyñ tedilär tamuğ otyña jaqa

- (9) Qorqurumdyn seskänib turdum oş
Ul sa'adat haqqa imän keltürdüm oş
- (10) Barça mälyn haq jolynda qyldy şarf
Mundyn artuq temädi hiç şarf
- (11) Şafv büstän(y)nyň Hj täza guly (litt.güly)
Qarşyňyzda sajrab oş til bulbuly
- (12) Şafv bābyn emdi hoş rāvān etār
Sözläri köglülärni oş güleşän etār
- (13) Şafv qylmaq erür erniň damy
Er damyda miň dam erür bir damy
- (14) Şafv qylmaq täñri bujruq(y) erür
Bujruqyn tutqynğa ul Jannat bārūr

06.

- (1) . . . . . ravān
Hāş-u 'āmdyn şafv qylşyl Hj Javān
- (2) . . . . . dam
Siz aña ihsān bila qylyň karam
- (3) . . . . .
Şafv qylşyl barçadyn 'aqlı tamyz
- (4) . . . . . eşit
Ma'nisin ajtajym aňla jigit
- (5) Kim keçürmek erür bir mendin
Azşan-u jazşan bas şar sendin
- (6) Haq ajtur rahmat qylyb anlara oş
Rüzī qylduq Jannat-u firdavsyn hoş
- (7) Hür-u rizvān tilägän kişi mudām
Şafv qylsum barçalardyn ul tamām
- (8) Nāghān jazyb janlysa bir kişi
Keçürüb andyn kim karīm bolsun işi
- (9) Bir hikājat nazm etājim aňlanyz
Jān-u dil (litt.dil) birlä sözün tyňlanyz

- (I0) Kim uzajy rūzgār içra magar
Bir malik bar erdi asry mu'tabar
- (II) Kim aty Mas'ūd edi öziniç
Şāhi erdi ōzi ul jār jūziniç
- (I2) Javuzlary 'asa-aljund (?) Āj jigit
Ham jana bir şān bar edi hoş eşit
- (I3) Ibni Aş'as erdi ul şāh aty bil
Oş hikājat qylsun āj sizgā til
- (I4) Ul ikāgū dūşmān edilār tamām
Aldar erdi bir-birini mudām

07

- (1) Tabmas erdilār bir biringā zafar
Tynla emdi ajtajym oş mān bir habar
- (2) 'āqibat Mas'ūd jy'dy laşkaryn
El ulus qojmady uruş erin
- (3) Nafir urun ikāgū turuštylar
Iki laşkar kōb qatyj uruštylar
- (4) Tāhri taqdiri birlā nāgahān
Ibn Aş'ās laşkary syndy ravān
- (5) Haq ta'ālā bārdi çun Masjūda jol
Ibn Aş'as laşkaryny qyrdy ul
- (6) Aldylar kōb asīr kōb ōlĵā māl
Ul çārikdin qyldylar ōkūš isāl
- (7) 'izz-u nasr birlā ōwigū keldi şāh
Ul asīriārniç qamujyn jy'dy şāh
- (8) Ōzi altun sandalyda olturub
Sorar erdi barça bir-bir keltürüb
- (9) Bir jigitkē tūšeti nāgahān kōzi
Any ul dam keltürtüb sordy ōzi
- (10) Ul jigit a. j. kim āj şāh-i jahān
Bir sōzim bar ajtajym bārgil amān

- (II) Şāh ajdy kim amān bārdia sağa
Ne sözüň bar ersä äjgyl oň mağa
- (I2) Ul jigit ajdy kim äj şāh-i karam
Sözüm ajtajym eşitkil çəbu dam
- (I3) Şān tilägün işni berdi haq sağa
Haq tilägün işni qyljyl şān mağa

08

- (I) Nuşrāt erdi tilägig taptyn any
Jafv erür sändin emdi tilägüni
- (2) Haq ta‘ālā sağa dawlat bārdi oş
Düşmānyzyz qyldy barça hāmūş
- (3) Şān taqy haqlyq uşün şāh-i Jahān
Jafv etib bizdin keçürgil bu zamān
- (4) Sen bizim jamanyzğa baqmajyl
Qahr oty birlä bizni jaqmajyl
- (5) Lutf qyldy sağa oş parvardigār
Qahr qylma bizgä sen äj mudām
- (6) Jafv etib qyl köñlümizni emdi şād
Lutf qylyb barqamyzyz qyl ābād
- (7) Kim karīmdin dā‘imā kelür karīm
Bas karīm qyl bizgä şānsen
- (8) Şāh ul dam aqlady jigit sözin
Körükli söz ajtur teju ögdi özin
- (9) Qyldy aşjan sözlärin ul dam qabül
Ul jigitniq qylmady köñlin malül
- (10) Ul jigit sözüñ ul dam eşitib
Ul asīrlärni asirkār rahm etib
- (II) Haq rāşī uşün ul şāh-i Jahān
Barqasyn ābād qylady ul zamān
- (I2) Ul jigitni jarlyqab sojurjady
‘umary barynça teb hoş ajyrjady
- (I3) Äj Jahān sultānlarynyñ sultāny
Jäty iqlimdä qamuy hānlarynyñ hāny.

-
- I Rypka Jan. Iranisch Literaturgeschichte. Leipzig, 1959;**
Nicholson R. Literary History of the Arabs. Londres, 1907;
Gibb H.A.R. Arabic Literature. In Introduction. Londres, 1926.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакторов	3

Я З Ы К

М у р а т о в С.Н. К вопросу об изучении старопольменных памятников на языке турки (системы воспроизведения арабографичных текстов средствами современной графики) . . .	7
Г а л я у т д и н о в И.Г. Письменные памятники Башкирии (проблемы полевой, камеральной и эдиционной археографии)	31
Т е н и ш е в Э.Р. О соотношении внешних и внутренних факторов в развитии турецких языков (по письменным памятникам и диалектным данным)	48
Г а р и п о в Т.М. Относительно "булгарских" эпитафий Башкирии	52
И ш б е р д и н Э.Ф. Рукописные и печатные словари XVIII-XIX вв. как источники изучения истории башкирского языка	69
А х м е т о в М.А. Орхоно-енисейские памятники и современный башкирский язык (к определению тенденций развития грамматических средств)	82
Г у щ и н а В.П. Функционирование туркизмов в русских памятниках письменности XVII века	89

И С Т О Р И Я

Г в о з д и к о в а И.М. Документы следствия и суда по делу Салавата Илаева	99
Р а х м а т у л л и н У.Х. Некоторые вопросы источниковедческого изучения башкирских шежере	117
В а л е е в Д.Ж. Наказ башкир Исетской провинции в Уложенную комиссию, составленный Базаргулом Илаевым, как важный источник изучения общественно-политической мысли	130
Ш а р и п о в а З.Я. Башкирское шежере из Рукописного фонда ИИЯЛ БЭАН СССР	139

ЛИТЕРАТУРА

- А х м а д и е в В.И. Оренбургская периодика начала
XV в. как источник изучения истории башкирской литературы 145
- Х у с а и н о в Г.Б. Новонайденные рукописные хик-
меты Мавля Куля 152
- Б а з и л о в Э.И. Дидактическая поэма Махмуда Му-
хаммедьяра "Нур-и Садур" из рукописной коллекции Башкирии 163

Академия наук СССР
Башкирский филиал
Институт истории, языка и литературы

Письменные памятники Башкирии

Редактор Л.А.Булгакова
Корректор Р.М.Габдуллина

Подписано в печать 29/ХП 1982 г. ПИ1553. Бумага №
Физ.печ.л. II,0. Уч.-изд.л. 8,5. Цена I р.20 к. Тираж 400.
Заказ № 307

РТИ БФАН СССР.